

КРАСНОЯРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ

**Материалы X Всероссийской (национальной)
научно-практической конференции**

Красноярск, 24 ноября 2022 г.

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ

**Материалы X Всероссийской (национальной)
научно-практической конференции**

Красноярск, 24 ноября 2022 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2022

ББК 87.7
Э 901

Редакционная коллегия:

Е.Н. Викторук (отв. ред.)

В.В. Минеев

Н.И. Лобанова

Э 901 **Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии:** материалы X Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Красноярск, 24 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Н. Викторук; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2022. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-611-2

В сборник вошли статьи как признанных ученых, так и начинающих исследователей из Москвы, Томска, Новосибирска и других городов страны. Представлены современные типы философской рефлексии над процессами развития морали и этики. Тематику исследований объединяет прежде всего осознание важной роли, которую в условиях быстро меняющегося мира играют университеты, педагогические вузы. Играют не только в когнитивно-познавательном и воспитательном аспекте, но также в этико-аксиологическом, культурном, социально-проектирующем. Поэтому внимание читателя последовательно фокусируется на проблемах университетской этики, приоритетах прикладной и практической этики в образовательном пространстве, на этической компетентности педагога, наконец, на особенностях трансформации самого морального субъекта.

ББК 87.7

ISBN 978-5-00102-611-2

(Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вводный раздел

Викторук Е.Н., Минеев В.В. «Новая этика» в антропологическом измерении	6
--	---

Раздел 1. Императивы и ценности этики меняющегося мира

Китариигло А.Г., Минеев В.В. Парадоксальная природа педагогической власти как незакрытый вопрос политико-философской мысли	11
Клинкова Д.С., Хорунженко А.В. Направления изменения этики в изменяющемся мире	15
Лобанова Н.И. «Я, Ты, Он, Она...»: попытка определения субъекта».....	18
Круглов В.Л. Круги вольнодумства: идеалы любомудрия или паноптикум науки (вспоминая Руссо).....	21
Нурмухаметова В.В. Цифровая этика как условие успешного онлайн-общения	24
Чернова И.В. Этические нормы Устава благочиния	26
Турчевская Б.К. Биоэтика как практическая философия	29
Тихонова Е.П. Этика киберонтологии: цифровой пантеизм и духовное «вырождение» человека	32
Шевалов С.В. Морально-нравственные проблемы неолиберализма в системе взглядов Ноама Хомского.....	35
Кубрикова А.С. Патриотическое воспитание общества в меняющейся реальности	38
Гуан Маосэнь Дух и практика китайской философии традиционного спорта	41
Пантин И.В. Феномен отчуждения в философии Гегеля	44
Смирнова М.М. Выживание и содействие развитию как исконный смысл моральных норм.....	47
Бабаева А.А. Особенности этического регулирования в цифровом обществе	50
Логунова Л.В. «Мне отмщение и аз воздам».....	53

Раздел 2. Расширение круга этических проблем в образовательном и исследовательском пространстве

Спиридонова Н.Г. К вопросу о понятии адвокатской этики в Российской империи и Российской Федерации	57
Ишманова А.А. Роль этической культуры педагога при организации учебной автономии в процессе обучения иностранному языку	60
Федотиков М.А. Формы социального поведения: социофобия	63

Мутовина К.М. Культура как инструмент коммуникации людей, говорящих на разных языках.....	66
Мишанов А.А., Нестеренко Е.Р. Формирование смысла жизни в эпоху модерна	69
Резер Т.М., Попов П.М. Неопределенности воспитания в профессиональной деятельности современного педагога	72
Похабова П.Ф., Розонова К.Ю. Как межличностный конфликт перерастает в социальный?	75
Литовских К.В., Гонтарь Л.Ю. Имидж педагога.....	78
Молокова Л.Р., Березина А.П. Кибербуллинг как проблема современного общества	81
Ансов И.В. Престиж и его влияние на выбор профессии	84
Сасин М.В. Философский взгляд на образовательную идеологию в условиях реализации обновленного ФГОС	87
Черняева А.С. Постчеловек как цель эволюции?.....	90

Раздел 3. Этика и практика: современные вызовы

Мышковская А.И. К вопросу о понятии «практика» в философии	94
Юрков Д.В. Модель философского консультирования подростков в процессе компьютерной игры на примере проекта «Психологический гейминг».....	98
Орлова О.Ю., Гох А.Ф. Тревожность как предмет психологического консультирования.....	101
Морозова О.Н., Карпиевич А.И. Саморегуляция как основа успешной жизни подростка в меняющемся мире	104
Юдина М.Б., Гаврина О.А. Особенности коммуникации близнецов в современной семье.....	107
Володенкова А.А. Подходы к изучению проблемы тревожности.....	110
Любичева В.Д. Образ современной семьи, имеющей ребенка с ОВЗ.....	113
Верясова К.Е. Константы социальности: роль отца в жизни дочери	116
Мешкова И.В. Этическая компетентность как условие формирования педагогического авторитета молодого учителя.....	119
Лобаева И.С. Влияние психологических барьеров на формирование этической компетентности будущих педагогов.....	122
Шестакова Н.Н. Семантические аспекты образа справедливости	125
Романова Л.Н. Клубная деятельность как феномен современной культуры	128
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	131

ВВОДНЫЙ РАЗДЕЛ

«НОВАЯ ЭТИКА» В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

«NEW ETHICS» IN THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

Е.Н. Викторук, В.В. Минеев

E.N. Viktoruk, V.V. Mineyev

Этика; «новая этика»; моральный субъект; поколение; биоэтика.

Новые реалии порождают и новые этические проблемы. К реалиям, изменяющим качество нашей жизни в целом, относятся такие разнородные инновации, как Интернет, новейшие репродуктивные технологии, идеология неолиберализма (потребительского общества) и множество других. Поэтому границы «новой этики» трудно очертить строго. В данном введении упоминаются лишь некоторые проблемы, попадающие в ее поле зрения. Тема получает развитие в материалах, подготовленных другими участниками конференции и касающихся смежных топосов: «новый» человек, педагогическая власть, параллельное родительство, цифровая этика, биоэтика, ребенок с ОВЗ.

Power; ethics; «new ethics»; moral agent; generation; bioethics.

New realities also give rise to new ethical problems. The realities that change the quality of our life in general include such diverse innovations as the Internet, New Reproductive Technologies, the ideology of neoliberalism (consumer society) and many other ones. Therefore, the boundaries of the «new ethics» are hard to delineate. This article mentions only some of the problems that fall into the sight. The subject is being developed in materials prepared by other participants in the conference and is related to the closest topics: «new» human, pedagogical power, parallel parenting, digital ethics, bioethics, a child with special needs.

Словосочетание «новая этика» получило распространение на рубеже XIX–XX веков в контексте обсуждения идей Фридриха Ницше, а также женской эмансипации и сексуальной либерализации. В середине XX века этот достаточно провокационный слоган вновь был востребован в связи с попытками преодолеть оппозицию добра и зла. Так, согласно Э. Нойманну, не следует быть догматиком и фанатиком, проецировать заключенные в себе темные силы вовне с разрушительными последствиями, но необходимо осознать собственную «тьень» как внутреннюю проблему [1]. Если в первом случае этику призвана была вытеснить политика («логика классово́й борьбы»), то во втором – психотерапия.

Трудно сказать, насколько существенна связь нынешних дискуссий о «новой этике» с прежними смыслами (хотя связь, безусловно, есть и касается она попыток размыть, расшатать классический нравственный идеал, о чем свидетельствуют откровенные признания Аниты Аллен [2]), но сегодня концепт стал еще более неоднозначным и спорным. По мнению многих критиков, очередная волна феминизма, борьба с домогательствами, компенсация за обиды (нанесенных разного рода меньшинствам), новые формы сексуальных партнерств и новые формы организации коллективного действия, сетевая коммуникация и, соответственно, этические проблемы, связанные со всем вышеперечисленным, являются «новыми» только для современной России [3]. И вообще, понятие «новая этика»

используется там, где нужно подменить серьезные политические действия (например, изменение законодательства или формы собственности) мелочным морализаторством. Таким образом, само понятие «новой этики» оказалось полем острого противоборства мнений. Одни относятся к ней позитивно, другие – резко негативно. Одни видят в ней нечто принципиально новое, другие же – ровным счетом ничего такого. Перечислять направления поляризации можно было бы долго, но авторы ограничены форматом небольшой статьи.

На наш взгляд, на сегодня наиболее глубокое понимание сущности яркого феномена общественного сознания представлено в работе И.А. Тульпе и М.Ю. Смирнова: «новая этика» обнаруживает степень готовности общества к нравственному развитию. Приведем (с небольшими сокращениями) очень емкое резюме из их статьи:

«Императивом „новой этики” можно считать актуализацию установки «человек есть мера всех вещей» и противопоставление этой установки восприятию мира сквозь призму деления на добро и зло. ...Человек „здесь и сейчас” выступает как абсолютная ценность. ...Поскольку установки „новой этики” побуждают к переходу от издавна постулированного теоретического признания ценности человека к реальному воплощению этой установки в противоречивых условиях жесткой социальной реальности» [4, с. 37].

Перевод проблематики в антропологическое русло, конечно, не лишает ее многогранности и многоплановости, однако придает многообразию затрагиваемых тем цельность и последовательность.

«Новая этика» акцентирует не столько субъект-субъектные отношения, сколько новую культуру взаимодействия человека со средой, с миром. С обществом, техносферой, природой. Более того, раскрывает способ поведения (бытия) индивида внутри сверхсложной самоорганизующейся системы.

Новизна ситуации заключается не в активности феминистических движений или в появлении очередных квир-движений, а в быстром накоплении непредсказуемых последствий манипулирования биологическим субстратом человека. Для начала необходимо признать, что никакие моральные проповеди или даже политические инициативы не в состоянии пересилить давление научно-технического прогресса, неумолимость действия законов развития производительных сил. Это развитие создает объективные предпосылки и для стирания различий между гендерами, и для радикальных трансформаций в сферах коммуникации, образования, управления. Прежние ориентиры малоэффективны, а новых нет.

На повестке дня, как всегда, социальная справедливость, свобода самовыражения, благо человека. Между тем применение двойных стандартов, лицемерие, цинизм, манипуляция общественным мнением достигли небывалых, чудовищных масштабов. Тесное соприкосновение культур и, что особенно обидно, инклюзия часто вызывает ответную реакцию – всплески нетерпимости, сегрегацию. Либерализация оборачивается безобразными проявлениями гендерного и расового квотирования, разрушительным вторжением в семью, «культурой отмены»

(деплатформинг, то есть лишение возможности высказываться на публичных площадках), навешиванием ярлыков, агрессивным навязыванием сомнительных ценностей (таких как смена пола или эвтаназия), угрозой свободе слова. Обращается насилием над теми, кто имеет смелость мыслить и говорить не так, как предписывают действительно новые, не всегда понятно откуда берущиеся нормы этикета и «правила» (чернокожей допустимо изображать только жертву Дездемону, но не Отелло; балет П.А. Чайковского «Щелкунчик» содержит расистские и карикатурные элементы). К сожалению, и в масс-медиа, и в научных дискуссиях именно подобные негативные тенденции в социокультурном пространстве обычно и обозначаются словом «новая этика».

Но такое словоупотребление вряд ли можно считать корректным. «Новая этика» – это не свод догматически принятых правил (например, необходимость гендерного или расового квотирования, запрет на те или иные высказывания), а прежде всего, поиск, радикальная ревизия устоявшихся норм и правил в самых разных сферах жизни. От медицины и образования до способов естественного воспроизводства и отношения к старшим и младшим по возрасту.

И тут мы рискнули бы сформулировать первое условие подлинной этической новизны: ни у одной группы населения не должно быть монополии на выработку новых этических стандартов.

Важными факторами становления «новой этики» выступают оправдание телесности человека, расширение сознания, сама скорость происходящих изменений, ведущая, в частности, к разрыву преемственности поколений, к тому, что дети часто уже не могут воспользоваться этическим опытом родителей.

Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что мораль в современную эпоху уже не может носить репрессивный характер (связанный с религиозными или политическими источниками моральных норм). Но в таком случае, каким образом реализуется нормативно-регуляционная функция морали? Может быть, самая важная особенность «новой этики» заключается в отсутствии боязни отступить от общепринятых правил, а значит, в повышении личной ответственности, что во многом определяет образ «новой власти». Выбор оказывается глубоко личным. Но поступок одного человека становится примером для других (речь ведь идет о нравственности). Моральные лидеры прокладывают путь сообществу, которому предстоит преодолеть ту или иную трудность, давление со стороны власти, несправедливость. Такую форму лидерства мы наблюдаем в аутичных сообществах [5; 6], она находит отражение в художественных произведениях и фильмах. Не случайно ее кристаллизация тесно связана с новыми формами общностей (реальных или виртуальных, таких как интернет-форумы), с новыми видами и формами социальной активности (дауншифтинг, флешмоб, волонтерские движения), с непривычными для классических лидеров социальными позициями (журналист, артист, блогер).

Таким образом, становление «новой этики» обусловлено и тем, что авторитарные, инструментальные методы преодоления социальных коллизий, конфликтов,

кризисов становятся неэффективными. Традиционные формы управления исчерпали себя. Беспрецедентное усложнение социальной организации, требующее не однозначно-детерминистского, а синергетического, стохастического описания, одновременное включение индивида во множество групп, усиливающаяся фрагментарность нашего существования, – это и многое другое ставит под сомнение эффективность легитимных институтов власти вообще, их будущее. Роль моральных факторов в глобальных и локальных конфликтах возрастает несмотря на то, что мораль, в отличие от других социальных подсистем (политики, экономики, религии), в целом не институциональна. Будучи системой ценностей, а значит, и системой глубинной мотивации, мораль способна оказывать существенное влияние на процессы социальных трансформаций на любом уровне. При этом она должна рассматриваться не упрощенно (как идеологическая надстройка), а во всей сложности гранднарративного феномена [7, с. 9]. Только в таком, культурно- и социально-антропологическом контексте можно понять природу, смысл того явления, которое получило название «новая этика».

Библиографический список

1. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб.: Азбука-Классика, 2009. 256 с.
2. Allen A.L. The New Ethics: A Guided Tour of the Twenty-First Century Moral Landscape. Miramax Books, 2004. 322 p.
3. Сысоев Т. Философ Артемий Магун: «Новая этика» – это не про культурность, а про «новую моральную аллергию», которая пришла к нам из США» // Культура. 2021. № 1. 28 января 2021.
4. Тульпе И.А., Смирнов М.Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 1. С. 30–38. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38>
5. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 3. С. 33–38.
6. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
7. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.

Раздел 1.
ИМПЕРАТИВЫ И ЦЕННОСТИ ЭТИКИ
МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ КАК НЕЗАКРЫТЫЙ ВОПРОС ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

PARADOXICAL NATURE OF PEDAGOGICAL POWER AS AN UNCLOSED ISSUE OF POLITICAL-PHILOSOPHICAL THOUGHT

А.Г. Китариогло, В.В. Минеев

A.G. Kitarioglo, V.V. Mineyev

Власть; педагогическая власть; господство; насилие; контроль.

Несмотря на свой явно парадоксальный характер, феномен педагогической власти по-прежнему ускользает от внимания философов, и данное понятие употребляется почти исключительно в рамках педагогического дискурса. Между тем данный феномен обладает огромным нераскрытым политико-философским и этико-философским потенциалом, поскольку способствует переосмыслению не только классических, но и неклассических концепций власти.

Power; pedagogical power; dominance; violence; control.

Despite its obviously paradoxical nature, the phenomenon of pedagogical power still escapes the attention of philosophers, and this concept is used almost exclusively within the framework of pedagogical discourse. Meanwhile, this phenomenon has an untapped political-philosophical and ethical-philosophical capability, since it contributes to rethinking not only classical, but also non-classical concepts of power.

Термин «педагогическая власть» может употребляться как в узком (более или менее строгом), так и в широком, нестрогом смысле слова. Говорят о «власти» учителя над учеником, наставника над послушником, родителя над ребенком, о власти идей, как правило, безличной, однако, ни четкое определение понятия, ни уровень предельного обобщения не достигнуты. В педагогическом дискурсе «власть» легко отождествляется то с «насилием», то с «принуждением», то с контролем, приобретает то позитивные, то тут же негативные коннотации и, таким образом, служит не столько объяснению, сколько маскировке сущности, некоторого особого отношения между субъектом и объектом педагогического процесса. Увы, двусмысленность понятия еще не говорит о раскрытии внутреннего, диалектического противоречия, присущего тому или иному явлению.

Обратимся к понятию педагогической власти в узком, педагогическом смысле слова. Данное понятие формулируется в работах Б.М. Бим-Бада, справедливо определяющего ее как «центральное, организационное и регулятивно-контрольное начало педагогического процесса; одну из важнейших и наиболее древних проблем педагогического знания; проблему культуры образования и конкретной жизни человека...» [1, с. 35–36]. Однако понятие «педагогическая

власть» не равнозначно понятию «власть педагога». Иными словами, не продуктивно трактовать понятие «педагогическая власть» в качестве простой экстраполяции понятия «власть» на сферу образования.

Педагогическая власть является очень важным фактором организации любого образовательного процесса и тесно связана не только с собственно образовательной сферой, но также с политической, экономической, религиозной жизнью людей. Вместе с тем необходимо проводить различие между проявлениями отношений господства и подчинения в их неспецифической форме (в такой форме они присутствуют всюду, разумеется, и в образовательном процессе) и формами принуждения, специфическими для процессов обучения и воспитания. Недостаточно четкое разграничение этих двух видов является существенным недостатком дискурса о педагогической власти, препятствием для развития представлений о данном феномене.

Однако разграничить эти два вида действительно не просто. Более того, попытки разграничения приводят либо к антиномиям, либо к односторонней позиции, когда автор замечает лишь одну сторону дела, произвольно ограничивает значение слова, например, отказывается называть властью грубое насилие со стороны учителя или, наоборот, учительский «авторитет». Осознание данной оппозиции, как и достаточно наивные попытки ее обойти, уходит вглубь веков. Так, Ж.-Ж. Руссо подчеркивал: «Для укрепления тела и содействия его росту природа имеет свои средства, которым никогда не следует противодействовать... Если свобода детей не искажена по нашей вине, они не захотят ничего бесполезного» [2, с. 94]. К этой мысли Руссо возвращается и в другом произведении [3]. С точки зрения Руссо, власть, адекватная природным силам, не подразумевает господства и рабства.

С другой стороны, исключительного напряжения обсуждение темы достигло в трудах и практической работе И.Ф. Гербарта. Он придавал огромное значение управлению детьми в процессе формирования дисциплины. Управление призвано предотвратить не только развитие зародышей дикости, но и такие поползновения со стороны будущего гражданина, как борьба против законов, то есть нравственное зло в его концентрированном виде [4]. Речь идет не просто об инструменте обучения и воспитания ребенка, но о некоем фундаментальном принципе интеграции человека в общество, которое является выражением сложной структуры властных отношений.

Поскольку педагогическая власть оказалась сложным, неоднозначным феноменом, то полезно фокусировать внимание на механизмах поддержания единства ее многообразных проявлений. К сожалению, обзор публикаций по этому вопросу свидетельствует об обратном – об узкой специализации исследований, о сужении и умножении дефиниций без расчета на последующее восстановление целостной картины объекта. Об этом свидетельствует, в частности, подход Джессики Пикет, рассматривающей педагогическую власть в контексте искусства обучения и настаивающей на необходимости просто различать «педагогику» и власть,

«гегемонию» [5, р. 8]. Западные авторы либо концентрируются на инструментальных моментах [6], либо сводят анализ к обсуждению идей Генри Жиру, критической педагогики, ценностей неолиберализма применительно к сфере образования [7]. Отечественные работы, конечно, отличаются этико-философской глубиной [8], но малочисленны.

Педагогическую власть без преувеличения можно назвать своеобразным нервом, стержнем педагогического процесса и всей совокупности отношений, в нем и вокруг него возникающих. Для более полного понимания механизмов возникновения педагогической власти и специфики ее различных форм представляется целесообразным определить основные, конституирующие предпосылки ее происхождения. Онтологической предпосылкой, как мы уже отмечали ранее, является сам факт множественности субъектов властных отношений, ведь само понятие «отношения» имплицитно предполагает наличие Другого, того, к кому или к чему это отношение будет направлено. Гносеологической предпосылкой властных отношений служит разная степень компетентности, образованности, разный уровень культуры в широком смысле этого слова как минимум двух участников этих отношений. И, наконец, деонтологической предпосылкой является необходимость в передаче некоей части знаний и умений теми, кто обладает ими в большей степени, тем, кто ощущает их недостаток или согласился с необходимостью их приобретения.

В любом контексте образование трактуется то как особая сфера и, более того, способ человеческого бытия, совокупность разнообразных процессов, направленных на приобретение знаний и на передачу опыта, на приобщение к образу человека, то как один из социальных институтов, включающий систему средств обеспечения учебно-воспитательного процесса и некоторую социальную иерархию. Тогда под педагогической властью правомерно понимать имманентную образованию совокупность властных отношений, проявляющуюся в различных формах и на различных уровнях. В основании данного вида власти лежит универсальное отношение «учитель – ученик».

Анализ разнообразных педагогических, философских, политических, художественных и иных текстов, а также анализ социальных феноменов позволяет ввести исходную абстракцию «педагогическая власть». Ее можно трактовать узко или широко. Широкое толкование представляется более плодотворным, поскольку позволяет рассмотреть объект в широком социальном контексте и в практико-методологическом аспекте. Педагогическая власть не сводится к власти профессионального педагога, но связана с учительско-ученическими отношениями, пронизывающими всю нашу жизнь. Поэтому – в полном согласии с идеями Мишеля Фуко – следует связывать педагогическую власть в первую очередь с образованием как сферой бытия, в меньшей степени – с системой образования, а в еще меньшей – с влиянием отдельного человека. Концепция Фуко, который поместил образование в контекст эволюции власти-знания, оказывает огромное влияние на современную политико-философскую мысль (в гораздо

меньшей степени – на мысль педагогическую) и широко обсуждается. Дело, однако, в следующем. Та власть, которая формируется в пространстве образования и о которой идет речь у Фуко, и та власть, которую мы характеризуем как принципиально новый социально-политический феномен и идентифицируем как «педагогическую власть», – не одно и то же. Именно это обстоятельство мы и назвали «незакрытым вопросом».

Пристального внимания заслуживает сам по себе парадоксальный характер педагогической власти, **направленной на выведение объекта из подвластного состояния, на отрицание самой себя**. В трудах Фуко мы не находим такого объекта, хотя, конечно, фукодианская интенция о продуктивной (а не негативной, запретительной) направленности власти имеют для понимания сущности педагогической власти огромное значение. В этой связи педагогическую власть следует отличать от иных проявлений власти в образовательном процессе. Для понимания механизмов реализации педагогической власти важны моменты ее взаимодействия с иными видами власти, моменты взаимоперехода, а, следовательно, судьбоносная возможность позитивного трансформирующего влияния педагогической власти на власть политическую, на иные виды и формы власти. Подобное влияние, на наш взгляд, прослеживается, например, в структуре аутичных сообществ, преодолевающих социальную иерархию и навязанные ценности [9; 10].

Библиографический список

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1981. 336 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М.: Худ. лит, 1968. 772 с.
4. Герbart И.Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: ГУПИ, 1940. Т. 1. 292 с.
5. Rykett J. Pedagogical power: Lessons in School Spaces // Education Citizenship and Social Justice. 2009. Vol. 4 (2). P. 102–116.
6. Stoyanova, S., Ivantchev, N. Teachers' Pedagogical Power A Community School Study // Psychology, Community & Health. 2016, Vol. 5(1). P. 44–60.
7. Bizzell, P. Power, Authority, and Critical Pedagogy // Journal of Basic Writing, Vol. 10, No. 2, 1991. P. 54–70.
8. Кузин И.В. Онтология запрета // Образование и насилие: сборник статей / под ред. К.С. Пигрова. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2004. С. 109–115.
9. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 3. С. 33–38.
10. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТИКИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

DIRECTIONS FOR CHANGING ETHICS IN A CHANGING WORLD

Д.С. Клинова, А.В. Хорунженко

D.S. Klinkova, A.V. Khorunzhenko

Научный руководитель Н.И. Мартишина

Scientific director N.I. Martishina

Этика, категории этики, ценности этики, профессиональная этика.

Актуальность темы научной статьи обусловлена тем, что из-за увеличения сложности мира увеличивается и значение взаимосвязи людей в социуме. Цель: выявить основные направления трансформации этики в современном мире. Задачи: определить статус категорий этики в современном обществе; понять роль и место профессиональной этики в системе ценностей этики.

Ethics, categories of ethics, values of ethics, professional ethics.

The relevance of the topic of a scientific article is due to the fact that due to the increase in the complexity of the world, the importance of the relationship of people in society, and, consequently, moral values, also increases. Purpose: to identify the main directions of the transformation of ethics in the modern world. Objectives: to determine the status of the categories of ethics in modern society; understand the role and place of professional ethics in the value system of ethics.

Понятие «этика» было введено греческим философом Аристотелем с целью обозначения его учения, в котором представлено поведение человека и его направленности. Этика – это гуманитарная наука, которая изучает синтез морали и нравственности как особо значимую сторону жизнедеятельности человека. Этика имеет связь с философией и довольно продолжительный период времени рассматривалась как ядро философии в трудах Аристотеля, Платона, Канта. Исторически этика меняется вместе с реалиями общества, нравственные ориентиры которого она отражает.

Категории этики – это наиболее фундаментальные ее понятия, значимые в теории и в практике, в том числе: добро и зло, справедливость, благо, совесть, ответственность, долг, достоинство и честь, а также такие аксиологические универсалии, как смысл жизни, счастье и др. [1, с. 7].

Первым направлением развития этики в меняющихся социальных обстоятельствах является трансформация содержания всех указанных этических категорий, сохраняющая их концептуальную основу, но учитывающая особенности современной практики. Английский философ XX в. Дж. Э. Мур говорил: «Прежде чем определить, какое поведение людей является правильным – моральным

и неправильным – аморальным, необходимо прояснить, что такое «добро» и «зло» – эти фундаментальные основания, критерии этического суждения. Этическая же оценка самих поступков и отношений дается на основании их ориентации на достижение добра и зла» [2, с. 328]. В мире, где сложно переплетаются интересы различных социальных групп, даже понятия добра и зла приобретают относительность. То, что одна социальная группа рассматривает как благо, может быть негативным фактором для развития другой группы. Ценности этики становятся отчасти декларативными. Известный американский философ А. Макинтайр отмечает, что различные этические теории и принципы в современном обществе чаще просто используются для того, чтобы оправдать решения, которые принимаются по другим основаниям [3, с. 33]. Поэтому важным направлением развития теоретической этики представляется исследование соотношения абсолютного и относительного в трактовке фундаментальных категорий этики, выявление того инварианта нравственного суждения и оценки, который и позволяет отличать этическое решение от прагматического. Современные исследования обнаруживают, что такой инвариант все-таки существует. Так, осуществленное в 2019 г. исследование специалистов по социальной антропологии Оксфордского университета, которые сравнивали моральные нормы 60 культур и пришли к выводу, что все-таки существуют некоторые общечеловеческие нормы: помогай родственникам, помогай своей группе, отвечай взаимностью, будь храбрым, подчиняйся вышестоящим, делись ресурсами, уважай чужие права [4]. Перечисленные нормы обеспечивают кооперацию людей и – в конечном счете – выживание сообществ, так что, вероятно, они просто не могли бы быть другими. Возможно, на основе этого списка и можно сформировать новую базовую интерпретацию категорий этики.

Во-вторых, в современном мире становится все более развитой и сложной система профессиональной деятельности, возрастает специализация людей в различных сферах. Поэтому вторым направлением трансформации этики представляется появление, наряду с универсальной, профессиональной этики.

Профессиональная этика конкретизирует общие этические требования применительно к специфике деятельности в рамках соответствующей профессии. Особенно это необходимо для профессий, которые связаны со взаимодействием между людьми. Например, педагогическая этика направлена на воспитание уважения к личности ученика, обеспечение взаимного доверия. Этическими нормами работы в сфере обслуживания являются культура общения, честность. Биомедицинская этика устанавливает руководящие принципы для биологии, медицинской практики и принятия управленческих решений, определяя этические границы вмешательства специалистов в сферу живого. Примечательно, что нормы профессиональной этики могут быть даже взаимно противоположными. Например, в этике военнослужащих закреплено построение взаимоотношений в четком соответствии с уставом и беспрекословное выполнение его требований, тогда как этика научного работника нацеливает его, наряду

с готовностью воспринимать конструктивную критику, на самостоятельный поиск истины и ее отстаивание, в том числе в полемике, это проявление научной добросовестности. С профессиональной этикой связаны и некоторые специфические требования этикета, также в дополнение к универсальным правилам.

Поскольку мы являемся будущими специалистами таможенного дела, для нас был интересен вопрос о том, какие этические категории являются ключевыми в профессиональной деятельности таможенника. С нашей точки зрения, это прежде всего требования честности, порядочности, справедливости. Хорошее владение нормативной базой деятельности таможенных органов и ее грамотное применение составляет, по нашему мнению, основу профессионального этикета.

Еще одно направление развития этики связано с изменением самих условий социального бытия. Современная мораль столкнулась с таким новым вызовом, как расширение сферы публичной морали, связанное с необходимостью морального регулирования новых, не существовавших ранее сфер и форм деятельности (например, появление специфической информационной этики). Новые моральные коллизии возникают и в связи с развитием тенденций глобализации. Современный мир – это во многом технологизированное пространство. В нем возникают противоречия между исконными нормами этики и формами бытия человека в технической среде. С одной стороны, некоторые традиционные нарушения этических норм приобретают новые возможности проявления в Интернете (например, обман или распространение порочащих человека сведений). С другой стороны, возрастает возможный резонанс таких действий, так что мера ответственности человека за них становится иной. И решить эти проблемы тоже невозможно без переосмысления категорий этики.

Вывод о том, что нравственность, а, следовательно, и этика в современном мире в целом становится другой, на наш взгляд, сделать все же нельзя. Просто «изменяется характер представлений человека о самом себе, а соответственно, иными становятся и те этические задачи, которые он перед собой ставит» [1, с. 58]. Но сегодня, как тысячи лет назад, с этических позиций мы предпочитаем мужественного человека трусу, щедрого – скупому, самоотверженного – себялюбцу [1, с. 65] и т.д.

Библиографический список

1. Синицына Т.И. Профессиональная этика и служебный этикет: учебное пособие / Т.И. Синицына; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде. Вологда, 2022. 162 с.
2. Мишаткина Т.В., Яскевич Я.С. Этика: учебное пособие для вузов. Минск: Вышэйшая школа, 2017. 334 с.
3. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2018. 384 с.
4. Seven moral rules found all around the world. Is it good to cooperate? Testing the theory of morality-as-cooperation in 60 societies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2019/03/190304134216.htm> (дата обращения: 18.11.2022).

«Я, ТЫ, ОН, ОНА...»: ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА

«I, YOU, HE, SHE...»: AN ATTEMPT TO DEFINE THE SUBJECT

Н.И. Лобанова

N. I. Lobanova

Субъект, местоимения «Я»/ «Ты»/ «Он»/ «Она», множественная субъектность.

В статье сделана попытка раскрыть диалогическую природу субъекта через анализ смещений значения данного термина; раскрывается направленность изменений понятия субъекта: от обозначений атомизированного, единого, неделимого индивида в сторону «множественной субъектности».

Subject, pronouns «I»/ «You»/ «He»/»She», multiple subjectivity.

The article attempts to reveal the dialogical nature of the subject through the analysis of the shifts in the meaning of this term; reveals the direction of changes in the concept of the subject: from the designations of an atomized, unified, indivisible individual towards “multiple subjectivity”.

Изначально местоимения «я», «ты», «он/она» понимались как обозначение трех субъектов, взаимодействующих друг с другом, или же как выражение одной из трех ипостасей одного и того же субъекта, взятого в отношении к другим субъектам. Это было как бы распределение ролей между определенной совокупностью участников. Какой бы из двух смыслов не использовался, всегда предполагалось наличие нескольких индивидов как автономных материальных объектов-субъектов (это можно назвать внешним пониманием).

Со временем добавляется третий смысл и экстерииоризация сменяется интерииоризацией: различия между «я», «ты», «он/она/оно» переносятся из внешнего мира во внутренний; теперь в самом субъекте (который раньше полагался единым и неделимым) раскрывается область пребывания «ты» и «оно». Субъект больше не показывается только, как «я» или только, как «ты» или только, как «оно», последовательно примеряя на себя все эти роли, по мере изменения своего положения по отношению к другим участникам коммуникации. Выясняется, что все эти три ипостаси сосуществуют в нем одновременно: теперь он не только по отношению к другим выступает как «ты» или «оно», но и по отношению к самому себе.

Это наполнение старой системы различий новым смыслом отражает смену ориентации как таковой с экстерииорной на интерииорную. То есть, если раньше под «отношениями» понимались главным образом межчеловеческие взаимодействия, то теперь на смену отношений с объективными другими приходят отношения с самим собой (или же дополняют прежнюю разновидность отношений).

Это предполагает иную концепцию субъекта [1; с. 20]: постулирование отношений субъекта с самим собой означает, что он не так целостен, един и неделим, как казалось раньше; и так же, как отношения с другими индивидами бывают гармоничными или конфликтными (в случае несовпадения интересов) – то же самое справедливо и для отношений субъекта с самим собой.

Он не однороден, и, значит, в зависимости от того, чью позицию/ипостась он в данный момент занимает по отношению к другим частям/вариантам самого себя (от чьего имени говорит: от имени «я»/ «ты» или «оно») – то есть в зависимости от того, что он принимает/выдает за самого себя в данный момент – он способен воспринимать все противоречащее данной позиции в самом себе как чужое, инородное (об этом писал О. Вейнингер, приводя в пример Мартина Лютера, бросающего в искушающего его «дьявола» чернильницу) [Любопытно, что эта теория внутренней неоднородности (множественной субъектности) человека – религиозная по своему происхождению (и даже еще древнее – мифологическая, об этом свидетельствуют верования первобытных племен, у которых, правда, вместо понятия «души» используется представление о «призраке», живущем в каждом человеке, высвобождающимся в снах и остающимся после него от его смерти).].

В связи со всем сказанным возникает несколько вопросов:

1) Если бы монотеизм христианства был последовательным и отцы церкви не разработали бы догмат о триединстве бога и – по его образу и подобию – догмат о человеке как единстве духа, души и тела: каким было бы современное представление о субъекте? Смогло бы в отсутствие этого догмата и влияния христианской цивилизации сформироваться представление о субъекте как о конгломерате отношений «я»/ «ты» / «оно» (понимаемых интериорно, а не экстериорно)?

2) Вся этика (как контроль за поведением) разработана для экстериорной концепции отношений («я»/ «ты»/ «оно» – обозначение трех различных индивидов). Применима ли она для интериорной концепции отношений (где «я»/ «ты»/ «оно» – это разные части/варианты самого субъекта, сосуществующие в нем одновременно)? Подходит ли (годится ли) этика, разработанная для управления между внешними «я»/ «ты»/ «оно», для регулирования отношений между внутренними «я»/ «ты»/ «оно»? И если теперь каждый субъект предстает внутренне неоднородным и множественным, то какими должны быть отношения разных субъектов (разных «субъектных множественностей») между собой? Могут ли они по-прежнему регулироваться отработанными правовыми и моральными нормами, сформированными под другую (не-диалогическую) концепцию субъекта [2; с. 40]?

Другими словами: если я сам оказываюсь и своим ближним, и своим врагом – может ли отношение к самому себе (между различными вариантами самого себя) руководствоваться теми же правилами и установками, какими регулируется отношение между различными индивидами?

3) Представление о сложности/неоднородности самого себя и об отношениях внутри и между самого себя строится по аналогии с тем, как распределяются роли во внешней коммуникации (во внешнем мире/в объективной реальности есть объекты-субъекты, обозначаемые как «я»/ «ты»/ «оно» – и во внутренней субъективной реальности есть свои «я»/ «ты» и «оно»): в какой мере это применение экстериорных различий для разметки пространства внутреннего

мира субъекта является справедливым? Не оказывается ли это «антропоморфизмом наизнанку» (экстериоморфизмом)? Можно ли полагать, что различные части себя (и отношения между ними) повторяют между собой те же идентификации («я»/ «ты»/ «оно») и отношения, которые существуют между различными индивидами во внешнем мире?

4) Если субъектная множественность и пространство отношений существуют не только во внешнем мире, но и во внутреннем мире личности [3; с. 50] – как тогда меняется представление о социальном: остается ли социальность тем, что характеризует сферу существования только внешних, обособленных друг от друга физических субъектов или же (раз те же отношения и роли/идентификации/ипостаси существуют и внутри каждой личности), можно сказать, что социальность проникает и внутрь субъектов, и тогда социальным оказывается и отношение субъекта к самому себе (сфера отношений между его личными «я»/ «ты»/ «оно»)? Если так, то эта «интимная», внутренняя социальность того же рода, что характерна для отношений субъекта с внешними субъектами или же совершенно иного? И производна ли эта внутренняя социальность (характеризующая сферу отношений субъекта исключительно внутри и между самого себя) от внешней социальности или же она обладает самостоятельным бытием?

Библиографический список

1. Дворкин И.С. В поисках лица. Философские и мистические источники понятий «Я», «Ты», «Он», «Оно», «Мы» в философии диалога // *Judaica Petropolitana*. 2018. № 9. С. 20–45.
2. Дворкин И.С. Философия диалога: историческое и систематическое введение // *Judaica Petropolitana*. 2020. № 13. С. 25–44.
3. Дворкин И.С. Что такое философия диалога? Историческое взаимодействие разных школ // *Вопросы философии*. 2022. Т. № 5. С. 47–58.

КРУГИ ВОЛЬНОДУМСТВА: ИДЕАЛЫ ЛЮБОМУДРИЯ ИЛИ ПАНОПТИКУМ НАУКИ (ВСПОМИНАЯ РУССО)

RIPPLES OF FREETHINKING: THE IDEALS OF PHILOSOPHY OR THE PANOPTICON OF SCIENCE (REMEMBERING ROUSSEAU)

В.Л. Круглов

V.L. Kruglov

Метафизика, философия, наука, просвещение, идеология, человек.

В статье рассматривается феномен идеологии эпохи Просвещения и процесса секуляризации знания. На примере философии Руссо раскрывается переосмысление задач и назначения философии и науки в европейском обществе XVIII столетия.

Metaphysics, philosophy, science, enlightenment, ideology, man.

The article examines the phenomenon of the ideology of the Enlightenment and the process of secularization of knowledge. On the example of Rousseau's philosophy, the rethinking of the tasks and purposes of philosophy and science in the European society of the XVIII century is revealed.

«Предвижу, что мне нелегко простят то, что я осмелился предложить свое решение в этом споре. Прямо нападая на то, чем люди нынче восхищаются, я могу ожидать лишь всеобщего осуждения. ...беды, вызванные нашим ненужным любопытством, стары, как мир».

Жан-Жак Руссо, Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 году по вопросу, предложенному этою же академией: «способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?»

В одном из своих интервью (беседа с Ж.-П. Барру и М. Перро, 1977), обсуждая известную идею британского юриста Иеремии Бентама¹, Мишель Фуко заметил: «Я бы сказал, что Бентам – это дополнение к Руссо. Какова, в самом деле, та руссоистская мечта, что вдохновляла стольких революционеров? Мечта о прозрачном обществе, одновременно видимом и читаемом в каждой из его частей; ... чтобы каждый с занимаемой им точки мог оглядеть все общество целиком; чтобы одни сердца сообщались с другими; чтобы взгляды больше не натывались на препятствия; чтобы царило мнение, мнение каждого о каждом» [10, с. 228–229].

И несмотря на то, что упреки к Руссо действительно более адресованы эпохе – «Во всяком случае, сама тема носилась в воздухе» [10, с. 230], – идеология XVIII столетия, вскормленная идеями просветителей от Руссо до Вольтера,

¹ «Паноптикум, или Инспекционный дом» (1787).

неизбежно вела к такому результату. Высветить все темное, переустроить «темницы» – идиомы настолько же практические, нравственные и политические, насколько и теоретические в свете продолжения бэконовского завета «*ipsa scientia potestas est*» (Meditationes Sacrae, 1597). Сегодня результаты Великой революции уже не удивляют, но скорее лишь подтверждают агрессивный контекст идеологии, укутанный «сиянием Разума».

Мы же хотели бы, в «средоточии» секулярного духа эпохи как «отправления власти и места записи знания» [10, с. 224], обратить внимание на некую *эпистемологическую схизму* – точку размежевания науки, метафизики и философии, отзвуки которой действуют и поныне². И именно Руссо был из немногих современников, кто пытался обратить внимание на опасность происходящего: «добродетель исчезла по мере того, как их сияние [наук и искусств] поднималось все выше над нашим горизонтом», а те, в свою очередь, «обязаны своим происхождением нашим порокам» – из «суеверий; честолюбия, ненависти, лести, лжи, скупости и праздного любопытства», а «все они и даже сама мораль вместе с ними – из человеческой гордыни!» [8, с. 14–19]. Однако «наиболее полезным и наименее продвинувшимся из всех знаний человеческих», по мнению мыслителя, должно считать «познание самих себя» – знание, которое «могли бы разрешить философы» [7, с. 40].

Большинство же, в опьянении Нового века лишь погружались в энциклопедическую ревизию³ традиций метафизики и философии. Сравните, к примеру из Вольтера: «Метафизика забавнее геометрии – часто это роман ума. ...многие умы предпочли бы, не утомляясь, сладостно грезить» [2, с. 682]. И категоричное, но характерное – «...тот, кто изобрел ткацкий челнок, имеет несказанное преимущество перед тем, кто придумал врожденные идеи» [3, с. 689].

Однако все это постулируется на фоне *политического бессилия* идеи просветительства – «...пока с одной стороны будет только власть, а с другой – только знания и мудрость [8, с. 29], – и, опять же, в свете гражданского идеологического ослепления: «его силою принудят быть свободным!» [6, с. 164].

А как *закономерный* итог – «для меня все цепи мнения разбиты, я признаю только цепи необходимости. Я учился носить их со дня моего рождения и буду носить их до самой смерти, потому что я человек; да и почему бы мне не суметь их носить, будучи свободным» [9, с. 481; другой перевод см.: 5].

² Сравните: «новые достижения теоретической и экспериментальной физики потеснили философию в ее старинном праве говорить о мире, о космосе, о конечном или бесконечном пространстве» Фуко, с. 226. [10, с. 226].

³ «В разгар просветительского движения его представителей называли «философами». Это имя оставалось в силе и после того, как вскоре за началом издания «Энциклопедии наук, искусств и ремесел» (1751–1780), возглавляемой Дидро и ставшей мощным рупором разрабатываемого просветителями мировоззрения, их стали называть также «энциклопедистами». Энциклопедистами становились именно «философы» ...» [4, с. 7].

И не менее смиренное, но по-философски саркастическое – «Хорошие общественные учреждения те, которые наилучше умеют извратить человека, отнять у него абсолютное существование, дав взамен относительное, и перенести «я» в состав общей единицы; так что каждое частное лицо считает себя уже не единицей, а частью единицы, и обладает чувствительностью только в целом» [9, с. 14].

Библиографический список

1. Вольтер. Надо сделать выбор, или принцип действия // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 501–538.
2. Вольтер. Философский словарь, Метафизика // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 681–682.
3. Вольтер. Философский словарь, Философия // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 682–689.
4. Кузнецов В.Н. Философское творчество Вольтера и современность // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 5–69.
5. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о Воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 19–592.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151–256.
7. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: «Наука», 1969. С. 31-108.
8. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 году по вопросу, предложенному этою же академией: «способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 9–30.
9. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о Воспитании. С.-Петербург, 1912. 489 с.
10. Фуко М. Око власти // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 220–247.

ЦИФРОВАЯ ЭТИКА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОНЛАЙН-ОБЩЕНИЯ

DIGITAL ETHICS

AS A CONDITION FOR SUCCESSFUL ONLINE COMMUNICATION

В.В. Нурмухаметова

V.V. Nurmukhametova

Этика, цифровая этика, онлайн-коммуникация.

В статье показано, что на этапе постпандемии, когда онлайн-коммуникации прочно вписались в учебную и профессиональную деятельность, актуализировалась проблема цифровой этики как комплекса принципов, условий и норм, обуславливающих успешность онлайн-общения.

Ethics, digital ethics, online communication.

The article shows that at the post-pandemic stage, when online communications firmly fit into educational and professional activities, the problem of digital ethics as a set of principles, conditions and norms that determine the success of online communication was actualized.

Актуальность исследования принципов, условий и норм цифровой этики в современных постпандемийных условиях обусловлена рядом обстоятельств различного характера [1; 2].

Во-первых, самоизоляция 2020 года показала, что во всех областях жизни общества, в том числе в профессиональной и учебной сферах посредником социальных взаимодействий стали цифровые технологии. В настоящее время, когда пандемия отступает, цифровое общение в этих сферах не исчезло. Как показывают исследования, удаленка оказалась очень удобной, не затратной формой организации отношений в трудовой и образовательной сферах, и многие учреждения не спешат от нее отказываться. Следовательно, интенсивное общение посредством мессенджеров, электронной почты, аудио- и видеосообщений и звонков, видео-конференц-связи должно быть подчинено некоторым общепринятым этическим нормам.

Во-вторых, школьники и студенты профессиональных организаций и высших учебных заведений относятся к поколению Z, представители которых с рождения погружаются в цифровое пространство. Такое поколение еще называют цифровыми аборигенами, жизнь которых невозможно представить без компьютеров, смартфонов, планшетов, прочих электронных новинок и цифровых игрушек. Как итог – цифровое пространство для них привычнее, нежели реальность. Но, взрослея и вступая в онлайн-коммуникации с учителями, преподавателями, работодателями, клиентами, это поколение сталкивается с проблемами разного характера. Например, надо писать тексты грамотно, ставя знаки препинания, соблюдая падежи и т.п. «Взрослый» онлайн-мир предъявляет другие требования к этике общения в цифре.

В-третьих, в перспективе этически грамотный в цифровой среде специалист станет успешен и эффективен при онлайн-коммуникации, что потенциально будет способствовать качеству профессиональной деятельности.

В процессе изучения проблемы было смоделировано множество возможных ситуаций, которые могут приводить нас, как собеседников, к недопониманию и неправильному усвоению информации. Изучив особенности этики онлайн-общения и выделив самые основные моменты, еще раз были смоделированы похожие ситуации, но уже с использованием правил, которые были сформулированы в области этики. Сравнив результаты общения в Интернете без следования этическим правилам и следуя им, получилось выявить ряд правил, которые нужно соблюдать для ведения конструктивного диалога и успешного онлайн-общения.

Рассмотрим для начала правила деловой переписки, которые следует соблюдать как между сослуживцами, так и для связи с начальником, а также при общении между студентами и преподавателями: приветствовать и представляться в начале письма; ставить подпись в конце письма/сообщения; следить за орфографией и пунктуацией; отправлять все важные письма/сообщения только в рабочее время собеседника; всегда отвечать лично собеседнику; не прикреплять слишком тяжелые файлы в сообщении; указывать тему сообщения.

Основные правила общения в социальных сетях могут носить как формальный, так и неформальный характер: проявлять вежливость и терпимость по отношению к собеседнику; не использовать ненормативную лексику; следить за пунктуацией и орфографией; структурированно излагать свою мысль; общаться на понятном собеседнику уровне; обращаться к незнакомцам «на вы»; не прибегать к спаму сообщениями, укладывая сообщение в одно; при завязавшемся споре не переходить на личности.

Таким образом, в условиях развития и нарастания объемов онлайн-общения как по электронной почте, так и в социальных сетях и мессенджерах особую актуальность приобрел вопрос об этике онлайн-общения как на формальном, так и на неформальном уровнях. Знание и использование правил этики онлайн-общения позволит онлайн-собеседникам эффективно организовать диалог в форме переписки и добиться успешных результатов. Поэтому сегодня актуально введение различных форматов обучения нормам цифровой этики и конкретным приемам эффективного цифрового этикета уже у школьников и студентов как будущих профессионалов. К сожалению, в России курс по цифровой этике представлен лишь в единичных учебных заведениях, что еще раз говорит об актуальности исследуемой проблемы.

Библиографический список

1. Грязнов С.А. Образование и цифровая этика новой эпохи // Инновации в образовании. 2021. № 2. С.88–95.
2. Гончарова В.Г. Об этике в дистанционном образовании: вызовы и задачи // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6-4 (108). С. 69–72.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ УСТАВА БЛАГОЧИНИЯ

ETHICAL STANDARDS OF THE RULES OF DECENCY

И.В. Чернова

I.V. Chernova

История России, местное самоуправление, памятники права, история полиции, этические нормы, этический кодекс управленца.

Автор обращается к одному из памятников права XVIII в. – Уставу благочиния. Цель автора рассмотреть этические нормы, которые устанавливались в качестве морального основания для деятельности городской полиции в российских городах. Также рассматриваются требования, предъявляемые к служащим полиции в области их профессионального долга.

History of Russia, local self-government, monuments of law, history of the police, ethical standards, ethical code of a manager

The author refers to one of the monuments of law of the 18th century – The Rules of Decency. The purpose of the author is to consider the ethical standards that were established as an ethical basis for the city police in the cities of Russia. He also looks into the requirements applicable to police officers in the field of their professional duty.

«Устав благочиния» (или Полицейский) введен Екатериной II в 1782 г. Согласно ему, в каждом российском городе учреждался орган охраны правопорядка – Управа благочиния (Полицейская управа). Целями учреждения полиции, согласно тексту закона были: «споспешество доброму порядку, удобнейшее исполнения законов и облегчение Присутственных мест по недостатку установлений до сего затрудняемых» [1, с. 462]. Иными словами, государственная власть признавала, что несмотря на городскую реформу, учредившую органы городского самоуправления (городские думы и др.), поддержание правопорядка в городах было затруднено. Городские думы были нацелены на хозяйственную деятельность, а выявление и раскрытие и предотвращение преступлений требовали специальной подготовки, значительного времени, человеческих и материальных ресурсов. Именно с «Устава благочиния» в большинстве городов России, за исключением столичных, где полиция появилась раньше, началось становление местных органов охраны правопорядка. В нем прописывалась структура и штат местной полиции, порядок замещения должностей и ведения делопроизводства. Закон регламентировал обязанности служащих и сферы деятельности местной городской полиции [1, с. 463–464]. Необходимо уточнить, что тогда функции городской полиции были гораздо шире полномочий современной полиции. Кроме собственно пресечения и расследования преступлений, полиция боролась с чрезвычайными ситуациями, организовывала тушение пожаров и занималась утверждением противопожарных мер. В ведении полиции было наблюдение за исправностью водных и сухопутных магистралей, правила возведения построек, правила торговли, санитарные нормы и т.д. [1, с. 464].

В качестве этического основания Управам благочиния давался «Наказ Управе благочиния», состоящий из «правил добронравия» и «правил обязательств общественных». Эти установки должны были «служить зеркалом в рассуждении обязанности взаимной граждан между собой» [1, с. 464–465].

Как самое первое правило добронравия утверждалось «золотое правило этики» – «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь» [1, с. 465]. Если же человек нанес другому имущественный, личный или репутационный ущерб, то предлагалось возместить этот ущерб насколько это возможно. Закон содержал побуждающую норму, пропагандирующую добрые дела: «Не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь» [1, с. 465]. Пункт четвертый правил добронравия взывал к человечности, взаимопомощи, благотворительности: «веди слепого, дай кровлю не имеющему, напои жаждущего». Пункт седьмой звучал как «с пути сошедшему указывай путь». Под ним могли пониматься как указания верной дороги заблудившемуся путнику, так и указание на нарушение норм морали нравственно оступившемуся человеку. Пятый пункт мотивировал к помощи граждан друг другу в чрезвычайных обстоятельствах: «Сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему» [1, с. 465]. Содержали «правила добронравия» и посыл гуманного отношения к животным: «Блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего споткнется, подними ее» [1, с. 465].

«Правила обязательств общественных» посвящались взаимоотношениям в семье. Обязательства супругов трактовались так: «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая, и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставляет ей пропитание и содержание по состоянию и возможности». Жена же «пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу, и да оказывает ему всякое угождение и привязанность как хозяйка» [1, с. 465]. Относительно взаимоотношений родителей и детей «Устав благочиния» оперировал этической категорией «долг». Родительский долг – «дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию». Долг детей заключался не только в «послушании, покорности, служении делами и терпении к родительским увещаниям», но и в «любви и чистосердечном почтении». О родителях должно было «речами отзываться с величайшим почтением» и «да продолжится почтение и по кончине родителей» [1, с. 465].

Важным установлением в поле этики были «Качества определенного к благочинию начальства и правила его должности», являвшиеся по сути этическим кодексом служащих в полиции. Этот «кодекс полицейского» включал моральные качества, ценные для всех людей: здравый рассудок, человеколюбие, честность и бескорыстие, усердие к общему добру (доброжелательность). Наряду с ними прописывались и качества, востребованные именно для служащих в полиции: верность службе императорского величества (служебный долг), радение о службе (инициативность, ответственность), добрая воля в отправлении порученного

(исполнительность). Отдельными статьями «Устава благочиния» были предписаны такие принципы деятельности полиции, как:

«Правый и равный суд всякому состоянию» и «Покровительство невинному и скорбящему». Отдельным пунктом запрещались и коррупционные действия «воздержание от взяток», поскольку «ослепляют глаза, и развращают ум и сердце, устам же налагают узду» [1, с. 466].

Проанализировав этические основания «Устава благочиния», можно сделать вывод, что все они остались вполне современны и востребованы и в сегодняшнем российском обществе. И сегодня мы стараемся выстроить взаимоотношения граждан на основах добра, общественной пользы, взаимопомощи и взаимодействия в чрезвычайных обстоятельствах. За десятилетия существования органов охраны правопорядка (с 1802 года полиция была отнесена в ведение Министерства внутренних дел) был накоплен опыт возмещения гражданами друг другу морального и материального ущерба, наказания негуманного отношения к животным, пресечения неисполнения родительских обязанностей и помощи пожилым людям, оставшимся без поддержки детей. Этот опыт воплотился в соответствующие статьи уголовного и административного права, привел к образованию отдельных структур в рамках МВД или других министерств.

Не устарели и этические требования к служащим полиции. И сегодня в сотрудниках полиции ценятся честность, верность профессиональному долгу, человеколюбие, инициативность, исполнительность, бескорыстие. Анализ одного из самых первых законов о полиции лишний раз подтверждает устойчивость этических норм в обществе, необходимость их сохранения и поддержки на государственном уровне.

Библиографический список

1. Устав Благочиния или Полицейский // Полный свод законов Российской империи. Т. 21. Спб., 1830. С. 463–464.

БИОЭТИКА КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

BIOETHICS AS A PRACTICAL PHILOSOPHY

Б.К. Турчевская

B.K. Turchevskaya

Этика, биоэтика, образование, практическая философия, биомедицинские технологии.

В статье рассматривается роль биоэтики в формировании нравственных качеств студента-медика; раскрывается ее практический характер; обсуждаются проблемы преподавания курса «Биоэтика» в медицинском вузе.

Ethics, bioethics, education, practical philosophy, biomedical technologies.

The article examines the role of bioethics in the formation of moral qualities of a medical student; reveals its practical nature; discusses the problems of teaching the course «Bioethics» in a medical university.

Кличности врача традиционно предъявляются два требования: высокий профессионализм и исключительные нравственные качества. Образовательная деятельность медицинского вуза поэтому направлена не только на получение обучающимися профессиональных знаний и навыков, но и на формирование нравственных качеств, необходимых будущим врачам. В процессе освоения основ медицинской этики и деонтологии долгое время проходило формирование нравственных качеств студентов-медиков. Однако в последние десятилетия XX в. появилась биоэтика – междисциплинарное научное направление, целью которого стали изучение и поиск решений моральных проблем, которые порождаются новейшими достижениями биомедицины и практикой их применения. Биомедицинская этика становится важной частью единого непрерывного процесса формирования личности врача и ориентируется на предвосхищение, обнаружение и осмысление дилемм в медицине.

Задачу гуманизации медицинского образования в медицинском университете решает кафедра философии. Мы наблюдаем у большинства обучающихся средний уровень развития духовно-нравственного сознания, однако отмечаем высокий уровень нравственной мотивации. В образовательном стандарте биоэтическое просвещение предусмотрено на втором курсе, одновременно с изучением курса философии. Однако студенты еще не могут оценить значимость данной дисциплины для их будущей профессиональной деятельности [2, с. 168; 3].

На особенности преподавания биоэтики как философской дисциплины обращают внимание Е.К. Овсянникова и В.М. Марухно. Они выделяют несколько уровней освоения биоэтики. Нам интересен теоретический уровень, где закладываются основы нравственного воспитания будущих врачей. Биоэтика представляет собой важный этап развития философского знания: ее формирование связано с процессом трансформации этики как философской науки о морали в целом и медицинской этики как ее частного раздела [4].

Нельзя не отметить активного вмешательства биомедицины в жизнь человека и как следствие этого – возрастающий уровень нравственного плюрализма, необходимость этического и правового контроля за экспериментальными исследованиями в области медицины и биологии, интеграцию биоэтических проблем. В таком историческом контексте биоэтику можно рассматривать как новую форму практической философии.

Можно предположить, что биоэтика выступает как особая форма прикладной этики. Дисциплина имеет принципиальные отличия: разрабатываются дополнительные этические и практические подходы к изучению морали; происходит новый виток развития практической философии; формируется методологический, теоретический и ценностный стандарт как для профессиональных, так и для прикладных этик.

Я.С. Яскевич, рассматривая биоэтику в контексте междисциплинарных стратегий, акцентирует внимание на том, что в рамках биоэтического дискурса мораль традиционно проявляется в ее высшем смысле. Это затрагивает отношения между личностями (врач–пациент, исследователь–экспериментируемый) в экзистенциально-пограничных ситуациях, на грани жизни–смерти, здоровья–болезни. Благодаря этому происходит философское переосмысление категорий справедливости, долга, принципа гуманизма. Традиционные для биоэтики категории долга и блага, выступающие в клятве Гиппократова как «не вреди», в современной биоэтике расширены до «не только не вреди, но и сотвори благодеяние». [5]. Трактовка понятия благодеяния не является однозначной, в особенности при обсуждении вопросов о поддержании жизни в вегетативном состоянии или клонировании живых существ.

Очевидно, что студенты не могут применять на практике такие категории, как форма и содержание, субъективное и объективное, причина и следствие, долг, справедливость, совесть. Неумение использовать основные философские закономерности, системно-логический анализ явлений затрудняет и выход на уровень клинического мышления. [3]. Кроме того, биоэтические проблемы, как правило, не имеют простых и однозначных решений. Именно на философском уровне рассматриваются вопросы соотношения научных истин и моральных ценностей, свободы и ответственности, формируются представления о должном», – констатируют авторы статьи «преподавание биоэтики как философской дисциплины» [4].

На то, что биоэтика в настоящее время по праву претендует на статус практической философии, обращают внимание Е.Н. Викторук и В.В. Минеев. Они считают, что биоэтика неоднозначна, так как, с одной стороны, требует соблюдения общечеловеческих норм нравственности, а с другой – указывает конкретные принципы и механизмы согласования с действительностью, привлекает к обсуждению и моральному выбору «казусы», дилеммы, истории. В таком понимании биоэтика – одна из самых активных точек роста этических знаний и накопления морального опыта. Поэтому адекватным способом преподавания данной дисциплины

плины могут быть только разнообразные интерактивные технологии: творческие задания, дискуссия, использование общественных ресурсов. Главное – на практических занятиях по биоэтике развиваются навыки разрешения этических проблем, возникающих в процессе профессиональной деятельности [1].

Биоэтические проблемы, как правило, не имеют простых и однозначных решений. Биоэтика относится к тем дисциплинам, истина в которых плюралистична, что в полной мере отвечает открытым дилеммам биоэтики. Именно по этой причине акцент обучения переносится на выработку нового знания, в том числе профессионально ориентированного, а не только на освоение готового знания [1; 4].

Библиографический список

1. Викторук Е.Н., Минеев В.В. Становление биоэтики в образовательном пространстве университета // Вестник прикладной этики. 2019. № 53. С. 134–143.
2. Егоров К.Н., Корнеева В.А. Духовно-нравственная составляющая профессиональных компетенций врача общей практики // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: материалы Республиканской научно-практической конференции. Витебск: ВГМУ, 2016. С. 168 –170.
3. Ерофеев Н.П., Захарова Л.Б. Междисциплинарность: решение проблем преподавания биоэтики и физиологии в СПбГУ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. № 3. С. 209–215.
4. Овсянникова Е.К., Марухно В.М. Преподавание биоэтики как философской дисциплины // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 4. С. 209–211.
5. Яскевич Я.С. Биоэтика в контексте междисциплинарных стратегий и механизмов создания этических комитетов // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. № 1. М.: ИФ РАН, 2007.

ЭТИКА КИБЕРОНТОЛОГИИ: ЦИФРОВОЙ ПАНТЕИЗМ И ДУХОВНОЕ «ВЫРОЖДЕНИЕ» ЧЕЛОВЕКА

ETHICS OF CYBERONTOLOGY: DIGITAL PANTHEISM AND SPIRITUAL “DEGENERATION” OF MAN

Е.П. Тихонова

E.P. Tikhonova

Киберонтология, цифровизация, цифровой пантеизм, этика киберонтологии, технологизация, образ человека, технобиосуществование.

В статье представлен анализ влияния глобальной цифровизации и технологизации на формирование жизненного мира современного человека. Автор изучает культурные и этические последствия цифровизации, фиксируя проблемы киберонтологии: «разрушение» духовной природы и этики человека.

Cyber-ontology, digitalization, digital pantheism, ethics of cyberontology, technologization, the image of a person, technobiosubstantiality.

The article presents of the processes of the influence of global digitalization and technologization on the formation of the life world of a modern person. The author studies the cultural and ethical consequences of digitalization, fixing the problems of cyberontology: the “destruction” of the spiritual nature and ethics of human.

В XXI веке российское общество переживает глобальные проблемы внедрения информационно-технологической сетевой среды, кардинально меняющей характер социальной и духовной жизни людей. Россия оказалась в ситуации массового внедрения в основные сферы жизнедеятельности технологизации, последствием чего стала глобальная цифровизация и киберонтология. Важнейший стимул цифровизации дали изобретения информационной революции 1950-х годов: изобретение микропроцессорных систем и использование компьютера. Компьютер как совершенное техно-вычислительное устройство представляет проекцию поиска экономической выгоды, гарантирующую могущество технобиороботов и построение «техно-рая».

Технико-технологическое совершенство мира достигло предельно высокого уровня и охватило культурную сферу жизни, разрушая духовную природу и целостность человеческой личности. Взаимосвязь технологизации и цифровизации привели к серьезным культурным и этическим последствиям:

1) Произошло размывание границ между реальным и виртуальным миром и создание виртуальной среды. Глобальный виртуальный технологический мир «размывает» границы поведения, этические нормы, рамки культуры и утверждает новые ценности трансгуманизма: борьбу с духовной реальностью, происходит создание нового мира «анти-рая». Возможности человека в виртуальной среде гораздо шире, чем в реальном мире, и они не предполагают оценивание действий/поступков в терминах этики, чести или достоинства.

2) Киберпространство и киберонтология – создание нового жизненного мира человека представлены виртуальными мирами компьютерных онлайн-игр и киберпространством интернет-среды. Киберпространство всемирной сети Интернет не воспринимается человеком как исторически подлинный социальный мир с характерной для него системой законов, прав, обязанностей и зоной этической и социальной ответственности, значит он не несет в своем содержании опасности: не требует обязательной индивидуальной ответственности за свои поступки.

История свидетельствует о том, что культура и человек могут развиваться только с условием сохранения важной онтологической основы – ценностей, этических норм и культурных рамок, сохраняющих нравственность и достоинства человека. В современных условиях глобальной цифровизации отсутствуют ограничения (по морально-нравственным критериям) на информационные потоки, единственным формальным ограничением выступают условные рамки в виде маркеров: 6+, 12+, 18+.

Цифровой технологический прогресс, наряду с техническими достижениями, имеет «теневую» основу, следствием которой стали разрушительные процессы «самоуничтожения» человека как духовной личности. Глобальным последствием цифровизации является онтологический «демонтаж» картины мира и разрушение целостности человеческого образа – изменение (мутация) природы человека и его превращение в Digital Man (цифровой человек). Современная ситуация привязанности человека к цифровым предметам и Интернету стала зоной комфорта. Таким образом, происходит подмена миров и жизненных смыслов через цифровую симуляцию исторической реальности.

Цифровой пантеизм, киборгизация, искусственный интеллект – это маркеры кардинального изменения человеческой природы. В рамках киберпространства происходит деформация: человека уменьшают до степени примитивного потребителя, не проявляющего интереса к глубоким духовным реалиям. Таким образом, меняется онтологический статус человека, а искусственный интеллект превращается в идеологию и философию существования Digital Man.

В цифровую эпоху постчеловеческого времени, в мире искусственного интеллекта и умных машин необходимо сохранение культурной памяти о назначении Человека. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию, и да владычествуют они над рыбами морскими, над птицами небесными и над всею землею. И сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его» (*Бытие 1:26-27*). Человек как особое создание имеет высокое предназначение, он создан по образу Божию, в его духовной природе отражены свойства Бога.

Утрата духовности и потеря образности Божией в самой человеческой природе разрушает целостность личности. В цифровом мире мы наблюдаем цифру как основу мира и самостоятельную сакральную сущность, на которой строится картина мира современного человека. Цифровой человек превращается в пользователя (антипод сверхчеловека), свидетельствующего о конце человечества и «распятии» человека на кресте технологий. Виртуальный техномир «размывает»

границы этики-нравственных ценностей и выступает антиподом Царства Небесного, сотворенного Богом, о котором возвещает Священное Писание. Виртуальный цифровой мир как своеобразный «анти-рай» предлагает человеку новый образ жизни, противопоставляющего себя духовной реальности. Так происходит подмена духовно-нравственного способа существования как свойственного человеческой природе на виртуальную модель жизни, имитирующую подлинную историческую реальность социальных миров. Рубеж XXI века характеризует антропологическая катастрофа – духовное «вырождение» человека. Путем преодоления духовного кризиса выступает сохранение целостности человеческой природы. В работе М.К. Мамардашвили «Сознание и цивилизация» представлены принципы «К»: 1. Принцип Картезия (Декарта) – осознание человеком необходимости совершения собственного труда. Вселенная является открытым миром, в котором каждый реализует свое право действовать. Если этот принцип не используется, то жизнь наполняется нигилизмом и упованием на помощь работающего механизма: «возможность способна реализоваться только мной при условии моего собственного труда и духовного усилия к своему освобождению и развитию» [1, с. 110].

2. Принцип Канта заключается в осознании необходимости совершать осмысленно жизненный выбор: сущность бытия человека есть поиск собственной осмысленной позиции жизни, которая должна выражаться в терминах этики и личного достоинства. Принципы двух «К» являются принципами воспроизводства человеческого образа в человеке: «огромные пространства Земли заняты «зазеркальным антимиром», являя дикое зрелище вырожденного лица человека, когда я слышу об экологических бедствиях, ядерной войне или СПИДе, все это кажется менее далеким... самая страшная катастрофа касается человека, от которого зависит все остальное» [1, с. 120–121]. Именно поэтому важной задачей является осознанный выбор ценностей и этики, которые позволят сохранить достоинство и целостность человека как духовной личности [2].

Библиографический список

1. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 107–125.
2. Тихонова Е.П. Идеология потребления постсоветского общества и духовно-нравственные ценности // Нравственные ценности и будущее человечества: материалы XXVIII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2019. С. 95–101.

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ НОАМА ХОМСКОГО

MORAL PROBLEMS OF NEOLIBERALISM IN THE SYSTEM OF VIEWS OF NOAM CHOMSKY

С.В. Шевалов

S.V. Shevalov

Научный руководитель В.В. Минеев
Scientific director V.V. Mineyev

Ноам Хомский, неолиберализм, общество, моральные проблемы, мораль.

В статье представлены и систематизированы взгляды Н. Хомского на основные морально-нравственные проблемы существующих общественных отношений, сложившихся под влиянием неолиберальных тенденций.

Noam Chomsky, neoliberalism, society, moral problems, morality.

The article presents and systematizes N. Chomsky's views on the main moral problems of existing social relations that have developed under the influence of neoliberal tendencies.

Представленное исследование посвящено изучению социально-философских взглядов Ноама Хомского, ученого стремящегося дать моральную оценку множеству проблем современности: геополитические конфликты; проблемы экологии; издержки современной мировой социально-экономической системы.

Специальная необходимость в проведении исследования социально-философских взглядов Н. Хомского обусловлена наличием следующего круга **проблем**: **во-первых**, отсутствием у него единой структурированной работы обо всех имеющихся морально-нравственных проблем неолиберальной эпохи; **во-вторых**, необходимостью освещения морально-нравственных проблем, не отображенных в других социально-философских работах.

Актуальность темы во многом связана с сохранением влияния неолиберальных тенденций на социально-экономическую жизнь развитых стран мира, а также на их систему морально-нравственных ценностей и норм.

Таким образом, **целью** представленного исследования является выявление на основе трудов Н. Хомского основных морально-нравственных проблем в современной системе общественных отношений, сформированных под влиянием неолиберальных тенденций.

Достижение поставленной цели проводилось нами путем решения следующего круга **задач**: 1) анализ трудов Н. Хомского в области современной системы общественных отношений; 2) выявление и систематизация морально-нравственных

проблем в конкретных областях общественных отношений; 3) соотнесение выявленных проблем с примерами аморальности в рамках теории моральных отношений; 4) определение возможных вариантов социально-философских концепций для решения выявленных проблем. В свою очередь, **объектом** представленного исследования являются социально-философские взгляды Ноама Хомского, **предметом** – морально-нравственные проблемы, сформированные под влиянием неолиберальных тенденций.

Проявление основных морально-нравственных проблем можно наблюдать в таких **частях структуры общественных отношений**, как: отношения общества и природы; отношения трудящихся с руководством государственных и частных предприятий; политические и правовые отношения; медицина; образование и наука.

Первой морально-нравственной проблемой является *обесценивание сохранения окружающей среды при высокой ценности стремления к сиюминутной выгоде с минимальными издержками*. В условиях угрозы экологической катастрофы [1, с. 286] снижение финансирования проектов по охране окружающей среды; игнорирование проблем коренных народов стран третьего мира, земли которых стали источником бесконтрольной добычи ресурсов или неосторожной эксплуатации окружающей среды после приватизации является прямым проявлением хищнического морального облика неолиберализма. Безответственное и аморальное отношение к сохранению окружающей среды ставит под угрозу жизнь будущих поколений. И это обстоятельство позволяет увидеть проблему в контексте концепции глобального эволюционизма [2].

Второй проблемой является *пренебрежение к ценности образования и культурным достижениям в угоду стремления к коммерческой прибыли*. Приватизация школ, детских садов или университетов; регулярное повышение платы за обучение в колледжах и вузах; полное подчинении структуры университета интересам крупного бизнеса с последующим сокращением ряда образовательных программ может всерьез обесценить достижения науки и культуры в угоду коммерческим интересам [3, с. 147–148]. При сохранении данной тенденции общество может столкнуться с серьезными социокультурными проблемами.

Третьей морально-нравственной проблемой, выделяемой автором, можно считать *снижение ценности поддержания качества общественного здоровья в условиях коммерциализации системы здравоохранения*. Превращение здравоохранения в сферу услуг, сокращение государственных программ в области здравоохранения, развитие системы здравоохранения исключительно с позиции коммерческих отношений может всерьез замедлить доступность такого общественного блага, как «здоровье», в отношении менее состоятельных слоев общества. Отсутствие решений данной проблемы приведет к сохранению или развитию негативных тенденций в области народонаселения.

Четвертой морально-нравственной проблемой можно считать *усиление неравенства людей и пренебрежение к правам, ценностям интересов трудящихся*. Быстрый рост финансиализации и концентрирования основной прибыли

у игроков на арене новой классовой борьбы (ТНК, финансовых институтов, торговых монополий); стагнация или снижение реальных доходов трудящихся; отсутствие гарантий сохранения рабочего места; маргинализация или люмпенизация населения создают предпосылки для кризиса общественных отношений.

Пятой морально-этической проблемой можно считать *неравнозначность сложившейся системы политических и правовых отношений*. Влияние крупных экономических фигур на исход любых правовых и политических процессов без учета интересов основной массы населения усиливает напряжение между представителями отдельных классов.

Анализ представленной информации позволил нам реконструировать **поля проявления аморальности** от вышеперечисленных проблем. В данной системе можно наблюдать: а) отсутствие жалости и доброты (отказе помощи нуждающимся и равнодушие к чужой боли); б) несправедливость (стремление обмануть общество ради какой-либо выгоды); в) нарушение прав человека (нарушение или серьезное ограничение ценностей других народов); г) проявление эгоизма вопреки интересам другой группы (заработок денег без принесения пользы обществу, даже если заработок остается в рамках закона).

Таким образом, в ходе исследования нами сделаны следующие выводы: **во-первых**, был подтвержден тезис о прямом влиянии экономических факторов на моральные ценности; **во-вторых**, подтвержден факт кризиса неолиберальных тенденций; **в-третьих**, выстроена структура морально-нравственных проблем неолиберализма; **в-четвертых**, выявлены предпосылки для пересмотра неолиберальных тенденций в пользу иных принципов.

Результаты исследования полезны для практики преподавания гуманитарных дисциплин, поскольку теоретико-методологический и учебно-методический аспекты осмысления социальных проблем тесно взаимосвязаны [4]. Особо отметим значение критики неолиберализма для преобразования системы жизненных ценностей современного человека, ибо функциональное измерение (собственность, труд, справедливость, общественное благо, воспроизводство народонаселения) социального бытия тесно связано с символическими.

Библиографический список

1. Хомский Ноам. Кто правит миром? / Н. Хомский; [пер. с англ. В.М Липка]. М.: РИПОЛ классик, 2019. 416 с.
2. Минеев В.В. Формирование представлений о глобальном эволюционизме и синергетике в процессе изучения курса «История и философия науки» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2008. Вып. 2/3. С. 13–20.
3. Хомский Ноам. Культ государства / Ноам Хомский; [пер. с англ. Д. Дамте]. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2021. 288 с. (Серия «Фигуры Философии»).
4. Минеев В.В. Единство теоретико-методологических и методико-практических аспектов преподавания философских дисциплин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19). В 2-х ч. Ч. 1. С. 123–127.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБЩЕСТВА В МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

PATRIOTIC EDUCATION OF SOCIETY IN A CHANGING REALITY

А.С. Кубрикова

A.S. Kubrikova

Научный руководитель **В.В. Минеев**
Scientific director **V.V. Mineyev**

Патриотизм, государство, патриотическое воспитание, образование.

В статье рассмотрены наиболее эффективные и востребованные способы развития патриотизма в обществе, а также предложен новый инструмент по развитию патриотизма молодежи в системе образования.

Patriotism, the state, patriotic upbringing, education.

The article considers the most effective and popular ways of developing patriotism in society, and also offers a new tool for the development of youth patriotism in the education system.

Патриотизм является важной составляющей духовно-нравственных ценностей, лежащих в основе гражданской позиции личности, выступает как мобилизационный ресурс развития личности, общества и государства. Особенно необходимо развитие патриотизма учащихся в условиях геополитических вызовов современного мира, а также в связи с изменением приоритетов в социально-экономической, политической и других сферах общественной жизни [1].

Возможность выявления наиболее востребованных и эффективных способов формирования патриотизма у молодежи позволит сформировать патриотизм молодежи как социально-правовую ценность.

Патриотизм трактуется как нравственный и политический принцип, духовное чувство, которое содержит в себе любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины.

В связи с прогрессирующим процессом развития научно-технических инноваций формируются наиболее эффективные способы развития патриотизма в различных социальных группах. К самым эффективным **способам развития патриотизма** можно отнести:

1) Погружение граждан в мир отечественного искусства и спортивные мероприятия. Значительный вклад в развитие патриотизма вносит кинематограф. Показ фильмов про выдающихся отечественных спортсменов задает идеал, к которому имеет стремление современная молодежь. Например, кинематограф, являясь массовым видом искусства, повышает важность институтов государственной власти, а спорт служит инструментом объединения и сплочения разных народов в стране.

2) Пропаганда патриотизма в разных социальных группах через средства массовой информации вносит немаловажный вклад в развитие патриотизма. Показ новостей про героев страны, подвиги, которые совершают люди разных профессий начиная от спасателей, полицейских и врачей, заканчивая подростками, которые с малых лет своим равнодушием спасают людей, закладывается фундамент любящего и преданного отношения в стране.

3) В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» воспитание патриотизма рассматривается как один из принципов государственной политики в сфере образования. Формирование патриотизма молодежи как ценности необходимо развивать через расширение роли патриотизма, правосознания и правового образования [2].

4) Фундаментальным фактором развития патриотизма служит его отражение в семейных ценностях. Зарождение патриотизма происходит из детства и находит свое отражение в дальнейшем восприятии происходящих событий [3].

5) Развитие социальных интернет-источников, например, социальные сети, мессенджеры, популярные личности из Интернета, видеосервисы. Именно социальные интернет-источники в настоящее время набирают популярность с помощью создания тематических сообществ, страниц, каналов или проведение акций и использование специальных ярлыков («хештегов») [4].

6) Наконец, особо следует отметить то обстоятельство, что в эпоху научно-технического прогресса важным каналом укрепления патриотического сознания, разумеется, должны стать осознание достижений советской науки и техники и, соответственно, систематическая пропаганда этих достижений в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин [5; 6].

С целью воспитания патриотизма у молодежи как ценности сформирован проект по проведению комплекса социально-правовых мероприятий для молодежи, реализуемых параллельно с образовательным процессом, по выявлению наиболее востребованных и эффективных способов формирования патриотизма у молодежи, для дальнейшего внедрения в учебный и воспитательный процесс.

Проект формирования патриотизма как ценности, можно рассмотреть как один из инструментов, применяемых в образовательном процессе. План мероприятий проекта по формированию патриотизма молодежи как социально-правовой ценности включает в себя:

- обосновать, разработать и экспериментально проверить педагогические условия, содержание и способы организации патриотического воспитания студентов вуза, в целях использования и развития имеющихся возможностей и определения пробелов, возникающих при достижении цели проекта;

- выявить особенности формирования патриотического воспитания студентов вуза, реализуемых в образовательном процессе с целью формирования мероприятий, вызывающих наибольший интерес среди учащихся;

- перенять опыт и провести анализ правового воспитания другими организациями, в том числе учебными заведениями;

– провести диагностику исходного уровня сформированности патриотических качеств студентов вуза с использованием тестирования и собеседования для привлечения учащихся к общественному развитию воспитания патриотизма;

– обосновать, сконструировать и экспериментально проверить модель патриотического воспитания студентов вуза в виде тренингов, деловых игр, правовых квестов патриотического характера;

– определить на основании результатов проведенных мероприятий, наиболее востребованные и эффективные способы формирования патриотизма молодежи как социально-правовой ценности и на основании полученных результатов разработать и реализовать на базе вуза научно-практическое мероприятие, направленное на развитие патриотизма и сплочение учащихся и коллектива вуза.

Добавим к вышесказанному, что, говоря о воспитании патриотического образа мысли чувств, необходимо всегда помнить о глубинной связи символического с функциональным.

Одним из наиболее важных элементов в образовательном процессе является воспитание патриотизма и формирование у учащихся гражданской позиции личности для развития личности высококвалифицированного специалиста. Возможность выявления наиболее востребованных и эффективных способов формирования понятия патриотизма у молодежи позволит сформировать наиболее эффективные способы его развития у учащихся и сотрудников вуза. На основании полученных результатов провести научно-практическое мероприятие по совершенствованию патриотического воспитания студентов как социально-правовой ценности.

Библиографический список

1. Сафронов В.В. Генезис правосознания гражданина: монография. Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2012.
2. Селиверстова О.И. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: новое в правовом регулировании сферы образования // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2012. Т. 7. С. 67–92. EDN QBJVCF.
3. Сафронов В.В. Правовое образование: монография / Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2009.
4. Гусейнов О.М., Магомедов Ш.Б., Гусейнов Г.О. К вопросу о месте и роли правового воспитания в формировании позитивного правосознания молодежи // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 37, № 1. С. 24–29. DOI 10.21779/2224-0241-2021-37-1-24-29. EDN BZCVOZ.
5. Минеев В.В. Антинаука и современное образование: время переопределять понятия // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 3 (25). Красноярск, 2013. С. 31–38.
6. Минеев В.В. Единство теоретико-методологических и методико-практических аспектов преподавания философских дисциплин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19). В 2-х ч. Ч. 1. С. 123–127.

ДУХ И ПРАКТИКА КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ТРАДИЦИОННОГО СПОРТА

THE SPIRIT AND PRACTICE OF THE CHINESE PHILOSOPHY OF TRADITIONAL SPORTS

Гуан Маосэнь

Guan Maosen

Спортивное мастерство, духовные практики, ориентированность на людей, древний китайский спорт.

Статья посвящена взаимосвязи между древней китайской философией и традиционными занятиями спортом. Четыре характеристики: самодостаточность, природа, свобода и практика представляют ядро спортивных духовных практик.

Sportsmanship, pratiques spirituelles, people orientation, ancient Chinese sport.

The article is devoted to the relationship between ancient Chinese philosophy and traditional sports. Quatre caractéristiques: l'autonomie, la nature, la liberté et la pratique représentent le cœur des pratiques spirituelles sportives.

Древнекитайский спорт как форма культуры, тесно связанная с жизнью человека, был объективной духовной практикой древнего китайского общества, направленной на цельное и динамичное преобразование человеческого общества и совершенствование человека. Его научные, образовательные, спортивные и рекреационные ценности в то же время породили спортивный дух с уникальными восточными гуманистическими характеристиками.

Идея единства неба и человека, зародившаяся в доциньский период, происходит от концепции «человек и небо едины», изложенной в Чжуанцзы (Чуан-цзы) – Вай Чжоу – Шань Му [1]. Так, ранние спортивные занятия, такие как бег, прыжки и метание, которые развились из практики человеческого производства и жизни, показали их мотивацию и сферу деятельности, все они соответствовали природе и находились в гармонии с ней. Другие виды спортивной деятельности, такие как куцзю, колотье пилюль, ритуальная стрельба из лука, оздоровительные и боевые искусства, в своих формах выражения и соревновательных правилах рассматривают единство природы и человека как философскую основу и теоретическую базу для здорового развития духа человека посредством спортивных занятий. Именно по этой причине они определяются как духовные. Древний спорт отражает не противостояние и вызов между человеком и природой, а гармонию и согласие между ними, и на этой основе преследует питание тела и духа в одном и том же процессе. В этом заключается уникальная ценность и идеал восточной спортивной культуры, представленной как «вращивание духа» в традиции Древнего Китая [2; 3].

Древнекитайский спорт, будучи видом физической активности, который предки использовали в прагматическом смысле, воплощал в себе позитивный

и предприимчивый дух самосовершенствования. В обширной практике людей того времени виды спорта, боевые искусства, оздоровительные игры и даже различные формы игры в мяч представлены как деятельность, по своим характеристикам и требованиям правил отражающая неустанную борьбу человека со своей собственной судьбой. На самом деле она раскрывает стремление к природной наделенности древних «жить и давать жить». От концепции «жизнь заключается в движении», изложенной в книге древнего мастера Лю Весна и осень – полный счет, до высказывания современного китайского мастера спорта Янь Юаня «Лучший способ воспитать свое тело – это практиковать движение» [4]. Мы наблюдаем единство мысли с дальностью в тысячу лет. Мастера Янь Сичжай, Инь Синь Лу и уже названные, все они внедряли позитивный и прогрессивный дух самосовершенствования в развитие древнекитайского спорта.

Целостная оптимизация тела и сознания наиболее ярко отражена в единстве трех фундаментальных противоречий между:

- движением и неподвижностью;
- разумом и формой;
- трудом и отдыхом.

Именно это философское основание, выраженное в духовных практиках, составляет общую суть функции оптимизации жизни, выраженных в древних видах спорта. Искусство здоровья и благополучия подчеркивает высокую степень единства внутренних и внешних движений человеческого организма. Этот вид движения позволяет регулировать самосознание через работу всего тела, благодаря чему мыслительные процессы достигают естественного расслабления и неподвижности. При этом тело следует за пневматической силой сознания и направляется намерением, сочетая движение и неподвижность. Такая интеграция Духа и Тела является демонстрацией общей оптимизации жизни человека [5]. В древних видах спорта тайцзицюань практики «Пять животных игр» и «Восемь дуань цзинь» различаются по своим видам и функциям упражнений [6]. Но конечной целью является оптимизация движения тела, физического и психического оздоровления через общую оптимизацию телесного и духовного. Именно такой императив раскрывает Традиционный моральный кодекс, предусматривающий неукоснительное соблюдение правил и ритуалов.

Древнекитайский спорт характеризовался единством тела и разума, что делало его уникальным выражением физической красоты. Для древних то, что они понимали под «спортом», было не только физически «укрепляющей» деятельностью, но и подлинным «эстетическим» актом тела. Органическое единство духа и плоти, духа и формы, разума и чувствительности, движения и неподвижности, человека и природы, которое пропагандировали древние китайцы, стало важной культурной характеристикой. Так, из шести искусств конфуцианства, включенных в обучение спорту, – стрельба из лука и императорские виды спорта, – связаны с искусством как таковым. Они являются воплощением древней концепции спорта как «практики искусства», отражают тот факт, что спорт вышел за рамки

жизнедеятельности человека и стал культурным выражением стремления к красоте и прекрасной деятельности. Эта красота выражалась человеческим телом в форме движения, и до наших дней является художественным воплощением физической красоты.

Библиографический список

1. Лю Гуйхай. Гомеровские гимны и мыслительные схемы древних Олимпийских игр // Чжэцзянский журнал. 2009 (5): 55–59.
2. Чжан Шиин. О гегелевской философии духа. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1986. 46 с.
3. Цуй Лэцюань и Чжан Хунся. Происхождение и особенности китайской превосходной традиционной спортивной культуры // Журнал Уханьского института физической культуры. 2020. № 7.
4. Цуй Лэцюань: История спорта, Пекин: Издательство высшего образования, 2018.
5. Чжан Цайлинь и Ли Цзин: «Тело и путь»: исследование духа китайского спорта с точки зрения древнекитайской философии тела // Журнал гуманитарных наук. 2014. Т. 12.
6. Вэн Шисюнь: Чжунго цюэцзюй. Основные исторические материалы Древнего Китая, Тяньцзинь: Издательство Тяньцзиньской академии общественных наук, 2019.

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

THE PHENOMENON OF ALIENATION IN HEGEL'S PHILOSOPHY

И.В. Пантин

I.V. Pantin

Научный руководитель **Е.Н. Викторук**
Scientific adviser **E.N. Viktoruk**

Гегель, отчуждение, философ, деятельность, человек.

В статье представлены основные положения концепции отчуждения в философии Гегеля. Рассмотрено понятие «отчуждение» исходя из представления Гегеля, в каких видах оно выступает, способы его преодоления.

Hegel, alienation, philosopher, activity, man.

The article presents the main provisions of the concept of alienation in Hegel's philosophy. The concept of "alienation" is considered based on the idea of Hegel, in what forms it appears, ways to overcome it.

Проблема отчуждения является актуальной в современной социальной философии. Отчуждение человека от общества, которое формирует в людях эгоистическую направленность. Отчуждение человека от человека, что приводит к разобщенности, а в следствии к кризису взаимоотношений между людьми. Отчуждение человека от образования, в результате которого происходит торможение становления личности, подавление желания самоутвердиться, реализовать себя, у человека пропадает интерес к окружающей действительности. Поэтому феномен отчуждения остро воспринимается как социальная проблема.

Одной из наиболее важных категорий, используемых в философии для описания процессов, происходящих в обществе, считается отчуждение. Вопрос о содержании данного понятия, тех социально-философских значениях, которое оно означает, до сих пор носит дискуссионный характер.

В связи с этим нельзя не вспомнить Георга Вильгельма Фридриха Гегеля – выдающегося немецкого философа, который ввел понятие «отчуждение» как философский термин. Гегель разработал первую универсальную концепцию отчуждения, которая включает в себя несколько взаимосвязанных сторон.

Отчуждением для Гегеля является, прежде всего, опредмечивание, т.е. порождением духом природы и общества. Затем под отчуждением он понимал любую целесообразную деятельность человека, опредмечивание деятельности человека в результатах его труда [1].

Философ утверждает, что отчуждение представляет собой результат существующих в бытии противоположностей, противоречий, что его снятие есть процесс преодоления противоречий в мышлении человека.

Отчуждение у Гегеля представляет собой особый вид человеческой деятельности, посредством которой возникают специфические общественные образования, предметы человеческой деятельности в обществе, где они приобретают свое собственное специфическое предметное содержание [3].

Во-первых, Гегель под отчуждением понимал объективацию абсолютной идеи. У Гегеля отчуждение создает диалектическую оппозицию в противовес сущности взаимодействующих противоположностей. Философ вместо внешне навязывания раскрыл сам мир как глубоко диалектичный. Он занялся поиском субстанции, обнаружив помимо прочего и субстанцию диалектики – одностороннюю предметность, отчуждение.

Во-вторых, отчуждение понимается Гегелем в качестве отчуждения человека. Философ первым столь радикально поставил вопрос о существовании социального отчуждения. Его первоначальная установка на труд и орудийную деятельность, которую он почерпнул из трудов политэкономической теории и из происходивших в Англии того времени преобразований в экономике, повлекших за собой ускорение темпов развития и появление новых реалий, а также из философии субъекта, включающего опредмечивание Духа, абсолюта, Я, привели его к идее изменения характера труда, человеческой предметности во времени – к истории [2].

Категорию «отчуждение», которое является ключевым, Гегель рассматривает как историю развития абсолютного духа, его инобытие.

Отчуждение Абсолютного духа происходит в виде опредмечивания себя в окружающем мире и предстает в виде конечных, чувственных, телесных единичностей, к которым относится и человек. В конечном итоге это ведет к отчуждению от своей истинной сущности. Гегель закономерно приходит к выводу о том, что весь окружающий мир является отчужденным, так как все есть отчуждение идеи от самой себя.

Абсолютный дух Гегеля представляет собой совокупную духовную деятельность человечества на протяжении тысячелетий развития всемирной истории. Следствием этого положения оказалось отождествление человека и Бога. Для Гегеля человек это носитель божественного начала – разума.

В гегелевской системе отчуждение происходит на всех стадиях движения мирового духа. Философ сводит данное движение к трем этапам, которыми являются идея и природа, природа и субъективный дух (человек), человек и «просвещенное государство». Венцом государства становится философия, благодаря чему самоотчуждение прекращается, т.к. в философии Гегеля процесс отчуждения находит свое завершение и конец.

Гегель полагал, что снятие отчуждения, его устранение возможны лишь через освоение культуры, образование, последовательную изменчивость духа, его возвышение и самопознание. Также Гегель впервые в философии указал, что в основе отчуждения лежит деятельность, отчужденная от сущности личности.

Исходя из идей Гегеля, можно сказать, что смысл человеческого бытия заключается в преодолении человеком отчуждения от действительности с помощью образования.

Рассматривая гегелевскую концепцию отчуждения, нужно подчеркнуть, что Гегель является мыслителем, который уделил глобальное внимание проблеме отчуждения и провозгласил последнее в качестве главной основы мирового развития.

В XXI веке отчуждение стало более глубокой проблемой затронувшей большинство сфер социальной жизни людей, отразившись на их индивидуальной жизни.

Библиографический список

1. Блинников Л.В. Великие философы: учебный словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1999. 432 с.
2. Бурков Р.Б. Отчуждение у Гегеля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2. С. 15–23.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 3. С. 33–38.
5. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

ВЫЖИВАНИЕ И СОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ КАК ИСКОННЫЙ СМЫСЛ МОРАЛЬНЫХ НОРМ

SURVIVAL AND PROMOTING THE DEVELOPMENT AS THE ORIGINAL MEANING OF MORAL NORMS

М.М. Смирнова

M.M. Smirnova

Научный руководитель В.В. Минеев
Scientific director V.V. Mineyev

Этика, мораль, выживание, развитие сознания.

Предпринимается попытка проникнуть в суть морали и предугадать будущее морально-этических взаимодействий в обществе. Предполагается, что эволюция сознания большинства людей в обозримом будущем достигнет уровня, достаточного для качественных изменений этих взаимодействий.

Ethics, morality, survival, development of consciousness.

An attempt is made to get inside the nature of morality and predict the future of ethical interactions in society. It is assumed that the evolution of consciousness of most people in the foreseeable future will reach a level sufficient for a qualitative shift in these interactions.

Актуальность исследования определяется необходимостью привлечения внимания к вопросам развития сознания, связанным с морально-этической рефлексией, с ролью морали в жизни общества. Такие исследования могут способствовать качественному росту самосознания, самоконтроля. Духовный прогресс человека становится более быстрым и необратимым, когда моральные законы трансформируются из внешнего фактора организации нашей жизни во внутренний идеал, ориентир, во внутреннюю форму сознания.

Зачастую наука, занимаясь теорией и увлекаясь систематизацией фактов, объяснением явлений и верификацией гипотез, рискует оказаться оторванной от текущей реальности и насущных потребностей живых людей. А ведь свет знания существует не только для того, чтобы освещать уютные кабинеты ученых мужей! Его высшее предназначение – преобразовать все вокруг: каждый темный уголок умов и душ.

Привычно оперируя понятием «мораль», мы уже как-то и не задаемся вопросом о глубинных корнях этого явления – таких, которые, как и любая первооснова, выступают доминирующими в определении сути.

Философ (и специалист по биоэтике, в том числе) Н.Н. Седова говорит о морали как о древнейшем регуляторе поведения в обществе. Существование морали, по мнению исследователя, «обязано» наличию признанных в обществе ценностей, без которых немислима жизнь людей. Таким образом, приходя в мир, человек попадает в уже готовую систему ценностей, пропущенную через множество жизней до него [1, с. 9].

Всеконечно, выживание – это основа, обязательное условие бытия, от которого уже отталкивается и все остальное. Понятие «выживание» можно рассматривать с разных сторон – будь то *биологический*, самый базовый уровень (например, запрет инцеста), или *социально-исторический*, когда вырабатываемые нормы морали обосновываются тем, что инстинкты, присущие дикому животному миру, у человека по большей части утрачены, а на место инстинктов поставлен разум и нормы, выведенные на его основе. Третьим аспектом будет уместно назвать *теологический*, с оговоркой, что непосредственно к научной сфере его, как правило, не относят.

Идея о том, что этические нормы помогают человечеству выжить – и биологически, и сохраняя одобряемые социальные ценности, призванные осуществлять функции регуляции поведения, – обычно не вызывает у представителей практически любого общества споров и противоречий. Люди принимают постулаты морали интуитивно, как некую данность, хотя есть, конечно, и те, кто пытается рефлексировать на данную тему.

Психолог М. Кетс де Врис в своей книге «Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя» касается темы процесса приобретения мудрости человеком. Автор размышляет о том, что верность себе и мудрость являются плодами познания, которые приобретаются в результате невзгод и неприятностей, и приводит в качестве примера пословицу: «*Нет ошибок – нет опыта; нет опыта – нет мудрости*» [2, с. 299]. Эту формулировку можно соотнести и с процессом эволюции сознания: для сознания определяющим фактором являются опыт и выбор, совершаемые «космическим странником». Как итог – переосмысление, качественно новое отношение к жизненным явлениям, прежде всего к себе как к источнику, осознающему все сущее.

Но не кажется ли странно то, что любое животное, априори стоящее на более низкой ступени иерархии сознания, в отличие от человека имеет внутри своей сущности встроенный ориентир (*природные инстинкты*), тогда как тот вынужден опираться на внешние ориентиры (*мораль*)? А может ли быть так, что высокие нормы морали, которые привычно воспринимаются нами как внешние ориентиры, на более высоком уровне сознания становятся законами внутренними, и тогда необходимость подстегивать себя и другого законами внешними отпадает? Такой поворот представляется вполне логичным. Ведь эволюционно мир движется от низшего к высшему, от простого к сложному, от инертного к пластичному, от неведения к знанию...

Из вышесказанного следует, что сутью морали как общечеловеческого негласного кодекса ценностей и поведения, являются образцы, модели поведения, составляющие эффективный потенциал развития человечества. Если выживание есть основная, важнейшая, но низкая ступень в иерархии существования человеческой сущности (а если смотреть шире, то и всего живого), то статус внутреннего закона, призванного стать естественным и добровольным императивом, занимает гораздо более высокую ступень.

В завершение можно добавить, что наукой, изучающей мораль, является этика. По сути своей «этика» и «мораль» – понятия практически тождественные. И все же некоторое различие есть даже в происхождении. Слово «этика» восходит к греческому ἠθικά. От ἠθικός – касающийся нравов, и от ἦθος – местоположение, жилище, стойло, обычай. А слово «мораль» происходит от moralitas, от латинского mores, означающего «общепринятые традиции». Этим термином изначально пользовались для обозначения представлений о правильном и неправильном, для определения норм поведения членов общества. Но в наши дни этика оказалась учением о морали, а не наоборот. Например, биоэтика – это наука о моральном и аморальном по отношению к живому [3]. В контексте рассуждений о будущем морали можно предположить, что следствием эволюции сознания станет трансформация ведущих функций морали и этики, например, регулятивных. На первый план выйдут рефлексивные или исследовательские функции. Основной задачей станет глубинный анализ форм общественного сознания и, как следствие, применение результатов теоретического осмысления действительности на практике. Иными словами, произойдет углубление синтеза морально-практического и научно-теоретического сознания. Эта тенденция уже сегодня получает выражение, например, в работе культурной антропологии, которая не только изучает нетрадиционные сообщества, но и морально обосновывает, легитимизирует их деятельность [4].

Библиографический список

1. Седова Н.Н. Биоэтика: учебник. М.: КНОРУС, 2018. 2016 с.
2. Кетс де Врис М. Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2012. 312 с.
3. Минеев В.В. Смысл биоэтики: дилеммы инструментализма и метафизики в постижении живого // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 28–31.
4. Gokh A.F., Mineev V.V., Viktoruk E.N. Defending identity and diversity: the potential of cultural anthropology for reshaping autism // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Т. 11, № 12. С. 1947–1961.

ОСОБЕННОСТИ ЭТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

FEATURES OF ETHICAL REGULATION IN THE DIGITAL SOCIETY

А.А. Бабаева

А.А. Babaeva

Научный руководитель **Е.Н. Викторук**
Scientific adviser E.N. Viktoruk

Этическое регулирование, цифровая личность, цифровое общество.

Рассматриваются новые объекты этического регулирования и возможность применения к ним установленных норм морали и права. Социальные отношения в цифровом обществе складываются в особых условиях. В связи с этим необходимо исследование по адаптации этического регулирования с учетом новых аспектов цифровых отношений.

Ethical regulation, digital personality, digital society.

This article discusses new objects of ethical regulation and the possibility of applying the established norms of morality and law to them. Social relations in a digital society are formed within the framework of special categories. Therefore it is necessary to study the adaptation of ethical regulation, taking into account new aspects of digital relations.

Цифровое общество – новое пространство для реализации деятельности человека. Оно больше не характеризуется просто наличием и доступностью информационный технологий и информационных средств. Теперь это целая метавселенная, которая, безусловно, наполнена различными субъектами, объектами и содержанием, подлежащими современному этическому регулированию.

Изначально развитие информационных технологий привело к формированию основных прав человека, которые декларировали возможность доступа к таким технологиям, свободу в использовании информационных ресурсов и прочее. Однако на современном этапе развития цифрового общества трансформируется деятельность человека и, соответственно, его права и этические обязанности в новой вселенной. Развитие социальных связей в цифровом мире позволило идентифицировать общество как массу цифровых личностей и взаимоотношений между ними.

При внедрении информационных технологий и цифровых ресурсов интерес общества формировался за счет оперативности, систематизации и упрощении многих реальных процессов общественной жизни. А пришли к тому, что это стало настолько свободное и оторванное от этики и права общество, которому уже не писаны законы реального мира и они с легкостью меняют поведение и нарушают права в цифровой среде обитания. При этом, если развитие информационного и цифрового права находится на начальном этапе, то сформированная столетиями этика должна преобразоваться и стать буфером, который сможет регулировать отношения в цифровом обществе, особенно в периоды «пустоты» и пробелов законодательства. На современном этапе развития общества этическое регулирование представляется мостом, соединяющим разные реальности социума.

Объектами этического регулирования, во-первых, становится созданная цифровая личность, которая уже имеет свой социальный и правовой образ, основанный не только на изменении своей природы, но сущности человека, а во-вторых, способы реализации социальных отношений посредством цифровых ресурсов.

Цифровая личность может быть правомерной и незаконной, при этом моральной и аморальной. Этическое регулирование даже в цифровой среде должно формировать нравственную личность, признающую верховенство человеческого достоинства, ключевых прав и свобод, безусловно, учитывая трансформацию социальных отношений при использовании информационных технологий. Этика в силах повлиять и на способы взаимоотношений внутри цифрового общества, вывести их в разрез общепризнанных ценностей, которые не теряют своей актуальности в процессе перемещения в цифровую среду. Выстраивая социальные цифровые отношения, нужно воспринимать их как часть реального общества, а не параллельного мира нашей вселенной, где действуют иные нормы морали и права. Общество должно прийти к осознанию того, что цифровой мир лишь проекция реально существующих людей и отношений между ними, перемещение происходит только в пространстве – в цифровое пространство.

Кодекс этики для информационного общества, принятый ЮНЕСКО в 2011 г., концентрируется преимущественно на доступности Интернета и информационно-компьютерных технологий, полагая их социальным благом и новым правом человека. Только 3 статьи из 18 посвящены предотвращению киберпреступности, злоумышленного использования информационно-компьютерных технологий, защите персональных данных и частной жизни, а также предотвращению нарушений прав человека в Интернете [1]. Как нарушение, так и защита прав человека перемещаются в виртуальный мир, в котором человек предстает как «цифровая личность». Государство, экономику и даже медицину будет все более интересоваться именно она, а не физическое лицо и его физическое тело [2]. В этой ситуации изменится как содержание, так и способ обеспечения прав человека. Список политических, экономических и культурных прав дополняется цифровыми правами, которые представлены, например, в Хартии цифровых прав, разработанной международной общественной организацией European Digital Rights. Важно то, что для осуществления этих прав необходимо уже на стадии разработки программного продукта предвидеть и предотвращать возможные этические проблемы.

За несколько лет была создана цифровая личность – отличная от реальной, со своими особенностями и характеристиками, а это значит, что теперь перед наукой стоят задачи по осмыслению статуса этой цифровой личности и этического регулирования ее деятельности в цифровом обществе. Цифровые личности создают цифровое общество, и это гибридный мир со своими правилами и запретами, нравственностью и этическими ориентирами. Между тем цифровое общество представляет собой симбиоз реальных общественных отношений и виртуальных отношений в цифровой среде, что в конечном итоге, приводит к заключению о том, что субъектом отношений так и остается конкретный человек, а значит должен подчиняться социальным законам и в реальном и виртуальном обществе.

Стоит отметить, что старт этического регулирования цифрового общества наступил намного позже, чем формирование новой морали в цифровой среде. Слишком долго цифровое общество не рассматривали как существенную часть мира и цифровая личность отделилась от личности физической (человека как такового) с чувством собственного достоинства, что привело к дисбалансу лица физического и цифрового, безграничным и бесконтрольным действиям человека и теперь переломить устоявшееся восприятие цифровых прав и свобод крайне сложная задача для этики. В связи с чем приходится перестраивать основы прикладной этики и пересматривать пределы возможностей общества, а соответственно, и возможностей его регулирования.

Ключевые постулаты этики уже становятся трудно применимыми к современной цифровой медицине [3; 4], цифровой экономике и цифровому праву. Заметно пренебрежение идеями безопасности, охраны частной жизни и персональных данных. Работавшее ранее этическое регулирование не находит новые установки, а вынуждено применяться в компромиссной форме, и при этом не всегда отвечая ранее установленным требованиям права и морали реального мира. Подмена смысла этических установок нельзя назвать интеграцией этики в цифровую среду, это только порождает и множит коллизии по регулированию социальных отношений.

Формирование и развитие новых объектов этического регулирования стоит воспринимать не только как отрицательные факторы развития общества и государств, но и рассмотреть положительные стороны, которые могут предоставить обществу ресурсы совершенствования и реализации человека в разных сферах. Модернизация этики, новый виток развития не только общества, но и самой науки, разработка подходов к осмыслению и формированию новых основ, отвечающих интересам современного общества в процессе цифровизации, позволят решить этические проблемы современности. Пока происходит становление цифрового права, этика уже сейчас должна преобразоваться и стать основой при формировании социальных и правовых норм в цифровом обществе и гибридном мире.

Библиографический список

1. Кодекс этики для информационного общества. Париж, 2011 // UNESCO: [сайт]. [2022]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696r.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).
2. Беляева Е.В. Цифровое общество и возможности его этического регулирования // Вестник прикладной этики. 2018. № 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obschestvo-i-vozmozhnosti-ego-eticheskogo-regulirovaniya> (дата обращения: 21.11.2022).
3. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 3. С. 33–38.
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

«МНЕ ОТМЩЕНИЕ И АЗ ВОЗДАМ»

«REVENGE ON ME AND I WILL REPAY»

Л.В. Логунова

L.V. Logunova

Конфуцианство, христианство, теология, милосердие, месть, справедливость.

В статье проводится сравнительный анализ понятия «месть» в конфуцианстве и христианской теологии. Месть в состоянии гнева осуждается с обеих сторон потому, что наказание может быть несоразмерно вине. Однако Конфуций советует отвечать на добро – добром, а на зло – справедливостью. Христианство считает земной суд несовершенным и советует простить обидчика, месть же совершает Бог.

Confucianism, Christianity, theology, mercy, revenge, justice.

The article provides a comparative analysis of the concept of “revenge” in Confucianism and Christian theology. Revenge in a state of anger is condemned on both sides because the punishment may be disproportionate to the guilt. However, Confucius advises to respond to good with good, and to evil with justice. Christianity considers the earthly court to be imperfect and advises to forgive the offender, but God takes revenge.

Понять другую культуру трудно, но возможно. Зачастую такое понимание имеет метафорический характер, на уровне обыденного опыта это дает частичное понимание. Но философские воззрения в его рациональной части совместимы вполне, ведь здесь речь идет и об общности человеческой природы, и о совпадении логического каркаса философской схемы. Итак, мы сравниваем два высказывания. Первое это приписываемая Конфуцию мысль о мести: «Если захочешь мстить, заранее вырой две могилы». Второе – отношение к мести согласно «Посланию римлянам апостола Павла»: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» [3]. Вторая позиция будет рассматриваться с помощью комментариев знаменитых христианских теологов.

Начнем с «золотого правила нравственности». Конфуций в «Лунь Юй» формулирует его так:

«Цзы Гун спросил:

– Существует ли одно слово, которым можно руководствоваться всю жизнь?

Учитель ответил:

– Это слово – снисхождение (шу 恕). Не делай другим того, чего не пожелаешь себе» [2; 15, 24].

На самом деле иероглиф шу – «говорящий». Он состоит из двух графем, верхней и нижней. Наверху «подобие» (фонетик жу), внизу «сердце», т. е. думать о себе и о других подобным образом, относиться к другим как к себе, и к себе как к другим. То есть это некоторое уравнение себя с другим в справедливости.

Можно ли применять этот принцип взаимности в состоянии гнева?

Вот что пишет об этом Амвросиаст, знаменитый комментатор 4 в. н. э в своих «Толкованиях на 13 посланий апостола Павла» и «Вопросах Ветхого и Нового Завета». «Дабы мир мог сохраняться, нужно избегать гнева, учит Павел; особенно потому, что через гнев обыкновенно приходит грех. Разгневанный желает большего отмщения, нежели того заслуживает причина самого греха, и ставит себя в невыгодное положение, если хочет воздаяния, и наносит больший вред: он разрушает того, кого мог исправить и восстановить...» [Цит. по 1].

Получается, что мстя обидчику в состоянии гнева, ты можешь преувеличить его вину. Вот и нарушение принципа «шу» – равного воздаяния по Конфуцию.

Подобную мысль буквально воспроизводит праведный Иоанн Кронштадтский. «Не смущайся несправедливостями или резкими словами начальника или подчиненного, но посмотри, нет ли и в резком слове правды, для тебя полезной и нужной...» [Цит. по 1].

Итак, зачастую наша месть не имеет под собой оснований. А как быть с остальным? Как быть с обидчиком, который действительно виноват? Как быть с тем, кто обидел тебя незаслуженно?

Здесь, по нашему мнению, позиция конфуцианства и христианства частично расходятся. Для начала о совпадении.

Конфуций проповедует «жень», принцип человеколюбия.

«...Что же такое человеколюбие (жэнь 仁)? Если ты сам твердо хочешь стоять на ногах, то сделай, чтобы и другой крепко стоял на ногах. Если ты сам хочешь, чтобы твои дела шли хорошо, то сделай, чтобы и у другого они шли хорошо. Такой [человек] способен стать примером. О нем можно сказать – овладел искусством человеколюбия» [2; 6, 30].

Обидчик может творить зло от несчастья, боли, унижения. Встань мысленно на его сторону, загляни ему в сердце, помоги, если сможешь.

Святой Иоанн Златоуст пишет: «Не себе отмщающе, возлюблении, но дадите место гневу. Писано бо есть: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь. Аще убо алчет враг твой, ухлеби его: аще ли жаждет, напой его: сие бо творя, углие огнено собираеши на главу его. Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злом» [Цит. по 1].

Подлинное человеколюбие проявляется не только в милости, но и в ненависти. Не мести, а именно к ненависти – и не к человеку, а к греху в человеке. И здесь конфуцианство и христианство сходятся.

«Учитель сказал:

– Только человеколюбивый способен любить [кого-то из] людей и способен возненавидеть [кого-то из] людей (у жэнь 惡人)» [2; 4, 3].

Кого следует любить больше всего? Кому мы можем простить обиды? Сильнее всего, по Конфуцию, мы должны любить родственников, и сильнее всего должна быть любовь у правителя к народу. Но разбойников и убийц, а также чужаков мы можем и не любить, более того, мы можем их ненавидеть, не переста-

вая быть человеколюбивыми. Мы можем им не вредить, но любить их не должны. Христианство признает ближними всех, не только ближних, и в этом состоит отличие от конфуцианства.

Хотя, вообще говоря, в случае преступников, совершающих зло, мы должны их наказывать, поскольку, по Конфуцию, на зло мы отвечаем не добром, а по справедливости [2; 14, 34].

И тут вторая точка расхождения между этикой Конфуция и христианством. Конфуций советует отвечать на зло – справедливостью и ищет эту справедливость в букве закона. Христианство говорит, что на зло нужно отвечать добром. Христиане ставят закон справедливости, закон Бога на первое место. Ведь мир несовершенен после грехопадения, значит, суд тоже несовершенен. Так что не стоит ни мстить самому, ни пытаться отомстить через земные установления. За тебя, если ты искренне, от сердца простил обидчика, отомстит Он, и воздаст гораздо больше, чем ты со своими жалкими потугами. Ведь у рядового человека почти всегда нет ни сил, ни ресурсов для мести тому, кто сильнее его.

Библиографический список

1. Азбука веры. Библия Апостола Павла послание к римлянам 12. Толкования стиха 19. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Rom.12:19&r> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Конфуций. Суждения и беседы. Лунь Юй. М.: АСТ, 2001. 424 с.
3. Послание апостола Павла к римлянам 12: 19. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/novyy-zavet-perevod-pod-red-ep-kassiana-bezobrazova/13 (дата обращения: 14.11.2022).

Раздел 2.
РАСШИРЕНИЕ КРУГА ЭТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ АДВОКАТСКОЙ ЭТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF LAWYER ETHICS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND IN THE RUSSIAN FEDERATION

Н.Г. Спиридонова

N.G. Spiridonova

Научный руководитель Л.Г. Лисина
Scientific director L.G. Lisina

Адвокатская этика, присяжные поверенные, РФ, мораль, нравственность.

В рамках настоящего исследования требования к этичности поступков присяжных поверенных Российской империи и адвокатов Российской Федерации. В результате сделаны выводы о том, что в Российской Федерации Кодекс профессиональной этики адвоката исключает вопросы частной жизни адвоката, которым было уделено особое внимание в Российской империи.

Lawyer's ethics, sworn attorneys, RF, morality.

In the framework of this study, the requirements for the ethical actions of sworn attorneys of the Russian Empire and lawyers of the Russian Federation. As a result, it was concluded that in the Russian Federation the Code of Professional Ethics of a Lawyer excludes questions of the private life of a lawyer, which were given special attention in the Russian Empire.

Отталкиваясь от мнения А.Г. Кучерены, полагаем, что содержательная сторона профессиональной этики адвоката предполагает наличие следующих компонентов [1, с. 211–220]:

- принципы морали, в соответствии с которым адвокат реализует свою профессиональную деятельность;
- нравственные и моральные нормы, которые закреплены в правилах различного характера, складывающиеся в сферах деятельности профессионального характера адвоката и наполняющие указанные сферы содержанием;
- то, в какой степени граждане доверяют адвокату и уважают его труд;
- методы, позволяющие сообществу адвокатов воплощать в жизнь требования нравственного характера.

Таким образом, адвокатская этика – это совокупность представлений о деятельности адвоката, которая складывается исходя из моральных и нравственных норм, принятых в обществе.

Институт адвокатов появился в Российской империи после реформы судов 1864 года. В те годы указанные лица назывались «присяжные поверенные». В 1874 году был введен термин «адвокат», под которым понимались как присяжные, так и частные поверенные. Необходимо отметить следующие поступки присяжного поверенного, демонстрирующие характер неэтичности: высказывания

как в рабочем процессе, так и вне его, вступающие в противоречия с требованиями морали; неуважительное отношение к суду и участникам процесса, которые находят выражение в поступках и устной форме.

В «Правилах адвокатской профессии в России» указано, что в компетенцию Совета присяжных поверенных входят все вопросы, сопряженные с нравственной оценкой действий присяжного поверенного, которые Совет посчитает нужными [2]. Там же указано, что юрисдикция Совета распространяется на все ситуации, в рамках которых действия присяжного поверенного нарушают границы чести, правды и ответственности нравственного характера, установленные Российской империей и требованиями общества [2, с. 10–13]. При этом Совет присяжных поверенных поясняет, что в его юрисдикцию не входят суждения присяжного поверенного; разглашение сведений, сообщенных конфиденциально клиентом; удержание присяжным поверенным документов, переданных ему доверителем; неэтично назначать чрезмерную цену за свои услуги, если характер и сложность дела не соответствуют заявленной денежной сумме; безразличное отношение к товарищам по службе и бездействие в ситуации, когда они требуют помощи от присяжного поверенного; неэтичным признается неуважительное отношение к помощнику присяжного поверенного [2, с. 52–60, 289, 303, 336].

Вне профессиональной деятельности присяжного поверенного Совет признает неэтичными поступки, идущие вразрез морали и нравственности, которые демонстрируют характер умышленности, а также те, которые попали в публичное пространство. Среди них необходимо отметить следующие: использование бранной речи как при личном общении, так и в переписке; вступление в клубы и сообщества, идея которых противоречит общественным нормам; появление в публичном месте в состоянии опьянения; посещение ресторанов; несвоевременный платеж по выданным обязательствам; уклонение от предъявленного иска; брать частные заказы; ведение дел с профессионально некомпетентными лицами [2, с. 398–412].

В Российской Федерации профессиональная деятельность адвоката регулируется «Кодексом профессиональной этики» [3].

В результате анализа его положений можно выдвинуть тезис о том, что адвокатская этика представляет собой правила поведения, имеющие место исключительно в профессиональной деятельности. Она не охватывает частную жизнь, что представляется позитивным аспектом общественного прогресса.

В Российской империи же деятельность Совета присяжных поверенных не была чем-либо ограничена. Любой поступок присяжного поверенного, противоречащий нормам морали и попавший в публичное пространство, становился предметом разбирательства. В настоящее же время личная жизнь адвоката, а также его поведение вне профессиональной деятельности не могут являться предметом разбирательства, в результате которого он может лишиться своего статуса. Полагаем, что личность индивида представляет собой совокупность различных социальных ролей, среди которых его профессия не является

главной и определяющей. Если человек совершает безнравственный поступок, не нарушив административное и уголовное законодательство, то последствия указанного поступка не должны распространяться на иные сферы его жизни, среди которых необходимо отметить профессию. Анализ компетенций Совета присяжных поверенных позволяет сделать вывод о том, что в Российской империи ситуация была противоположна: личность присяжного поверенного была подчинена профессии, в результате чего любой проступок, совершенный в частной жизни и ставший достоянием общественности, мог привести к невозможности осуществлять трудовую деятельность.

Таким образом российское общество в рамках исторического процесса проделало длинный путь, в результате чего в современной России личность индивида не подчинена его профессии, а нравственные или безнравственные поступки частной жизни не могут лишить адвоката своей профессии. Это подтверждает статью 23 Конституции РФ, согласно которой каждый гражданин РФ обладает правом на частную жизнь.

Библиографический список

1. Кучерена А.Г. Адвокатура России: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 783 с.
2. Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты Александр Николаевич Марков. Москва, 1913 год / сост.: А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихомиров; отв. ред. Ю.В. Тихомиров. М., 2003.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката. [Электронный источник] / URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 16.11.2022).
4. Конституция РФ. Статья 23. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2573fdee1caecac37c442734e00215bbf1c85248/ (дата обращения: 16.11.2022).

РОЛЬ ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ АВТОНОМИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

THE ROLE OF THE ETHICAL CULTURE OF THE TEACHER
IN THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL AUTONOMY
IN THE LEARNING PROCESS FOREIGN LANGUAGE

А.А. Ишманова

A.A. Imshanova

Научный руководитель Л.А. Корнилова
Scientific director L.A. Kornilova

Учебная автономия, этическая культура, самостоятельность.

В статье представлен краткий обзор теоретических подходов к определению учебной автономии. Проведен анализ работ отечественных и зарубежных исследователей по данной проблематике. Отражена роль этической культуры в процессе развития учебной автономии.

Educational autonomy, ethical culture, independence.

The article presents a brief overview of theoretical approaches to the definition of educational autonomy. An analysis of the work of domestic and foreign researchers on this issue has been carried out. The role of ethical culture in the development of educational autonomy is reflected.

Актуальность работы состоит в том, что новые требования федеральных государственных образовательных стандартов к результатам освоения основных образовательных программ, обусловленные социально-экономическими изменениями в современном обществе, предъявляют новые требования к совершенствованию содержания, разработку новых методов и технологий образовательной деятельности, а также к проявлению педагогом этической культуры.

Как отмечает Н.Г. Неретина, педагогическая этика – это внутренние установки педагога, следование которым обеспечивает соответствие направления его деятельности и его взаимоотношений с учениками принципам высокой нравственности и морали, культурным и общечеловеческим ценностным ориентирам общества [2]. По словам Э.Ф. Зеера педагогическая этика вкупе с общей культурой педагога составляет его профессиональную этическую культуру, формирование которой начинается еще при выборе профессии и продолжается на протяжении всей профессиональной жизни педагога [3].

Этическая культура педагога, как отмечают многие исследователи, является одним из наиболее значимых качеств, которое формируется во время обучения

в вузе и совершенствуются в процессе профессиональной деятельности. Формированию этической культуры педагогов посвящены работы таких ученых, как Ю.Н. Елисейевой, Д.А. Белухина, И.Ю. Исаевой и др.

Важную роль играет проявление педагогом этической культуры при организации учебной автономии в процессе обучения иностранному языку.

Теоретической предпосылкой рождения понятия «учебная автономия» является принцип радикального конструктивизма, возникший в США в конце 1960-х годов. С точки зрения данного принципа процесс обучения протекает следующим образом – обучающийся самостоятельно обрабатывает новую информацию, тем самым превращая ее в знание, используя для этого свой опыт, уже имеющиеся знания. Обучение как конструктивный процесс вначале проходит под руководством преподавателя, постепенно переходя под контроль самого обучающегося, в чем и заключается основная идея учебной автономии [1].

Французский педагог С. Френе один из первых выступил с предложением организовывать образовательный процесс так, чтобы обучающемуся нужно было действовать самому, исследовать и экспериментировать. В 1991 году ирландский специалист Дэвид Литтл выделил некоторые педагогические принципы, обладающие особым значением при формировании учебной автономии: вовлечение в учебную деятельность; проведение учебной рефлексии; применение целевого языка в качестве средства обучения [4].

Основываясь на работах зарубежных исследователей, российские ученые рассматривают автономию в образовательном процессе с учетом центральных положений гуманистического и личностно-ориентированного обучения. С.Л. Рубинштейн отмечает, взаимодействие людей должно строиться на признании другого как ценности, как субъекта развития и саморазвития, а не как объекта воздействия.

Многие исследователи и ученые считают, что роль педагога в организации автономного обучения иностранному языку очень велика, так как он демонстрирует, прививает и развивает ценности общечеловеческой этики, нравственные нормы жизнедеятельности, уважительное отношение к другим людям, культурам, традициям, формирует стремление к самостоятельности и самосовершенствованию.

Для организации автономности при обучении иностранному языку необходима последовательная и методичная работа педагога, которая заключается в формировании у учащихся умения постановки целей и задач в учебном процессе; умения осуществлять выбор индивидуальной образовательной стратегии; умения осуществлять рефлекссию поставленных целей обучения. Эффективность организации автономности в обучении иностранному языку зависит от выбора форм самостоятельной работы учащихся. Так, например, организация выполнения задания в группе будет способствовать тесному взаимодействию между учащимися, оказанию друг другу помощи, поддержки, оценке себя и друг друга,

проявлению уважительного отношения в группе. Самостоятельный поиск информации в Интернете, составление словаря, аудирование, разработка презентаций по интересующей теме также будет способствовать развитию автономности в обучении иностранного языка.

Таким образом, педагог, носитель этической культуры, при организации автономного обучения иностранному языку не только формирует навыки самостоятельного обучения, но способствует пониманию ими значимости ценности общечеловеческой этики, ориентации на международное общение и коммуникацию.

Библиографический список

1. Даниленко А.С., Шершнева В.А., Вайнштейн Ю.В. Ретроспектива и тенденции развития учебной автономии в образовании // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 6. С. 96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42596568>
2. Неретина Т.Г., Исаева И.Ю. Педагогическая этика будущих учителей как компонент профессиональной характеристики // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 1. С. 6–11.
3. Психология профессионального развития: методология, теория, практика: коллективная монография / Э.Ф. Зеер [и др.]; под ред. Э.Ф. Зеера. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. 159 с.
4. Little D. Learner Autonomy: Definitions, Issues, and Problems. Dublin, 1991. URL: https://www.researchgate.net/publication/259874253_Learner_Autonomy_1_Definitions_Issues_and_Problems

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: СОЦИОФОБИЯ

FORMS OF SOCIAL BEHAVIOR: SOCIAL PHOBIA

М.А. Федотиков

M.A. Fedotikov

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific director S.P. Stumpf

Социальная фобия, современное общество, человек, компьютеризация.

В статье представлена важность актуализации проблемы социальной фобии в современном мире на фоне процесса внедрения электронно-вычислительной техники во все сферы жизнедеятельности человека.

Social phobia, modern society, person, computerization.

The article presents the importance of actualizing the problem of social phobia in the modern world against the background of the process of introducing electronic computing technology in all spheres of human activity.

В современном обществе активно формируется тенденция высоко коммуникативного и инициативного человека. Однако развитие технического прогресса и компьютеризация ведут к уменьшению контактов между людьми. У современного человека постепенно усиливается боязнь социального давления, страха быть высмеянным, отверженным, опасность публичного унижения проявляется интенсивнее. Часто люди относят социофобию к характеристике акцентуации личности, как следствие, им не оказывают должную психологическую помощь вовремя. «Распространенность социальной фобии среди населения варьирует от 3 до 13 %. Однако в поле зрения психиатров больные, страдающие социофобией, попадают сравнительно редко. Только 5 % пациентов с неосложненными социальными фобиями пользуются специализированной помощью» [1].

В буквальном переводе слово «социофобия» означает «страх перед обществом». Как отмечает Т.Е. Дауд, «в прошлые века тревога обычно возникала при восприятии физической опасности... сегодня опасность имеет главным образом социальный и межличностный характер» [2, с. 68]. Страдающий социофобией убежден, что все остальные люди значительно интеллектуальнее, смелее, решительнее и красивее его. Особенно тяжело больным общаться с лицами противоположного пола [3, с. 9].

Социальная фобия обычно проявляется в подростковом и юношеском возрасте. Нередко появление фобии совпадает с неблагоприятными психогенными или социальными воздействиями. При этом в качестве мотивов, провоцирующих развитие этого состояния, выступают лишь особые ситуации – ответ у доски, сдача экзаменов, публичное выступление, появление на сцене. Поводом может также быть контакт с определенной группой лиц – преподавателями, воспитателями,

экзаменаторами, представителями правоохранительных органов, лицами, занимающими более высокое социальное положение, или принадлежащими к противоположному полу. Как правило, общение с родственниками и близкими знакомыми страха не вызывает [1].

Основных же причин заболевания несколько, и они способны переплетаться, а соединяясь, аккумулироваться. Первая причина. Социофобия досталась нам эволюционно: те наши предки, которые вели себя тише и покорнее, чаще оставались в живых. В современном мире большинство людей имеют склонность к осторожному поведению, дабы защитить себя от агрессивных, доминантных людей. Второй причиной социальной фобии является наследственная предрасположенность, однако ген, который отвечает за социофобию, учеными не обнаружен. Тем не менее доказано, что невротизм наследуется и впоследствии может привести к социофобии. Помимо этого, третьей причиной назовем воспитание, оно также имеет значительное влияние. Если родители, в частности мать, страдала социофобией, то с большой вероятностью ребенок будет социофобом, так как усвоит поведенческие паттерны матери.

В современном же мире рост числа социофобов связан напрямую с компьютеризацией. Процесс внедрения электронно-вычислительной техники во все сферы жизнедеятельности человека повлиял и на взаимоотношения между людьми. Теперь для коммуникации между людьми достаточно зайти в телефон, в социальные сети и начать общение. Проблема заключается в следующем: молодое поколение с детства находится в виртуальной среде, дети привыкают к такому общению, вследствие чего общение в «живую» у них вызывает страх и стресс, которые позже переходят в социальную фобию. А виртуальная среда как раз помогает скрыть эту проблему.

Всемирная ассоциация психиатров выдвигает тезис, констатирующий, что социофобии более подвержены люди, работающие в сфере обслуживания или сфере человек–человек, где ключевым является ежедневное взаимодействие с людьми. Однако стоит упомянуть, что социофобия не появляется рефлекторно как ответ на триггер. Она имеет динамику и развивается по нарастающей.

Так, для того чтобы избежать или исключить наличие социофобии и ее проявлений, необходимо еще на этапе школьного самоопределения осуществлять раннюю диагностику личности, в соответствии с чем выстраивать личностный профессиональный план. Это нужно во избежание негативного влияния на профессиональную деятельность и процесс вхождения в профессию в будущем.

Молодым людям следует знать, что социофобия в большинстве случаев практически полностью излечивается с помощью когнитивно-поведенческой терапии. Она включает в себя экспозиционную терапию и когнитивную реструктуризацию. Для профилактики социофобии можно использовать следующие рекомендации:

1. Необходимо преодолевать свои страхи лицом к лицу, чем больше вы преодолеваете эти социальные ситуации, тем меньше в будущем будет тревоги.

2. Перестать предполагать и/или додумывать за другого человека что же он о вас думает.

3. Слушайте то, что говорит собеседник, фокусируетесь на смысле его слов, а не на своих мыслях. Такой прием назван «активное слушанье».

Полагаем, что социальную фобию в современном обществе необходимо актуализировать – просвещать, диагностировать повсеместно. Профилактика социофобии в век компьютеризации и индивидуализма является неотъемлемой частью психологического здоровья людей.

Библиографический список

1. Социальная фобия. URL: <http://www.psychiatry.ru/search/> (дата обращения: 20.11.2022).
2. Дауд Т.Е. Когнитивная гипнотерапия. СПб.: Питер, 2003. 224 с.
3. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Социальные страхи и социофобии. Томск: Изд-во Томский ун-т, 2007. 210 с.

КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ ЛЮДЕЙ, ГОВОРЯЩИХ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

CULTURE AS AN INSTRUMENT FOR ESTABLISHING COMMUNICATIONS BETWEEN PEOPLE WHO SPEAK DIFFERENT LANGUAGES

К.М. Мутовина

K.M. Mutovina

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific director S.P. Stumpf

Культура, язык, инструмент, коммуникация, принадлежность, различия, схожести.

Представлен сравнительный анализ культурных норм некоторых стран. Описаны противоречия, которые могут возникнуть при коммуникации людей из разных культур и возможные способы их разрешения. Рассматриваются особенности межкультурной коммуникации. Основной исследовательской задачей является выявление этически обоснованных способов налаживания межкультурной коммуникации.

Culture, language, instrument, communication, belonging, differences, similarities.

A comparative analysis of the cultural norms of two countries is presented. The contradictions that may arise in the communication of people from different cultures and possible ways to resolve them are described. The features of intercultural communication are considered. The main research task is to identify ethically sound ways of establishing intercultural communication.

Во все времена взаимодействие между людьми из разных стран использовалось для разных целей. Сейчас, в период активной глобализации, коммуникация с другими странами просто необходима. Взаимодействие людей из разных государств часто называется термином «межкультурная коммуникация». Межкультурная коммуникация – это обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур. С самого начала межкультурная коммуникация имела ярко выраженную прикладную направленность. Это не только наука, но и набор навыков, которыми можно и нужно владеть. В первую очередь эти навыки необходимы тем, чья деятельность связана с взаимодействием с другими государствами. Ведь коммуникативные неудачи приводят к другим провалам – в переговорах, к неэффективной работе коллектива, к социальной напряженности. Для успешной межкультурной коммуникации необходимо уделять большое внимание культуре той страны, с которой планируется проведение переговоров [1]. Культура играет немаловажную роль во взаимодействии людей из разных стран, и тот факт, что коммуниканты являются носителями разных культур, значительным образом влияет на их коммуникацию и отчасти определяет ее ход. Именно поэтому для успешной коммуникации стоит уделять немалое значение изучению культуры партнера по коммуникации.

Достижения в области информационных технологий, большой интерес к расширению взаимосвязей различных стран и народов открывают все новые виды и формы общения, эффективность которых зависит от взаимопонимания культур, проявления и уважения к культуре партнеров по коммуникации. С развитием межкультурных исследований появляются новые формы тренингов, получивших название межкультурных, или кросс-культурных. Возникает новая профессия – специалист по межкультурному общению, создается международное общество по межкультурному образованию, обучению и исследованиям [2].

Необходимыми условиями эффективности процесса коммуникации двух или более представителей различных культур являются следующие факторы: 1) владение иностранными языками, 2) знание материальной и духовной культуры другого народа, 3) нравственных ценностей, мировоззренческих представлений, которые в совокупности определяют модель поведения партнеров по коммуникации.

Рассмотрим ситуацию. Вы, будучи американцем, прилетаете в Японию на очень важную сделку. В офисе вы встречаете пожилого сотрудника и по привычке, на равных, протягиваете ему руку и говорите «Привет». Ведь в вашей стране принято общаться на равных с сотрудниками любого возраста. А вот со стороны японцев скорее всего возникнут вопросы, потому что при приветствии, во-первых, необходимо держать дистанцию и исключить какой-либо физический контакт при приветствии, если только вам не предложили пожать руку, а во-вторых, для разных статусных и возрастных групп в Японии существуют разные поклоны. И точно так же, если, будучи японцем, вы прилетите в Америку и начнете кланяться при встрече, вас не поймут.

Но если человек все же не полностью осведомлен о культурных ценностях собеседника, ему не стоит акцентировать свое внимание на непривычных для него вещах. В условиях межкультурной коммуникации необходимо уметь реагировать на новые, непонятные ситуации, так как ярко выраженное чувство недоумения или неудобства может вызвать враждебность со стороны человека, поведение которого побудило эти чувства, и повредить успешным межкультурным отношениям. Для того чтобы чувство недопонимания своего собеседника возникало как можно реже, нужно тщательно изучать культурные ценности и обычаи страны своего собеседника.

По мнению П.С. Тумаркина, межкультурная коммуникация предполагает знание инокультурного коммуникативного кода, т.е. прежде всего языка, норм и правил поведения (поведенческого кода), психологии и менталитета (психоментального кода) своего собеседника [3]. При отсутствии такой компетентности (или зная лишь язык) люди чаще всего общаются с носителями иной культуры и оценивают их на основе собственных национальных норм, что особенно затрудняет коммуникацию между представителями разных культурных сфер. Все это усиливает внимание к вопросам общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации.

Масштабы и интенсивность межкультурных контактов порождают необходимость постоянного их осмысления, интерпретации и сравнения элементов своей и чужой культуры. Е.И. Булдакова считает, что межкультурная коммуникация, становясь фактором повседневной жизни современного человека, усложнила его восприятие мира и процесс самоидентификации. Вследствие этого социальная целостность современного человека, и без того находящаяся в состоянии обновления, теперь больше фрагментируется.

Таким образом, мы выяснили, что успешная межкультурная коммуникация на сегодняшний день невозможна без основательного и разностороннего познания культуры иностранного собеседника. Знание его культуры не только поможет обеспечить комфортное общение, но и гарантирует эффективные переговоры.

Библиографический список

1. Булдакова Е.И. «Буферно-синергичные зоны» в пространстве межкультурной коммуникации. Ростов н/Д, 2008. 23 с.
2. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
3. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана, 2004. 271 с.
4. Тумаркин П.С. Жесты и мимика в общении японцев: словарь-справочник. М., 2000.

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ В ЭПОХУ МОДЕРНА

FORMATION OF THE MEANING OF LIFE IN THE ERA OF METAMODERN

А.А. Мишанов, Е.Р. Нестеренко

A.A. Mishanov, E.R. Nesterenko

Научный руководитель Е.О. Акишина
Scientific director E.O. Akishina

Премодерн, модерн, постмодерн, метамодерн, смысл жизни, эпоха.

В статье раскрывается одна из центральных проблем науки философия, проблема определения места человека в жизни. Повествуется об этапах развития человеческого мышления, от премодерна до метамодерна. Рассказывается о смысле жизни людей разных эпох, о том, как одна эпоха вытекает из другой.

Premodern, modern, postmodern, metamodern, meaning of life, era.

This article reveals one of the central problems of the science of philosophy, the problem of determining the place of a person in life. It tells about the stages of development of human thinking, from premodern to metamodern. It tells about the meaning of life of people from different eras, about how one era follows from another.

Одной из центральных проблем науки философия является определение места человека в жизни. Эта проблема волновала людей во многие времена. Многие современные философы утверждают, что выбор смысла жизни зависит от множества факторов – объективных и субъективных.

Начнем с такого вопроса, в чем смысл жизни? Нет, мы серьезно, как вы объясните себе, зачем вы проснулись сегодня к утру? Мы понимаем, сложный вопрос, но не беспокойтесь, есть готовые варианты, вам остается только выбрать.

Итак, в чем же смысл жизни? Служение Богу, говорят в Ватикане и говорили везде в Средневековье, жизнь дана нам Господом, и время на земле лишь подготовка к жизни вечной. Нет, смысл жизни в служении народу, отмечали в СССР и других странах 20 века. Мы расширим возможности человека и отправим цивилизацию к далеким звездам, нет, смысл жизни не в этом, говорят все на западе последние 50 лет. Глупо на вопрос «в чем смысл жизни?» искать какой-то простой и короткий ответ, ты сам придаешь смысл своей жизни.

Глобальных эпох в культуре всего три. Премодерн в традиционном обществе, модерн в обществе индустриальном и постмодерн в мире масс-культуры и Интернета. Премодерн, модерн и постмодерн – это разные парадигмы мышления. Парадигма – это мировоззрение, то есть коллективное представление о мироустройстве. У разных стран и в разных эпохах у разных людей оно было разным, но их что-то объединяло.

Как вы думаете, что общего между древнегреческим философом, средневековым китайцем и русским купцом эпохи Ивана Грозного? В центре мировоззрения каждого из них стоит Бог. Для кого-то это Зевс, для другого Христос, для третьего Будда. Простые смертные Богов не выбирали, верили в то же самое, во что и верили их отцы и деды и так далее, но не метафорически верили, а буквально все было пронизано Богом.

Большинство крестьян и ремесленников жили в инфо-пузырях, то есть их мир был ограничен радиусом пешей прогулки. Земная жизнь была лишь прелюдией к вечной, то есть той, которая приходит после смерти. Пока большинство жила в хижинах, избах и домиках, богам посвящали роскошные храмы вроде Парфенона, в Древней Греции, Анкорвата в Камбодже или гигантского храмового комплекса в египетском Карнаке.

Подытожим, в премодерне весь мир – это храм Божий, источник истины – церковь, знания передаются из уст в уста или в рукописных текстах, все искусство посвящено религии, общество традиционно базируется на иерархии и патриархате, всю работу нужно делать руками, а смысл жизни – следовать заповедям и готовиться к загробной жизни и так длилось тысячи лет.

В эпоху модерна мир стремительно меняется. Теперь литература доступна не только для церковников, но и для всех, кто умеет читать. Здесь искусство концентрируется на человеке, теперь он не плод греха, а венец творения. Человек эпохи Возрождения мыслит, следовательно, существует. Возрождается античный культ здорового тела, философы понимают, что государство тоже не от Бога, оно состоит из таких же людей, которые просто заключили общественный договор между собой.

Пытаясь осознать быстроменяющийся мир, человек приходит к принципиально новому типу мышления – модерну, от слова современность. Модернизм – неклассический тип философствования, радикально дистанцированный от классического интеллектуального допущения возможности плюрального моделирования миров и – соответственно – идеей онтологического плюрализма [1].

Теперь не Бог должен привести человека в рай, а наука и разум. И не после смерти, а прямо здесь, на Земле. Теперь можно уехать из деревни, сменить культуру и даже религию, получить образование и стать рабочим, или стать предпринимателем, разбогатеть или умереть в городской канаве.

Подведем итоги: в модерне весь мир – это механизм, где каждый винтик ответственен за свою функцию, а источник истины – наука и ученые. Люди осознали, что религия и наука могут приводить к ошибкам, обращение в свою религию или идеологию может закончиться кровью, а наука изобретает все более эффективные способы убийства. Это значит, что не нужно доверять никаким авторитетом на 100 процентов, а самому всегда задаваться вопросами, искать на них ответы.

Наступила эпоха постмодерна или постсовременности. Это вполне закономерный исторический процесс – технический бум, получение доступа ко всей

мировой информации, развитие науки – все это подорвало истины, еще совсем недавно казавшиеся незыблемыми. В этой парадигме не существует единой универсальной истины, любая точка зрения имеет право на существование. Постмодерн в принципе не создает идеалы, потому что это вводит в рамки и отвлекает от самой жизни [3].

Людам в метамодерне не хватает чего-то по-настоящему важного, какой-то ценности. Американский философ Ричард Маккей Рорти сформулировал для всех эту ценность так: «Да, мы можем по-разному видеть мир и стремиться к разному будущему, но, если существо способно чувствовать боль, мы не должны причинять ее. И это единственная универсальная ценность» [2]. Метамодерн можно объяснить двумя словами: новая искренность. Ни одна из парадигм и эпох не лучше другой, они просто плавно перетекают друг в друга. Разные картины мира сменялись, прорастая друг в друга, рациональное мышление не вытесняло мистическое, оно существовало параллельно.

На данный момент человечество живет по принципу индивидуальности, духовного аристократизма, творческой морали, индивидуального откровения, о котором много говорили предшественники. Метамодернизм – это другой выход. Бесконечная сложность, усложненность; сетевая структура повествования; свободное плавание во времени; неоромантические установки, то есть установки на совершенство одинокого героя, на отход от толпы, на определенную контрадикцию с ней. Подводя итог, смысл жизни людей в эпоху метамодерна – это сплошное броуновское движение, в котором люди играют роль хаотично движущихся молекул.

Библиографический список

1. Грицанов А.А., Можейко М.А. Энциклопедия. История философии. Книжный дом, 2001. 1376 с.
2. Timotheus Vermeulen, Robin van den Akker. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010-01-01. Т. 2, вып. 1. С. 5677.
3. Чернышева А. Статья: «Премодерн, модерн, посмодерн, метамодерн: где тут мы?». URL: <https://rewizor.ru/society/stati/premodern-modern-postmodern-metamodern-gde-tut-my/>

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА

THE UNCERTAINTIES OF EDUCATION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF MODERN TEACHER

Т.М. Резер, П.М. Попов

T.M. Rezer, P.M. Popov

Воспитание, государственная политика в сфере образования, неопределенности в воспитании, традиционные ценности.

В статье представлен краткий анализ состояния неопределенности воспитания в профессиональной деятельности педагога, обусловленного деидеологизацией образования. Рассмотрены основные направления государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Upbringing, state policy in the field of education, uncertainties in upbringing, traditional values.

The article presents a brief analysis of the state of uncertainty of education in the professional activity of a teacher, due to the deideologization of education. The main directions of the state policy on the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values are considered.

История публичной власти в современной России имеет свои особенности, обусловленные распадом Советского Союза и падением высших целевых ценностей государства и идеологических принципов. Исполнительная власть – это подсистема государственной власти, основными функциями которой являются обеспечение и ведение непосредственного государственного управления всеми видами ресурсов и общественными отношениями, а также включение в себя управление общественными процессами, сознанием людей, поведением людей и их деятельностью в социуме. Поэтому именно исполнительная власть реализует парадигму воспитания своих граждан в самом большом социальном институте государства – образовании.

Исторический опыт развития человечества показывает, что ценностные системы в условиях стабильности могут существовать и функционировать достаточно длительное время. В кризисы эти системы часто претерпевают существенную трансформацию. Ярким примером является Россия с конца 80-х годов XX века. Разрушение идеологии государства и крушение существовавшей системы ценностей в образовании привели к состоянию неопределенности в сфере воспитания в профессиональной деятельности педагогов страны на разных уровнях получения образования.

Общественная практика показывает, что формирование ценностных ориентаций современных молодых людей как самой динамичной части общества

является одним из главных комплексных проблем, целей и направлений социальной политики в любом отдельно взятом государстве и в обществе в целом. Общественные и государственные институты хотят видеть молодых людей нравственными, принимающими традиции и уважение к старшим, а также ценящими свою родину и историю [1].

Есть убеждение, что переход к VI техноукладу (Industry 4.0) выведет в лидеры только ту страну, которая обладает технологией нейминга. Для существования этого процесса необходимо обладать следующим: умением ограничивать самосознание людей; управлять размножением населения; иметь дешевый корм для людей; внедрять технологию нейминга в управление сознанием и поведением людей. *Технология нейминга позволяет управлять этикой, а вместе с ней и поведением малых и больших групп.* Любое слово несет в себе ответственность за то, что за ним следует. *Нейминг сосредотачивает свое внимание не только на том, что есть в слове, но и на том, чего в нем нет!*

«Чтобы прийти к мировому правительству, необходимо изгнать из сознания людей их индивидуальность, привязанность к семейным традициям, национальный патриотизм и религиозные догмы... Уничтожение понятий истины и лжи, которые являются основой воспитания ребенка, замена веры в опыт старших рациональным мышлением – вот запоздалые цели, потребные для человеческого поведения» (Г.Б. Чисхолм, 1948 г., первый президент ВОЗ) [2]. Именно такая идеология предложена США в целях установления своего мирового господства над сознанием населения стран всего мира.

Государственная политика в области образования представляет собой комплекс мер, предпринимаемых государственными органами, политические действия в отношении образования как социального института (нормативные правовые акты, программы и т.д.). Именно государственная политика в сфере образования направлена на устранение неопределенностей в деятельности современного педагога, а именно реализации его воспитательной функции через содержание образования своей предметной области.

Так, Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 утверждены основы государственной политики по сохранению духовно-нравственных ценностей на территории России. Согласно Указу, Россия рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет страны, что позволит обеспечить единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. В основах государственной политики предложено осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт, что позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность

В документе говорится, что *реформы в сфере образования* в РФ нужно проводить с широким обсуждением. В целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения *деструктивной идеологии реформы* в социальной сфере должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта. Госполитику в области традиционных ценностей будут реализовывать в работе с молодежью и в этом процессе будут участвовать федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности, и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий.

Таким образом, можно утверждать, что существующие неопределенности в воспитательной деятельности педагогов образовательных организаций разных организационно-правовых форм и форм собственности должны быть проанализированы в соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Библиографический список

1. Резер Т.М., Невский Г.А. Служение государству – новая социально-ценностная ориентация подготовки будущих чиновников // ЦИТИСЭ. 2020. № 1. С. 433–440. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.1.39>
2. Сценарии возможного развития о событиях в будущем из доклада, подготовленного для Фонда Рокфеллера в 2010 году. URL: <https://hippy-end.livejournal.com/3938389.html><https://hippy-end.livejournal.com/3939649.html> (дата обращения: 08.10.2022).
3. Официальный интернет-портал правовой информации. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 06.11.2022).

КАК МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ ПЕРЕРАСТАЕТ В СОЦИАЛЬНЫЙ?

HOW DOES AN INTERPERSONAL CONFLICT DEVELOP INTO A SOCIAL ONE?

П.Ф. Похабова, К.Ю. Розонова

P.F. Pokhabova, K.Y. Rozonova

Научный руководитель Л.В. Логунова
Scientific director L.V. Logunova

Конфликт, межличностный конфликт, социальный конфликт, группа, личность.

В современном мире тема конфликта весьма актуальна. Существуют разные виды конфликта. В данной статье рассматривается межличностный и социальный конфликт, а именно то, как межличностный конфликт перерастает в социальный. Для того, чтобы это выяснить, был проведен опрос оценки профессиональных качеств 2 преподавателей среди 20 студентов.

Conflict, interpersonal conflict, social conflict, group, personality.

In the modern world, the topic of conflict is very relevant. There are different types of conflict. This article discusses interpersonal and social conflict, namely how interpersonal conflict develops into social conflict. In order to find out, a survey was conducted to assess the professional qualities of 2 teachers among 20 students.

В нашей жизни мы сталкиваемся с конфликтами повсеместно, поскольку люди и различные социальные группы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, и не всегда многие вопросы решаются мирным путем. Все начинается с банальных ссор в транспорте и до вооруженных столкновений – все это конфликты, со временем различных типов конфликтов становится все больше, так как развитие общества обуславливает появление все новых интересов и ценностей.

Конфликты имеют как положительное, так и отрицательное влияние. Большинство социологов считают, что существование общества без конфликтов невозможно, так как конфликт является неотъемлемой частью жизни людей, источником происходящих в обществе изменений. Конфликт делает социальные отношения более мобильными. Признано, что общество сохраняется как целое благодаря постоянному разрешению присущих ему внутренних конфликтов. Сделать же так, чтобы не осталось негативных конфликтов, а позитивных стало больше, человечество не может на протяжении всей истории.

Один из самых распространенных типов конфликта – межличностный. Межличностные конфликты можно рассматривать как столкновение личностей в процессе их взаимоотношений. Такие столкновения могут происходить в самых различных сферах и областях (экономической, политической, производственной,

социокультурной, бытовой и т. д.). «Чаще всего он возникает из-за дефицита каких-то ресурсов, например, наличия одной престижной вакансии при нескольких кандидатах на нее».

Взаимодействуя с другими людьми, человек защищает прежде всего свои личные интересы, и это нормально. Возникающие при этом конфликты представляют собой реакцию на препятствия достижению целей. И от того, насколько значимым для конкретного индивида представляется предмет конфликта, во многом будет зависеть и его конфликтная установка.

Индивиды сталкиваются в межличностных конфликтах, защищая не только свои личные интересы. Они могут также представлять интересы отдельных групп, институтов, организаций, трудовых коллективов, общества в целом. В таких межличностных конфликтах накал борьбы и возможности нахождения компромиссов во многом определяются конфликтными установками тех социальных групп, представителями которых являются оппоненты. Индивиды сталкиваются в межличностных конфликтах, защищая не только свои личные интересы. Они могут также представлять интересы отдельных групп, институтов, организаций, трудовых коллективов, общества в целом. В таких межличностных конфликтах накал борьбы и возможности нахождения компромиссов во многом определяются конфликтными установками тех социальных групп, представителями которых являются оппоненты [6].

Социальный конфликт — это процесс противодействия социальных субъектов, который направлен на разрешение противоречий в их интересах и целях. Основными компонентами социального конфликта являются наличие двух или более сторон, ведение сторонами противодействия, оценка противодействия сторон внешним наблюдателем. Наиболее общей причиной социального конфликта является неравное положение, которое люди занимают в системе общественных отношений, в которой одни управляют и командуют, а другие вынуждены подчиняться и исполнять указания [5].

В своем исследовании мы решили выяснить: как межличностный конфликт перерастает в социальный. Для того, чтобы это выяснить, мы взяли группу студентов из 20 человек, узнали, с кем из преподавателей у них был конфликт, а с кем конфликтных ситуаций не возникало.

Затем мы попросили каждого из преподавателей оценить свои профессиональные качества по 10-балльной шкале, чтобы сравнить их с оценкой студентов.

Оценивались следующие качества: 1. Знание предмета; 2. Умение доступно изложить материал; 3. Справедливость; 4. Кругозор; 5. Чувство юмора; 6. Внешний вид; 7. Умение вызвать интерес; 8. Дисциплина; 9. Дикция.

Далее мы предложили студентам оценить преподавателей по тем же качествам. Обработав данные, полученные в ходе опроса, мы увидели, что оценка качеств преподавателя, с кем у студентов был конфликт, оказалась сильно заниженной, а у преподавателя, с которым конфликтных ситуаций со студентами не было, оценка была адекватной, а по некоторым пунктам даже завышенной.

В ходе беседы со студентами мы выяснили, что изначально конфликт был между студентом из группы и преподавателем, после чего студент начал настраивать группу против, и как показывают данные опроса, большинство приняли его позицию. Таким образом, мы видим, что межличностный конфликт между студентом и преподавателем перешел в социальный конфликт между преподавателем и группой студентов.

Библиографический список

1. Деловая психология. Морозов А.В. URL: <http://ezolib.ru/5859.html>
2. Зеркин Д.П. Основы конфликтологии. Ростов-на Дону: Феникс, 1998. 480 с.
3. Значение слова. ру. URL: <https://znachenie-slova.ru/конфликт>
4. Нагайцев В.В. Методология диагностического исследования социальных конфликтов // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 195–198.
5. Понятие социального конфликта. Социология конфликта исследует природу социальных конфликтов, социальные механизмы и условия их возникновения. URL: https://studopedia.ru/9_210458_ponyatie-sotsialnogo-konflikta.html
6. Статья «Межличностный конфликт». URL: <https://www.sites.google.com/site/conflictrussian/home/mezlicnostnyjkonflikt>

ИМИДЖ ПЕДАГОГА

THE IMAGE OF THE TEACHER

К.В. Литовских, Л.Ю. Гонтарь

K.V. Litovskikh, L.Yu. Gontar

Научный руководитель Л.В. Логунова
Scientific director L.V. Logunova

Педагог, педагогическая деятельность, образ учителя.

В статье рассматривается противоречивое положение российского педагога. Прямое противоречие между правом на личную жизнь нарушается неопределенным понятием ТК РФ о статусе педагога. Эта неопределенность приводит к травле педагогов по надуманным поводам. Метод исследования: анализ документов.

Teacher, pedagogical activity, teacher's image, image, stereotype.

The article examines the contradictory position of the Russian teacher. The direct contradiction between the right to privacy is violated by the vague notion of the Labor Code of the Russian Federation on the status of a teacher. This uncertainty leads to harassment of teachers for far-fetched reasons. Research method: document analysis.

В переводе с английского “image” в буквальном смысле означает образ. Следовательно, когда говорят об имидже человека, то подразумевают тот образ, который возник у других людей. Причем под образом подразумевается не только визуальный, зрительный образ, вид или облик, но и образ его мышления, действий, поступков и т. п. Иначе говоря, понятие образа должно пониматься в широком смысле – как представление о человеке. Это означает, что понятие «имидж» может трактоваться и так, каким видят люди данного человека, точнее, как его оценивают, как они к нему относятся. Имидж – это «мнение, суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к чему-нибудь, взгляд на что-нибудь» (С.И. Ожегов) [1].

В 20 веке понятие «имидж» широко применялось в искусстве и литературе во Франции и Великобритании. В активный лексикон понятие «имидж» вошло из журналистской практики 60-х годов прошлого века, где оно использовалось прежде всего для акцентирования внимания на сценическом образе поп-музыкантов, процессе сращивания поп-музыки и шоу.

В России понятие «имидж» стало предметом общественного внимания и научного анализа лишь в последней трети XX столетия, когда появились первые серьезные отечественные разработки по имиджированию, посвященные психологическим аспектам формирования имиджа.

«Имидж учителя – это эмоционально окрашенный стереотип восприятия образа учителя в сознании воспитанников, коллег, социального окружения, массового сознания. При формировании имиджа учителя реальные качества тесно переплетаются с теми, которые ему приписываются окружающими» [2; 6].

Но почему из-за стереотипа, из-за выстроенного в глаза людей образа «монаха», учитель не может спокойно вести свою личную жизнь и должен следить за каждым своим шагом, отказываться от хобби?

Трудовой кодекс также говорит о регулировании педагогической деятельности, но ясности не прибавляет: согласно п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, людей, выполняющих «воспитательные функции», можно уволить за совершение «аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы». Как показывает опыт, для этого может быть достаточно проколотых ушей или пары неудачных фото в соцсетях [3].

Педагогу не следует публиковать в сети «информацию, причиняющую вред здоровью и (или) развитию детей». Но при этом все участники образовательного процесса имеют право на неприкосновенность частной жизни, согласно ст. 23 Конституции РФ.

К информации, запрещенной для распространения среди детей, относится следующая информация: побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью; способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом; содержащая информацию порнографического характера и др. [4].

И тут опять встает спорный вопрос. Педагог имеет неприкосновенность личной жизни и в свободное от работы время он может делать что хочет: распивать алкогольные напитки, курить, нецензурно выражаться. А если это увидят родители или ученики? Но ведь в данный момент для детей не доносится информация, это делается не в учебном заведении. Почему благодаря своему «имиджу» учителя не могут спокойно вести свою жизнь?

В подтверждение своих слов хочется привести примеры.

В 2019 году учительница из Барнаула Татьяна Кувшинникова разместила в социальной сети «ВКонтакте» две безобидных фотографии: в купальнике и платье. Эти кадры были сделаны на самом приличном мероприятии, которое только можно было представить – на соревнованиях по плаванию. Однако публикация не понравилась ни родителям учеников, которые начали травить педагога, ни директору школы, в которой Кувшинникова преподавала. Учительницу вынудили не только уйти из школы, но вообще из профессии. Закрытый спортивный купальник посчитали вызовом нравственности и морали — такая уж точно плохому научит. Школьные истории, подобные этой, происходят с завидной регулярностью. Причем учитель оказывается фактически беззащитным. А могли бы гордиться: Татьяна чемпион по зимнему плаванию. Собственно, и фотографии эти сделаны на тренировках и соревнованиях. А в чем еще плавать?

В начале 2021 года молодую петербурженку Дарину Сергееву вынудили написать заявление об увольнении из школы № 630, где она проработала 2 года. Причиной стал ее аккаунт в социальной сети TikTok, где она публиковала короткие видео о своей работе и личной жизни. Причем видео по всем меркам были весьма целомудренными, и все же зоркие родители усмотрели в ролике, где Дарина и ее муж были одеты в банные халаты, несоответствие моральным принципам учителя.

В Ульяновске мать школьницы потребовала уволить учительницу, которую школьники заметили в магазине нижнего белья, передает «Комсомольская правда». Как сообщает издание, учительница выбирала в торговом центре бюстгальтер, и это увидели школьники. Мать одного из них заявила, что таким педагогам не место в школе, и потребовала ее уволить. Свою позицию она аргументировала фактом, что теперь мальчики в классе «только это и обсуждают», а это недопустимо. Радует, что подавляющее большинство родителей возмутились требованием уволить педагога, назвав его безосновательным. Но были и такие, кто его поддержал.

Так, неопределенное положение учителя согласно трудовому кодексу приводит практически к его полному бесправью.

Библиографический список

1. Калюжный А.А. Психология формирования имиджа учителя. М.: Владос, 2004. 222 с. (дата обращения: 28.09.2022).
2. Глухих С.И. Имидж современного педагога как условие формирования профессиональной компетентности // Народное образование. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-sovremennogo-pedagoga-kak-uslovie-formirovaniya-professionalnoy-kompetentnosti> (дата обращения: 28.09.2022).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.07.2022 с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022 (дата обращения: 15.09.2022).
4. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (дата обращения: 15.09.2022).
5. Жубатырова Б., Дуйсенбаева Р., Ергарина Ж. Формирование имиджа будущего педагога // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-imidzha-buduschego-pedagoga> (дата обращения: 15.09.2022).
6. Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. Способы формирования профессионального имиджа современного учителя // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-formirovaniya-professionalnogo-imidzha-sovremennogo-uchitelya> (дата обращения: 15.09.2022).

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

CYBERBULLYING AS A PROBLEM OF MODERN SOCIETY

Л.Р. Молокова, А.П. Березина

L.R. Molokova, A.P. Berezina

Научный руководитель Л.В. Логунова

Scientific director L.V. Logunova

Насилие, буллинг, кибербуллинг, социальные сети, виртуальная реальность.

В статье раскрывается понятие кибербуллинга как проблемы современного общества. Даются его определение, особенности. Метод исследования – анализ документов.

Насилие, буллинг, кибербуллинг, социальные сети, виртуальная реальность.

Violence, bullying, cyberbullying, social networks, virtual reality.

The article reveals the concept of cyberbullying as a problem of modern society. Its definition and features are given. The research method is document analysis.

В современном обществе, благодаря развитию информационных технологий люди все больше отдают предпочтение виртуальному общению. Такое общение имеет свои плюсы и минусы. Основной минус – нельзя призвать обидчика к ответу. Безнаказанность порождает вал не просто насилия, а сверхнасилия. Этот феномен на современном языке называется «кибербуллинг». Число публикаций на эту тему относительно невелико. Оно связано с исследованием психологического состояния обидчика и жертвы. Введем понятие и перечислим некоторые особенности кибербуллинга [1].

Кибербуллинг – это вид травли, в котором применяются интернет-технологии, включает в себя оскорбления, угрозы, клевету, компрометирующие материалы и шантаж с использованием личных сообщений или возможностей общественного канала. При обычном буллинге используются вербальные и физические акты насилия, но для кибербуллинга отсутствует необходимость в личном присутствии. Все действия совершаются на расстоянии с использованием мейлов, сообщений в мессенджерах и соцсетях, а также посредством применения фото- и видеоматериалов, содержащих чаще всего негативную для репутации жертвы информацию [2].

Особенности кибербуллинга:

- кибербуллинг воздействует на жертву семь дней в неделю, 24 часа в сутки.
- атака при кибербуллинге может быть очень болезненной и внезапной.
- люди, применяющие кибербуллинг, в основном остаются анонимными.
- кибербуллинг одинаково сильно действует на разные поколения.
- кибербуллинг бывает ненамеренным.

Так, исходя из вышеперечисленного можно сказать, что кибербуллинг действительно опасен и может иметь болезненные последствия.

Причиной для распространения подобной агрессии служит кажущаяся анонимность и безнаказанность. Под анонимностью понимается отсутствие возможности вычислить автора сообщения. Из-за анонимности человек быстрее совершает действия агрессивного характера, а эффект дистанцирования дает возможность совершать гораздо более жестокие вещи, чем при реальной коммуникации. Благодаря развивающимся информационным технологиям виртуальная коммуникация доступна в любое время, поэтому появляется возможность действовать на жертву неограниченное количество времени [2].

Агрессивность начинается с того, что люди сами боятся оказаться жертвой. В случае массового буллинга над кем-то срабатывает инстинкт самосохранения, который велит держаться ближе к тем, кто сильнее, что означает подражать их поведению. Кто-то подобным образом стремится заполучить себе авторитет, такие личности, как правило, не используют анонимные аккаунты [2].

Когда происходит объединение людей, которые являются представителями различных стран и культур, в одном месте общения, это позволяет не только сблизить, но и стать раздражающим фактором для нетолерантных людей, дать им больше возможности для проявления своих взглядов. Так, люди теперь могут преследовать человека только из-за наличия какого-либо национального признака [2]. В этой связи в защите нуждаются аутичные люди и целые сообщества, активно представленные в сети [3].

Кто-то таким образом пытается демонстрировать силу или восполнять ее недостаток в реальной жизни. Неспособность быть лучшим в реальности, показывать значимые достижения или просто заниженная самооценка и комплексы могут побуждать человека на принижение и оскорбление других во время виртуальной коммуникации [2].

Некоторые обладают жестоким чувством юмора, поэтому целью их издевательств становится борьба со скукой, желание высмеять кого-либо. Яркое эмоциональное реагирование жертвы на оскорбления рождает интерес, повышает уровень адреналина, дает ложное ощущение власти. Такие люди не осознают, что с другой стороны экрана живой человек, на которого такие действия будут наносить огромный ущерб, что может даже привести к решению покончить с жизнью [2].

Не стоит забывать о том, что кибербуллинг, как и прямое психологическое насилие являются уголовно наказуемыми, и, несмотря на анонимность, трафики, история браузера и подобные вещи, предоставляемые интернет-компанией, при нанесении реального ущерба, довольно легко помогут установить реальную личность агрессора. Поэтому важно обучаться грамотному поведению в сети [4].

При наличии угроз, преследований, шантажа и других вариантах необходимо сохранять страницу с данными сообщениями или материалами – можно сделать скриншот или распечатать, чтобы сохранить доказательства, поскольку агрессор может удалить все данные. Если негативные акты, особенно от незнакомых, происходят в единичном случае, лучше всего игнорировать [3].

В случае продолжающихся атак можно воспользоваться функцией блокировки, которая присутствует во многих социальных сетях.

Не стоит следовать требованиям агрессора, вступать в переговоры или пытаться откупиться – если нет понимания на уровне человеческого общения, то необходимо блокировать всякую связь и игнорировать поступающие сообщения. Содержание угроз будет нарастать, и тут главное удержаться и не ответить, тогда потеряв интерес, буллер оставит в покое жертву [4].

Если атаки не прекращаются, несмотря на блокировку (агрессор может использовать другие страницы и адреса) или применяются прямые угрозы, то необходимо обращаться в правоохранительные органы с доказательствами, подтверждающими наличие угроз. Родителям важно иметь доверительные отношения с ребенком, чтобы тот мог в любой момент обратиться за помощью [4].

Информационное насилие в отличие от насилия физического не оставляет следов на теле, но больно ранит душу, поэтому эта тема заслуживает самого пристального внимания [4].

Библиографический список

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-travlya-v-prostranstve-sovremennyh-tehnologiy> (дата обращения: 06.10.2022).
2. Ведмеш Н.А. Кибербуллинг – что это такое и как с ним бороться. URL: <https://psihomed.com/kiberbulling/> (дата обращения: 29.09.2022).
3. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
4. Кибербуллинг: термин, примеры, причины и защита от него. URL: <https://invlab.ru/zhizn/kiberbulling/> (дата обращения: 29.09.2022).

ПРЕСТИЖ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВЫБОР ПРОФЕССИИ

PRESTIGE AND ITS INFLUENCE ON THE CHOICE OF PROFESSION

И.В. Ансов

I.V. Ansov

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific director S.P. Stumpf

Престиж, профессия, общество, личность, иерархия, профессиональное самоопределение.
В статье понятие престижа рассматривается как одна из значимых детерминант профессионального самоопределения, содержание которой проявляется в виде личных и общественных установок, статусов и представлений о разных видах профессиональной деятельности.

Prestige, profession, society, personality, hierarchy, professional self-determination.
In the article, the concept of prestige is considered as one of the significant determinants of professional self-determination, the content of which is manifested in the form of personal and social attitudes, statuses and ideas about different types of professional activity.

Едва ли не на всем протяжении истории человечества существуют представления, согласно которым различные компоненты социальной среды получают более или менее высокую сравнительную оценку. Иными словами, существует некий механизм оценки и ранжирования группой или отдельной личностью различных социальных объектов. В основе этого механизма находятся такие переменные, как влияние, уважение, значимость, которые можно объединить словом – престиж. Этот термин имеет латинские и французские корни. С французского «prestige» это обаяние, очарование, а с латинского «praestīgium» означает обман, заблуждение. Престиж тесно связан с французской нацией, а именно с обществом времен правления Людовика XIV, также именуемого как «король-солнце» или Людовик Великий, поскольку именно его двор принято считать образцом, классическим примером престижного сообщества [1]. По мере развития социологической науки в научный оборот вошел термин «профессиональный престиж», который является одной из видовых форм социального престижа. Эмиль Дюркгейм в своих работах указывал, что в начале эпохи индустриализации, когда дифференциация труда оформилась наиболее четко, у работников уже возникают представления о том, какая специальность оплачивается больше и считается более привилегированной, авторитетней [2]. То есть на основе статуса определенного специалиста и его профессиональных обязанностей возникла некая картина иерархии профессий, которую в дальнейшем обозначат как престиж профессий. Примечательно, что исследования, проводимые с начала XX века, продемонстрировали феноменальную устойчивость этой иерархии профессий

и их кросснациональности: рейтинг без учета мелких изменений остается стабильным на протяжении многих десятилетий [3].

Набор атрибутов престижа, с помощью которых осуществляются исследования статуса профессий и определяется их иерархия социумом, является предметом дискуссий и различается в зависимости от методики, подхода. Его можно определить как широкий спектр материальных и нематериальных показателей, в который входят протяженность и трудность обучения, важность деятельности для общества и вызываемое уважение, участие в управлении, власти и контроле ресурсов, уровень оплаты и многие другие [4]. Марксизм выносит на первый план материалистические мотивы, которые в этой теории рассматриваются как основополагающие предпосылки всех человеческих действий. Однако есть и противоположный взгляд. Согласно воззрениям Карла Поляни, нематериальные характеристики – уважение, почтение со стороны других людей представляются доминирующими, а на экономические стимулы человек склонен обращать внимание лишь в исключительных случаях [5; 6].

В рамках процесса профессионального самоопределения феномен профессионального престижа можно рассматривать как внешний фактор влияния, так и внутренний. В первом случае подразумевается социальный статус профессиональной деятельности как некая усредненная система общественных представлений. Во втором – профессиональный престиж является отражением индивидуальных представлений личности о том, насколько каждая отдельная профессия способствует удовлетворению собственных потребностей и соответствует наличествующим интересам, мотивам [7].

Иерархия профессий, царящая в обществе, может не совпадать с личностной. Обе эти шкалы взаимодействуют и формируют конечную систему престижных оценок, на основании которой человек впоследствии делает профессиональный выбор. В свою очередь, превалирование общественных или личных представлений о престиже профессий может быть связано с ценностями, распространенными в обществе, с его социокультурной средой. В обществах, в которых преобладают ценности выживания и традиционализм, с большей долей вероятности человек будет делать свой выбор, основываясь на общепринятых концепциях, поскольку инакомыслие не поощряется, силен социальный конформизм и коллективизм (общественное более значимо). В социумах, в которых распространены ценности самовыражения и секулярно-рациональные ориентации, ситуация может иметь другой оттенок: ведущим фактором явятся личностные предпочтения и установки [8].

Также престиж тесно связан с социальной стратификацией. Находясь в процессе самостоятельного определения профессии, человек выбирает не только вид деятельности, но также и место в социальной иерархии, которое ему предстоит занять. В теории стратификации Макса Вебера фигурирует такое понятие, как «статусная группа» – это люди, объединенные образом жизни и нахо-

дящиеся на одинаковом уровне общественного признания и социальной иерархии. Ученый утверждал, что принадлежность к такой группе, в данном случае профессиональной, выступает как следствием, так и фактором стилизации образа жизни, приобщении его к определенному паттерну [9]. Таким образом, термин «профессиональный престиж» имеет различные подходы и взгляды на толкование его сущности, является прочно укорененным в общественном сознании и социальных науках.

Библиографический список

1. Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии монархической власти и придворной аристократии. М.: Издательство редких книг, 2020. 592 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Руднев М.Г. Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // Вопросы образования. 2008. № 2. С. 217–239.
4. Бессуднов А.Р. Социально-профессиональный статус в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2009. № 2. С. 89–115.
5. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2018. 312 с.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 46. Ч. 1. 559 с.
7. Комлева В.В. Престиж как явление духовной жизни общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 26–32.
8. Inglehart F.R. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge University Press, 2018. 288 p.
9. Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация. М.: ИНП РАН, 1992. С. 19–38.

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ИДЕОЛОГИЮ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБНОВЛЕННОГО ФГОС

A PHILOSOPHICAL VIEW ON EDUCATIONAL IDEOLOGY IN THE CONDITIONS OF THE IMPLEMENTATION OF THE UPDATED FSES

М.В. Сасин

M.V. Sasin

Научный руководитель В.В. Минеев
Scientific director V.V. Mineyev

Философия, система образования, наука, инновации, педагогика, идеология.

В статье представлен краткий обзор философских взглядов на систему образования. Необходимо проводить образовательную идеологию, отвечающую запросам общества. В современном мире важную роль играет конкретизация и систематизация знаний, а также их метапредметность. Усиливаются акценты на изучении явлений современного мира в целом и современного состояния науки.

Philosophy, education system, science, innovations, pedagogy, ideology.

The article presents a brief overview of philosophical views on the education system. It is necessary to lead the educational ideology in accordance with the demands of society. In the modern world, an important role is played by the concretization and systematization of knowledge, as well as their metasubjectivity. Emphasis is made on the phenomena in the modern world as a whole and on the current state of science.

Система российского образования имеет динамический характер, так как неразрывно связаны с политической жизнью страны и обществом в целом. Образование – главный социальный институт, который является механизмом регулирования сознания человека. На сегодняшний день приоритетной образовательной идеологией является воспитание молодого поколения ответственных, компетентных и самостоятельных граждан, способных взять ответственность за свое будущее на себя. В условиях обновленного ФГОС в общеобразовательных учреждениях основные акценты и приоритеты расставлены в пользу личностных результатов.

Личностные результаты должны отражать следующее: формирование основ российской гражданской идентичности, чувства гордости за свою Родину, российский народ и историю России, осознание своей этической и национальной принадлежности; формирование ценностей многонационального российского общества; становление гуманистических и демократических ценностных ориентаций. Под образовательной идеологией необходимо понимать совокупность

идей и взглядов, касающихся продуктивного и эффективного построения траектории современного образования. В этом отношении возникает ряд теоретических и насущных вопросов, выходящих за рамки педагогики и требующих философского обоснования. Образовательная идеология включает необъятное количество вечных вопросов, концепций, инноваций и гипотез.

Необходимо отметить вклад С.И. Гессена в развитие идей образования, подчеркивая значимость междисциплинарного подхода и справедливо полагая, что не может быть педагогики без философии: «Всякая педагогическая система – даже там, где она выдает себя сама за чисто эмпирическую науку, – есть приложение к жизни философских воззрений ее автора» [1, с. 20]. С.И. Гессен, определяя образование как культуру индивида, считал, что задача всякого образования – приобщение человека к ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, это превращение природного человека в культурного. Деление культуры предполагает и деление образования на виды.

Воспитание подрастающего поколения формируется на базе многих наук и не концентрируется только внутри самой педагогики. Основные идеи и значительную роль в образовательной идеологии играют философские принципы, которые являются фундаментом для дальнейшего изменения и преобразования педагогической науки. Эту главную роль философии в научной деятельности обосновали философы Нового времени, такие как Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Ньютон, Ф. Бэкон [2].

Данная позиция не теряет своей актуальности и сегодня, в современной России. Требования к результатам формируются с усилением акцента на применении знаний и конкретных умений: характеризовать, называть, перечислять, применять, устанавливать преемственность, конкретизировать формулировки и уметь искать причинно-следственные связи.

Признавая необходимость формирования определенных компетенций и критериев, мы можно задать себе вопрос: что дальше, если я уже и так все умею? Известный физик и философ Э. Мах считал важным процесс вымирания устаревших концепций, так как он влияет на развитие науки, на все ее грани. «Прежде всего, – пишет Э. Мах, – Я поставил себе целью не ввести новую философию в естествознание, а удалить из него старую, отслужившую свою службу, каковая задача, впрочем, весьма понравилась и кое-кому из естествоиспытателей. ...В естествознании, где они встречали менее внимательную критику, эти философские системы дольше сохранили свою живучесть: так, какая-нибудь разновидность животных, не способная защититься от своих врагов, может сохраниться на каком-нибудь заброшенном острове, неоткрытая своими врагами. Такие философские системы, не только бесполезные в естествознании, но и создающие вредные, бесплодные, мнимые проблемы, ничего лучшего не заслужили, как устранения» [3, с. 32–33].

Подход Э. Маха поверхностный, односторонний (не учитывающий вечность подлинно философских проблем) и не вписывается в реалии современного мира.

Способ рассуждения слишком категоричный, характерный скорее для физика, чем для философа. Мах – представитель позитивизма, технократизма, которые сегодня находят выражение не только в физикализме или бихевиоризме, но и в медикализаторстве [4]. Хотя и позитивисты различаются между собой как по стилю мышления, так и по вкладу в науку. Конечно, в условиях обновления ФГОС важно, чтобы в учебной аудитории не воцарился эпистемологический анархизм, проповедуемый некоторыми представителями постнеклассической науки [5, с. 13]. Но с другой стороны, и в области естественно-научного образования, и в области образования гуманитарного полностью изжил себя и противоположный подход, сторонниками которого выступали Э. Мах и его современники. Практическая направленность ФГОС не отменяет необходимости добиваться от учащихся не просто операциональных умений, а именно понимания материала. Гуманизация образования едва ли совместима с позитивистскими тенденциями, всегда имеющими место в любой области науки и в сфере образования.

Библиографический список

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Москва: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
2. Минеев В.В. Атлас по истории и философии науки: учебное пособие для студентов вузов. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. 120 с.
3. Мах Э. Познание и заблуждение. М.: Бином, 2003. 456 с.
4. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медикализаторским установкам // НИР. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60. DOI 10.12737
5. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

ПОСТЧЕЛОВЕК КАК ЦЕЛЬ ЭВОЛЮЦИИ?

POSTHUMAN AS THE GOAL OF EVOLUTION?

А.С. Черняева

A.S. Chernyaeva

Направленная эволюция, трансгуманизм, постчеловек, трансгуманистическое движение в России.

В статье рассматривается ответ на вопрос о будущем человечества с позиции трансгуманизма. Формулируется проблема радикальных изменений биологической природы человека, которые повлекут за собой изменения его идентичности.

Directed evolution, transhumanism, posthuman, transhumanist movement in Russia.

The article deals with the answer to the question about the future of humanity from the position of transhumanism. The problem of radical changes in the biological nature of a person, which will entail changes in his identity, is formulated.

Современное человечество переживает очередной трагический переломный период своей истории. Его называют четвертой мировой войной, имея в виду не только вооруженные конфликты, но и экономические, информационные, идеологические войны, Великой перезагрузкой (К. Шваб), инициативой «Build Back Better» (G7). Изменится ли в результате сам человек?

Один из современных ответов на вопрос, каким будет будущее человечества, каким станет человек будущего, дается в концепции «трансчеловека». Один из идеологов Международного трансгуманистического движения Ник Бостром описывает трансчеловека как переходное состояние на пути к постчеловеку, «самосознающее существо», обладающее такими признаками, как «улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределенная индивидуальность» [1, с. 60]. Согласно утверждениям на сайте Российского трансгуманистического общества, постчеловек – это человек, «модифицированный с помощью технологий усовершенствования физических и умственных способностей до такой степени, что его уже нельзя назвать человеком». С помощью биотехнологий, информационных технологий, молекулярной нанотехнологии и искусственного интеллекта ожидается беспрецедентное по масштабам расширение физических, психических и интеллектуальных возможностей человека [2]. Постчеловеческое состояние означает качественный сдвиг в человеческом понимании того, что является «базовой единицей нашего вида». Саму возможность достижения постчеловеческого состояния обосновывают идеей о «витальной, самоорганизующейся, но все-таки ненатуралистической структуре самой живой материи» [3, с. 9–10].

Образ «постчеловека» формируется в движении трансгуманизма, которое, начиная с середины прошлого века, получает все большее мировое распространение. В основе трансгуманистической идеологии лежит стремление «освободить человека от смерти как глобального биологического ограничения» [4, с. 229].

В России аналогом трансгуманистического объединения стала «Инициатива 2045», иначе называемая Стратегическое общественное движение «Россия 2045», основанная в 2011 году. Названное общественное движение насчитывает около 50 тысяч человек, правда, если судить по результатам их деятельности, представленным на соответствующем сайте, активность движения в последние годы сошла на нет. Тем не менее представляется целесообразным обратиться к первоисточнику для определения сущности рассматриваемого феномена. В Манифесте стратегического общественного движения «Россия 2045» говорится о необходимости «использовать прорывные технологии для совершенствования самого человека», которое позволит «преодолеть фундаментальные пределы физических и психических возможностей, заданные ограничениями биологического тела». Благодаря технологиям, человек уже к 2045 году сможет осуществить «эволюционный скачок» и принять решение о продолжении жизни в новом – искусственном – теле, способном «легко переносить экстремальные внешние условия: высокие температуры, давление, радиацию, отсутствие кислорода» [5].

Сторонники трансгуманистических взглядов позиционируют себя как представителей натуралистической философии и в качестве своих источников называют давние философские подходы. Уже софисты и Сократ, разрабатывавшие логический подход и переориентировавшие философское исследование с космоса, природы на человека и общество, формировали основы гуманизма. Отчасти рассматриваемое движение связано с гуманизмом эпохи Возрождения и его стремлением к созданию искусственного человека, гомункулуса, Голема, имитирующего человека. Еще одна несомненная связь обнаруживается с идеей эволюции, в рамках которой человек – это лишь этап, который имел начало и должен иметь завершение, как и все другие этапы эволюции. Кроме того, провозглашенная постмодернизмом концепция смерти субъекта заставляет по-новому взглянуть на человека как действующее лицо в процессе жизни: постмодернизм опровергает представление о своевластном индивиде, утверждая, что человек детерминирован социально и идеологически.

Выход за пределы биологического дает надежду на преодоление болезней, страданий и смерти, именно на этом акцентируют внимание сторонники трансгуманистического движения. Однако даже им очевидны угрозы и риски, возникающие перед человечеством, устремившимся по пути технологической модернизации собственной природы. Ю.Н. Харари, военный историк, профессор, которого называют советником бессменного лидера и основателя Всемирного экономического форума К. Шваба, отмечает, рассуждая о биоцифровой конвергенции и киборгах, которые появятся в результате нее: «Пока что мы не можем даже представить себе все политические, философские и психологические последствия подобных новшеств.... Трудно судить, удастся ли биоинженерии воскресить неандертальца, но с сапиенсами она, скорее всего, покончит. Может быть, манипуляции с генами и не убьют нас, но мы изменим *Homo sapiens* настолько, что будем уже не *Homo sapiens*» [6, с. 437]. А Н. Бостром, предупреждая о «темной

стороне» будущего развития, говорит прямо: «некоторые из таких технологий способны нанести человеческой жизни большой вред; само выживание нашего вида может оказаться под вопросом» [1, с. 62]. Если до реализации самых худших сценариев дело все же не дойдет, то радикальные и трагические изменения в отдельных сферах жизни представляются весьма реалистичными: «наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, – это возможность изменения природы человека и в силу того – перехода к «постчеловеческой» фазе истории... Человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды политических режимов, и потому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либеральной демократии и самой природы политики» [8, с. 18–19].

Зачем же торопиться к столь неопределенному будущему, если даже адепты концепции глобальной эволюционной сингулярности предупреждают о возможных фатальных ее последствиях? Неизбежен ли финал человека в качестве биосоциального существа? Неужели биологическое начало в человеке себя исчерпало и должно быть кардинально преодолено? Между тем био-, нейроразнообразие нынешнего человека в полной мере еще не освоено [7].

В настоящее время скорость развития технологий сдерживается не столько технологически, сколько этически. Так, в 2017 году на заседании Европарламента была принята Резолюция «Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники» (Civil Law Rules on Robotics), несколько пунктов в которой напрямую посвящены необходимости учета этических принципов в процессе создания, программирования и дальнейшего деятельного взаимодействия людей и роботов.

В ситуации настолько стремительного расширения технических возможностей человечества, что нововведения значительно опережают рефлексию над их целесообразностью, вероятно, именно этическая экспертиза обладает необходимыми средствами, чтобы предоставить аргументы для взвешенной и обоснованной оценки перспектив и рисков направленной эволюции человека.

Библиографический список

1. Бостром Н. Что такое трансгуманизм // Экогеософский альманах. СПб., 2000. № 3. С. 59–67.
2. Российское Трансгуманистическое Движение: официальный сайт. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/43/47/>
3. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
4. Белялетдинов Р.Р. Человек трансгуманистического периода: новые концепции человека в эпоху биотехнологий // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С.228-236.
5. Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045» // Россия 2045. Стратегическое общественное движение. URL: <http://2045.ru/about>
6. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. 520 с.
7. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.

Раздел 3.
ЭТИКА И ПРАКТИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРАКТИКА» В ФИЛОСОФИИ

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF "PRACTICE" IN PHILOSOPHY

А.И. Мышковская

A.I. Myshkovskaia

Научный руководитель Е.Н. Викторук
Scientific director E.N. Viktoruk

Философская практика, духовная практика, материальная практика, социальная практика, философское консультирование.

В статье представлен краткий обзор основных вопросов, связанных с проблемой интерпретации понятия «практика» в философии. Описаны концептуальные позиции понимания феномена как духовной, материальной и социальной практик.

Philosophical practice, spiritual practice, material practice, social practice, philosophical counseling.

The article presents a brief overview of the main issues related to the problem of interpreting the concept of "practice" in philosophy. The conceptual positions of understanding the phenomenon as spiritual, material and social practices are described.

Современная ситуация активного преобразования социальной действительности ставит вопрос поиска пространства диалога для принятия неминуемо заявляющей о себе «иной», «новой» реальности, осознания вариантов индивидуального выбора, практического применения накопленных знаний для решения этических проблем разрешения конфликтов интересов, поиска альтернативных путей дальнейшего развития, нахождения точек соприкосновения и возможностей дальнейшего сосуществования в трансформирующейся реальности. Философия, представленная в большинстве своем теоретическим осмыслением, историей развития мысли, сегодня становится предметом практической деятельности и получает распространение как непосредственная деятельность философствования, а следовательно, более широкое распространение получает и трактовка практической философии как философии «для жизни», т.е. применение философских инструментов для философской практики с целью поиска истины; достижения «инстайта»; разрешения жизненных задач и проблем смысла и цели жизни; их соотношения со средствами реализации деятельности; личностного и профессионального становления и процветания; расширения и углубления личности.

Само понятие «практика», происходящее от греческого *πράξις* – дело, деятельность, используется в философии в зависимости от контекста как характеристика поступка, отличающего его от творчества и теории, а также как способ отношений в дискурсе человек – мир, предполагающий осознание вари-

антов индивидуального выбора, согласования целей и средств деятельности, активное использование воли, интеллекта, проектирование будущего. История развития философии позволяет дифференцировать понятие «практика» по концептуальным позициям и рассмотреть его эволюцию с точки зрения духовной, материальной, социальной практик. Духовная практика в философии начинается историю с Античности, где прослеживается тенденция к прикладному применению философии как упражнения мысли на пути к мудрости, где мудрость – не только лишь результат (или процесс) познания, но способ организации «иного» бытия, образа жизни и мысли индивида [1]. Данная точка зрения постулируется, например, Пьером Адо, описывающем жизнь античного философа как свободно избранный образ жизни в любви к мудрости. При этом стоит отметить явно назидательно-преобразовательную характеристику философии данного периода, отличающую ее от более поздних течений, несущих еще и объяснительно-образовательную функцию, что приводит к выводам о прикладном значении философии Древней Греции, практическом применении философских дискурсов в духовных упражнениях и созерцании, физическом преобразовании особенностей жизнедеятельности философов (например, типа и режима питания и т.д.). Таким образом, духовная практика в философии Античности является связующим звеном мировоззрения человека и его жизни, где поиск истины и есть практическое философствование, иначе, практическая философия Античности – осознанно избранный образ жизни философа [2].

Материальная практика, кардинально отличающаяся от античной трактовки практики и занимающая особое место в социальной философии, в полной мере раскрывается в марксистском учении, где созидание нового реализовывается посредством деятельности общества, объединяющего людей. Основной характеристикой такой практики становится регулярная целенаправленная коллективная деятельность, выражающаяся в труде, а также революционная практика в социально-историческом плане [3]. Несомненно, развитие марксистской мысли привело к несостоятельным попыткам некоторых мыслителей определения материальной практики как особой чувственной деятельности индивида, его индивидуального, субъективного самовыражения, а не только лишь созидательной деятельности коллектива, однако, современные исследователи все же отмечают особую специфичность материальной практики в системе субъект–объект, что позволяет сделать вывод о наличии взаимно преобразовывающей характеристики данных отношений [4]. Следовательно, не только труд преобразовывает материальную действительность посредством созидательной деятельности человека и коллектива, но и преобразование материальной действительности приводит к диалектическому преобразованию сознания людей, где становится основой, целью, объективным критерием знания. Таким образом, материальная практика, наиболее широко описанная марксистами как основа общественной жизни, представляется формой организации бытия, созидательной коллективной деятельностью

людей, направленной на преобразование окружающей действительности, и как следствие, самих себя, отраженной в неразрывном единстве гносеологической и социологической категорий практики.

Наиболее сложной и широкой формой организации практики в философии является социальная практика, подразумевающая в самом названии две категории – социум (с его системами, подсистемами, сферами жизни, социальными отношениями и т.д.) и деятельность в ее классическом понимании получения и передачи социального и культурного опыта. Социальность практикования отсылает к восходящей к М. Веберу научной традиции трактовки социального действия как соотносимого с деятельностью других людей и ориентируемого на нее. Практичность же соотносится с установками праксиологии с прослеживаемой прочной связью мировоззренческих, ценностных основ личности с осуществляемой ею деятельности, где важными становятся как способы осуществления деятельности, так и конкретные результаты ее осуществления [5]. Обобщая, социальные практики выступают способом организации, существования социальной действительности во всем многообразии сфер общественной деятельности человека, а также как формы воспроизводства социальности в повседневности жизни индивида [6]. Таким образом, социальные практики, потерпевшие значительное преобразование в ходе развития философской мысли от марксистского понимания, где социальная практика не предполагает использования во множественном числе и представляется процессом преобразования социальной действительности коллективом, обществом в процессе совместной трудовой деятельности, до переосмысления практики как диалектического процесса, в ходе которого преобразовывается не только лишь объект, но и субъект деятельности, а сама социальная практика уже не локализована только лишь в экономической подсистеме, а представлена в виде повседневных социальных практик, производящих и воспроизводящих общественные системы в целом. Таким образом, сутью многообразия определений социальных практик представляется воздействие конкретного исторического субъекта с использованием общественных институтов и организация на систему общественных отношений, где в ходе взаимно преобразовательной деятельности изменяется как общество, так и сама личность субъекта. Переосмысленное таким образом понятие социальной практики отвечает, например, реалиям аутичного сообщества [7; 8].

Разница позиций и взглядов на интерпретацию понятия «практика» сходится в едином мнении о сопряженности философской практики и человека, ее неразрывности с человеческой деятельностью и дуальном, преобразовательном характере, что и представляется основой развития современной философской практики, выраженной разновариантными формами организации консультирования личности, группы, бизнеса, философии для детей и т.д., где в результате переосмысления и интеграции разных концептуальных философских моделей практики появляется возможность применения инструментов практической философии

с целью поиска истины для преобразования личности и социальной действительности, отвечая вызовам современности.

Библиографический список

1. Гаврилов М.А. Духовные практики античной философии // Философия и наука. Екатеринбург, 2016. Т. 15. С. 245–250.
2. Федорова О.С. Философия как духовная практика // Реальность. Человек. Культура: Философия и философствование в современной культуре. VII Ореховские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию кафедры философии Омского государственного педагогического университета, 12–13 ноября 2015 г. Омск, 2015. С. 90–92.
3. Самченко В.Н. Понятие практики в философии нового и новейшего времени // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. Красноярск, 2015. № 2.
4. Пупо П.Р. Становление диалектико-материалистического понимания категории практики в процессе критической переработки К. Марксом и Ф. Энгельсом материализма Фейербаха: дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. 179 с.
5. Глушко И.В. Социальные практики как социально-философская проблема // Концепт. Киров, 2018. № 2.
6. Родионова В.И. Категория «Социальные практики» в понятийном аппарате социальной философии // Инновации в науке. Новосибирск, 2012. №9.
7. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7. № 3. С. 33–38.
8. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

МОДЕЛЬ ФИЛОСОФСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕЙМИНГ»

THE MODEL OF PHILOSOPHICAL CONSULTING FOR TEENAGERS
IN THE PROCESS OF COMPUTER GAME
ON THE EXAMPLE OF THE PROJECT «PSYCHOLOGICAL GAMING»

Д.В. Юрков, Е.Н. Викторук

D.V. Yurkov, E.N. Viktoruk

Философское консультирование; поле контакта; Self-конструктивистский процесс; компьютерные игры; специальное образование.

В последние годы компьютерные технологии все более прочно входят в образовательный процесс. В специальном образовании компьютерные технологии находят применение в образовательном и коррекционно-развивающем процессе. При этом возможности совместного применения философского консультирования и компьютерных технологий в образовательной практике с целью сохранения и укрепления психологического здоровья изучены недостаточно.

Philosophical consulting; Self-constructivist process; contact field; computer games; special education.

In recent years, computer technologies have become more and more firmly integrated into the educational process. In special education, computer technologies are used in the educational and correctional-developmental process. At the same time, the possibilities of joint application of philosophical counseling and computer technologies in educational practices in order to preserve and strengthen psychological health have not been sufficiently studied.

В информационном мире подростков доминируют ресурсы, зачастую подавляющие волю молодых людей в возрасте 12–15 лет. Наиболее известные «Орден десяти углов»; модные анимэшные персонажи, Токийские Гули, Сватинги; Спорттики; Дединсайт; Офники. И тогда подростку легче добиться успехов в сети, в игре, чем в реальной жизни.

В современных образовательных условиях недостаточно ставить цели и достигать их (сила воли). Требуется развитая способность к саморефлексии, способность учиться, способность к саморазвитию. Существующая практика психолого-педагогического сопровождения не всегда способна справиться с такими фундаментальными факторами, как волатильность, неопределенность и неоднозначность будущего.

Способность подростка преуспевать в различных контекстах зависит не только от мягких и жестких навыков, но и в первую очередь от фундаментальных аспектов личности, которые определяют, как человек живет и действует. Свойства, о которых идет речь, обычно считаются врожденными или формируемыми в очень раннем возрасте. При этом достижения современной психотерапии

и философской практики, связанные с развитием человеческого потенциала, указывают на то, что некоторые даже фундаментальные свойства могут меняться исходя из задач развития и системы ценностей [1].

Проект «Психологический гейминг» предполагает, что экзистенциальные навыки и метанавыки формируются посредством взаимодействия с куратором (философским консультантом) в ходе игры. В процессе игрового взаимодействия формируется «поле контакта», в котором возможен self-конструктивистский процесс, направленный не на упрощение поля отношений, а на развитие способности переживать его сложность в ходе решения игровой задачи. Во время игры становится необходимым рефлексивный анализ происходящего.

Философский консультант при этом может удерживать смысловую линию «поля контакта» в парадигме от индивидуального конструктивизма к совместному конструктивизму [2]. Отчасти это можно назвать «ковка поля», совместно конструируя поле смысла в зависимости от интерпретации этого поля.

Философский консультант, используя технику диалога, а также установку на развитие (growth mindset), помогает напарнику (подростку) усилить навыки, которые позволяют справиться с решением задачи, включая сотрудничество, креативность, предпринимательские навыки [3]. К этой категории также относятся навыки, которые увеличивают личную стойкость подростка (например, навыки сохранения здоровья и способность справляться со стрессом), навыки осознания будущего (способность понимать и/или осуществлять ряд сценариев будущего и создавать релевантные индивидуальные и коллективные стратегии действия), навыки и знания, которые помогают справиться с растущей сложностью нашей цивилизации, включая системное и экосистемное мышление.

Философское консультирование в процессе игры с подростком имеет целью развитие следующих личных компетенций: самосознание, динамичность мышления, подвижность мышления, упорядоченность, усложнение структуры личности, многомерность пространства разнообразия и выбора.

Для реализации проекта подобран коллектив молодых профессионалов, обладающих опытом и высокой квалификацией, позволяющей выполнить задачи в полном объеме. По итогам проекта «Психологический гейминг» будет создана рабочая группа специалистов по психологическому консультированию с помощью видеоигр, в чей состав будут включены руководитель и участники проекта и которая будет курировать данную тему на муниципальном уровне. Будет проведена работа по использованию данной практики не только в общеобразовательных организациях, но и в загородных оздоровительных лагерях, дошкольных, высших учреждениях и учреждениях дополнительного образования, в аутичных сообществах [4]. Кроме того, будет изучаться вопрос использования видеоигр для решения иных задач, связанных с психологическим здоровьем детей и молодежи, с развитием культуры новых сообществ [5]. Видеоигры – это инструмент, который позволяет решать многие проблемы после их тщательного изучения и выбора правильного направления использования.

Библиографический список

1. Пинкер. С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса = EnlightenmentNow: TheCaseforReason, Science, Humanism, andProgress (2018) / пер. Галина Бородина. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 632 с.
2. Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте / пер. с англ. А.А. Киселева, Ю.С. Вовк. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 328 с.
3. Левинас Э. Время и другой = Le temps et l'autre; Гуманизм другого человека = Humanisme de l'autre homme / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высш. религиоз.-филос. шк., 1998.
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 3. С. 33–38.
5. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

ТРЕВОЖНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

UNEASINESS AS SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL CONSULTATION

О.Ю. Орлова, А.Ф. Гох

O.Yu. Orlova, A.F. Gokh

Психологическое консультирование, тревожность, ситуативность.

В статье представлена эффективность психологических консультаций при направленном воздействии на единичную ситуативность тревожности.

Psychological consultation, uneasiness, situationality.

Efficiency of psychological consultations is presented in article at the directed influence not a single situationality of uneasiness.

В современном стремительно меняющемся мире специалисты самых разных областей науки и практики отмечают возрастание фактора тревожности, что во многом обусловлено осознанием таких экзистенциальных рисков, как непредсказуемость, непрогнозируемость происходящих событий. Это побуждает к поиску новых способов формирования не столько внешней, сколько внутренней стабильности. В этих условиях у многих людей универсальная потребность в безопасности зачастую остается не удовлетворенной. Хаос и потенциальные угрозы нарушают стрессоустойчивость. Снижается способность адаптироваться к внешним условиям в силу их постоянной изменчивости. Мир усложняется, и теряется связь с ясным пониманием смыслов жизни, а также с пониманием себя и других.

Внешние условия оказывают значительное влияние на внутреннее психологическое состояние человека. Одним из психологических факторов, оказывающих влияние на чувство безопасности, является тревожность [1].

Несмотря на повышенное внимание к проблеме тревожности, единого понимания, тем более, единой концепции так и не сформировано. Это в определенной степени обусловлено междисциплинарностью проблемы [2; 3]. Личностная тревожность – одно из сопровождающих человека состояний, служащее механизмом обеспечения безопасности. При оптимальном уровне тревожность является полезным свойством [4], при полном отсутствии тревоги, а также при длительном интенсивном ее накоплении тревожность превращается в деструктивное состояние, приводящее к дезадаптации человека [1]. Тревожность рассматривается в двух форматах эмоционального состояния: как субъективное устойчивое состояние и как ситуативное, зависящее от объекта [5].

Одним из эффективных средств снижения тревожности в ситуативных случаях специалисты по праву считают психологическое консультирование, которое менее эффективно при работе с общей тревожностью. Практика показывает, что в процессе консультирования эффективнее разложить личностную тревожность на безусловную и обусловленную [6], направив консультационный потенциал на снижение последней, поскольку она является более влиятельной и в то же время менее устойчивой.

Гипотеза исследования: эффективность психологических консультаций возрастает при направленном воздействии на единичную ситуативность. Для этого во время консультирования необходимо выявить не общую проблему тревожности, а единичные ситуативные факторы, способствующие возникновению или усугублению тревоги.

Эта гипотеза сформулирована на основании практической работы с детьми и их родителями на базе МАУ ЦППМиСП «Эго», однако применима и к другим группам [7; 8]. Данные эмпирического исследования были получены в ходе психологического консультирования 128 семей в текущем году. Показательно, что треть обращений была связана с проявлениями тревожности. Это говорит о высокой актуальности проблемы. Родители, чье поведение характеризуется повышенной тревожностью, зачастую пытаются создать обособленную, полностью контролируемую ими среду для своего ребенка, что негативно влияет на естественные адаптационные механизмы детей. Наша практика психологических консультаций показала, что большинство запросов были связаны с конкретной ситуацией: сдача итоговой аттестации, профориентация, адаптация в новом коллективе, переход обучающегося с одного образовательного уровня на другой. В других случаях, вызывающих исследовательский интерес, было либо общее беспокойство, либо скрытое, находящееся, на первый взгляд, в отрыве от ситуативности: агрессивное поведение ребенка, неясное будущее ребенка.

Если в случаях с проявлением агрессии основная роль консультирования отводилась процессу адаптации и снятию стресса, то в остальных случаях применялись другие методы. На первом этапе осуществлялся поиск ситуации, которая потенциально могла стать источником беспокойства, на следующем – прорабатывалось ее влияние на последующие события. Это позволило выявить завуалированный страх и применить в работе с ним хорошо апробированные методы. В случаях с беспокойством родителей за будущее детей проводилась работа по переключению внимания на то, что родитель может сделать для своего ребенка прямо сейчас, аналогично работе, проводимой с подростками, которые тревожились за результаты аттестации. Таким образом, общая тревожность переводилась в ситуативную, где проявлялась в форме страха различной степени.

Таким образом, психологическое консультирование является эффективным средством снижения уровня тревожности при деструктивных эмоциональных состояниях. В условиях стремительно меняющегося мира тревожность становится непременным спутником человеческого бытия, а значит становится все более востребованным потенциал психологического консультирования.

Библиографический список

1. Астапов В.М. Тревога и тревожность: хрестоматия. М.: ПЕР СЭ, 2017. 240 с.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: МПСИ, 2001. 352 с.
3. Вербицкий Е.В. Психофизиология тревожности. Ростов н/Д: Рост. ун-т., 2008. 191 с.
4. Гафаров В.В., Громова Е.А., Кабанов Ю.Н., Гагулин И.В. Личность и ее взаимодействие с социальной средой: непроторенная дорога. Новосибирск: СО РАН, 2008. 280 с.
5. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2000. 304 с.
6. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
7. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 3. С. 33–38.
8. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ КАК ОСНОВА УСПЕШНОЙ ЖИЗНИ ПОДРОСТКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

SELF-REGULATION AS THE BASIS OF A SUCCESSFUL TEENAGER'S LIFE IN A CHANGING WORLD

О.Н. Морозова, А.И. Карпиевич

O.N. Morozova, A.I. Karpievich

Научный руководитель Е.А. Черенева
Scientific director E.A. Chereneva

Саморегуляция; подростки; переоценка; нравственные ориентиры; структура саморегуляции.

В статье рассматривается понятие саморегуляции психических состояний подростка, которое понимается как способность к организации собственной активности, ее мобилизации, регулированию, согласованию с объективными требованиями и активностью других людей. Описывается структура саморегуляции личности.

Self-regulation; adolescents; reevaluation; moral guidelines; structure of self-regulation.

The article discusses the concept of self-regulation of mental states of a teenager, which is understood as the ability to organize one's own activity, its mobilization, regulation, coordination with objective requirements and the activity of other people. The structure of personality self-regulation is described.

Неустойчивость социальной ситуации в мире, переоценка многих нравственных ориентиров вызывают постоянное напряжение человека. Длительное проживание подростком острых и интенсивных эмоциональных состояний опасно для него самого и окружающих [2].

Современная социальная реальность, особенности возрастного развития подростка требуют укрепления и развития его способности к саморегуляции благоприятных и неблагоприятных эмоциональных состояний с учетом спонтанной формы выражения отношений к миру, другим людям, самому себе.

На сегодняшний день в психологической и педагогической науках сложилось представление о личностной саморегуляции как о многомерном явлении. Саморегуляция психических состояний подростка понимается как сознательное воздействие на самого себя с целью намеренного изменения, а также преобразования собственных психических состояний, для которых свойственны такие черты, как неоднозначность протекания и противоречивость.

Понятие «саморегуляция» понимается как способность к организации собственной активности, ее мобилизации, регулированию, согласованию с объективными требованиями и активностью других людей [2].

Б. Циммерман говорит о том, что регуляторные навыки являются источником субъективности, лежащей в основе самоощущения человека (социально-когнитивный подход). Важную роль в развитии саморегуляции играют родители, педагоги, наставники и сверстники. Автор также отмечает, что через определенную последовательность уровней овладения навыками поведение становится саморегулируемым. Человек, развивающий свои регулятивные навыки, испытывает большую удовлетворенность и высокую уверенность в своей эффективности, а также показывает личностную заинтересованность в этих навыках [7].

А.В. Карпов подчеркивает, что деятельность невозможна без процессов ее организации и регуляции. Автор выделяет следующие процессы, необходимые для организации и регуляции целостной деятельности: целеобразование; антиципация (возможность идеального предвосхищения результатов поведения); прогнозирование, программирование, планирование (упорядоченность и осмысленность поведения); контроль, самоконтроль (как атрибут «отчета в своих действиях») [4].

А.О. Прохоров, изучая вопрос о саморегуляции психических состояний, говорил, что «процесс саморегуляции является неэффективным, если отсутствует мотивация и личностный смысл» [6].

В структуре саморегуляции необходимо отметить, что О.А. Конопкиным были выделены основные функциональные звенья процесса осознанного регулирования. К таким звеньям относятся: «цель деятельности, субъективная модель условий деятельности, принятие программы деятельности, система критериев успешности достижения цели, звено оценки информации (обратной) о результатах деятельности». Он говорит о том, что «все звенья регуляторного процесса являются информационными образованиями, взаимосвязаны между собой и получают свою содержательную и функциональную определенность лишь в структуре целостного процесса саморегуляции» [5].

К.В. Злоказов выделил в структуре саморегуляции два комплекса переменных, которые обуславливают специфику ее проявления и результативность:

1. «Гармонический комплекс (гармоничность саморегуляции) проявляется в активности, экстраверсии, интернальности субъекта, переживаний положительных эмоций в процессе саморегуляции; высокой самооценке и уровне притязаний, наличием социоцентрической и эгоцентрической мотивации; выражается в ответственности, целеустремленности, наличии волевого усилия, самокритичности» [3].

2. «Агармонический комплекс проявляется в пассивности, интроверсии, экстернализме, распространенности слабых эмоций; низких требованиях и самооценке, отсутствии личной и социальной мотивации, некритичности, отсутствии воли и безответственности. Агармоническая структура приводит к неэффективности саморегуляции» [3].

Исходя из вышесказанного очевидно, что разные авторы давали свои определения механизмов и структур саморегуляции, благодаря чему сложилось

представление о личностной саморегуляции как о многомерном явлении. Саморегуляция психических состояний подростка – сознательное воздействие на самого себя для намеренного изменения, преобразования ими своих психических состояний, которым характерна противоречивость, неоднозначность протекания. Нарушение саморегуляции проявляется как неумение гибко и адекватно реагировать на изменения ситуации, условий, как неспособность планировать свои действия, прогнозировать результат. В этом случае цель специалистов – помочь в формировании саморегуляции, найти внутренние ресурсы и опоры личности, выявить психологические блоки, которые препятствуют раскрытию потенциала подростка.

Библиографический список

1. Попова С.И. Педагогическое регулирование эмоциональных состояний школьника: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 484 с.
2. Нижегородцева Н.В., Тарасова С.С. Совладающее поведение подростков с разным уровнем осознанной саморегуляции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2.
3. Злоказов К.В. Многомерно-функциональный анализ саморегуляции личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / К. В. Злоказов. Екатеринбург, 2005. 139 с.
4. Карпов А.В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. М.: Институт психологии РАН, 2000. 328 с.
5. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. Изд. 2, испр. и доп. М.: Ленанд, 2011. 320 с.
6. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Институт психологии РАН, 2009. 352 с.
7. Zimmerman B.J. Self-efficacy and educational development // Self-efficacy in changing societies / Bandura A. (Ed.). Cambridge: University Press, 1995. P. 202–231.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ БЛИЗНЕЦОВ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

FEATURES OF GEMINI COMMUNICATION IN A MODERN FAMILY

М.Б. Юдина, О.А. Гаврина

M.B. Yudina, O.A. Gavrina

Научный руководитель Е.А. Черенева
Scientific director E.A. Chereneva

Межличностные отношения, развитие близнецов, гемеллология, идентичность и индивидуальность близнецов.

В статье представлен краткий обзор межличностных отношений в паре близнецов на разных этапах взросления. Рассмотрены факторы влияния окружающей среды на идентификацию и индивидуальность близнецов, развитие их отношений в современных семьях.

Interpersonal relationships, development of twins, gemellology, identity and individuality of twins.
The article presents a brief overview of interpersonal relationships in a pair of twins at different stages of adulthood. The factors of environmental influence on the identification and individuality of twins, the development of their relationships in modern families are considered.

В современном мире существенно расширяется спектр проблем, связанных с семьей, воспитанием и психологическим развитием детей. Основные проблемы современной семьи можно разделить на два блока: социально-психологический и социально-экономический. Среди этих проблем есть те, которые уходят корнями в далекое прошлое, и в то же время приобретают остроту и актуальность в связи с развитием научных, медицинских, клинических, репродуктивных и других технологий. В настоящее время серьезную обеспокоенность у педагогов и психологов вызывают проблемы, связанные с особенностями физического развития близнецов, формированием их личностных взаимоотношений между членами семьи и внутри близнецовой пары, особым отношением окружающих к близнецам. Начиная с древних времен рождение одновременно двух или более младенцев вызывало особенный интерес у окружающих (а в некоторых древних культурах рождение близнецов воспринималось как событие, имеющее религиозный, мистический смысл).

В современном обществе значительно увеличилось количество семей с двойнями, по данным научного журнала Human Reproduction, сегодня в мире рождается больше близнецов, чем когда-либо раньше. По расчетам исследователей, ежегодно на нашей планете на свет появляется около 1,6 миллиона двойняшек, и близнецом является каждый 42 рожденный ребенок.

Ученые считают, что психическое развитие близнецов подчиняется тем же законам, что и развитие одиночных детей, но имеет некоторые специфические черты, обусловленные «близнецовой ситуацией».

Наука о близнецах – гемеллология, изучающая их с позиций генетики, морфологии, физиологии и психологии, насчитывает несколько десятилетий, хотя сами близнецовые пары привлекали ученых и в более отдаленные времена [3, с. 1]. Близнецовая идентичность создает глубокую привязанность, которая сознательно или бессознательно будет присутствовать на протяжении всей жизни. А индивидуальность создает конкуренцию, гнев, разочарование и обиду. Близнецы соперничают друг с другом или завидуют друг другу из-за их уникальной и глубокой привязанности, которая создает конкуренцию. Это соперничество основано на реальности: ведь близнецы сравнивают друг друга с раннего возраста. Кто получает больше еды, любви, внимания, игрушек и особого времени, сравнивается и противопоставляется вербально и невербально. Сравнение становится частью детской жизни и приводит к большим вопросам между близнецами.

Эти особенности связаны, во-первых, с трудностями многоплодной беременности и родов; во-вторых, с проблемами родителей при одновременном появлении в семье двоих или более детей (особенно на первом году их жизни); в-третьих, с некоторыми психологическими нюансами, которые характерны для общения близнецов с родителями, родственниками, окружающими и друг с другом. Эти три группы факторов не являются изолированными, они определенным образом взаимодействуют в процессе развития близнецов. Интроверсия характеризуется направленностью сознания личности близнеца на свой внутренний мир, сужение числа контактов с внешним окружением. Экстраверсия личности близнеца – свойство темперамента, определяющее направленность сознания и поведения личности на взаимодействие с внешним миром, расширение контактов с окружением.

Специалистами выделяется несколько типов отношений между близнецами. Наиболее гармоничен союз близнецов с типом отношений «в меру зависимые». Они хорошо понимают и поддерживают друг друга, но не замыкаются на семейных отношениях, общаясь с другими сверстниками. Такие дети растут вполне самостоятельными и могут благополучно адаптироваться в коллективе независимо от того, рядом ли брат или сестра. В этой связи полезно было бы обратиться и к опыту аутичных близнецов [4].

«Тесно связанные» близнецы практически неотделимы друг от друга и объединены преданной дружбой. Они во всем стараются проявлять себя одинаково и в результате становятся абсолютно похожими для окружающих. «Крайние индивидуалисты» активно сопротивляются своему сходству; один из близнецов пытается стать полной противоположностью брату или сестре. В таких парах легко развиваются соревновательные и сопернические отношения. Общение детей часто сопровождается ссорами и драками. Иногда близнецы могут провоцировать друг друга к нарушению правил поведения, чтобы на фоне «плохого» близнеца выглядеть «хорошим». Но, с другой стороны, близнецам требуется меньше напоминать о правилах хорошего поведения, так как они выступают как совесть друг друга, контролируя свои поступки и поступки близнеца.

Неодинаковые отношения к близнецам могут повлечь за собой распределение ролей внутри близнецовой пары по типу «лидер–ведомый». Отношения типа «лидер–ведомый» встречаются в близнецовых парах очень часто. Выраженность лидерских отношений в разных парах различна: от умеренного преобладания авторитета одного из близнецов до полного подчинения одного партнера другому [5, с. 11]. «Лидер», обычно старший близнец, требует от ведомого беспрекословного подчинения, а это в дальнейшем подавляет его личностную активность. В близнецовой паре может произойти смена ролей: лидером становится «ведомый» и наоборот [1, с. 1].

Механизм взаимодействия близнецовой пары в социальной ситуации предъявляет определенные требования к организации деятельности и общения у монозиготных (МЗ) и дизиготных (ДЗ) близнецов, выдвигает необходимость учитывать противоречия, которые возникают между стремлениями близнецов к неразлучности, соперничеству, к единообразию, их потребностями к индивидуальному самовыражению, к общению в коллективе, расширению в нем контактов. Сходство и различие близнецов зависит не только от общности их генов или врожденных (не обязательно наследственных) факторов. Очень многое зависит от психологических особенностей развития и воспитания близнецов, их отношений с родителями, окружающими и друг с другом [3, с. 11].

Причиной возможных отклонений, которые могут повлиять на все дальнейшее психическое развитие, является не близнецовость как таковая, а в первую очередь грубые, педагогические ошибки родителей и воспитателей, которые не смогли учесть специфику (близнецовой ситуации). Основная движущая сила как нормального развития личности, так и, к сожалению, отклонений в ее развитии – это отношение взрослого к ребенку и их взаимодействие.

Жизнь близнецов, их психологическое сходство и различие, их поведение задают ученым много вопросов, на некоторые из них можно найти ответы в скрупулезно проведенных и строго научных исследованиях. Если науку о близнецах вынести за пределы ее традиционной схемы, построенной на биологизаторских концепциях, и поставить на серьезную основу, то она, безусловно, даст много нового для научного познания человека и условий его развития.

Библиографический список

1. Близнецы: проблемы воспитания и развития / В.В. Семенов, Б.И. Кочубей. М.: Знание, 1985. 80 с. (Нар. ун-т N6).
2. Морозова Т.Б. Развитие личности близнецов на принципах гуманистической направленности воспитания // Научные труды МПГУ Серия: «Психолого-педагогические науки». Сборник статей. М.: Прометей, 2003.
3. Морозова Т.Б. Социально-педагогические технологии в формировании личности близнеца-подростка в системе дополнительного образования. М., Санкт-Петербург: Прометей, 2012.
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
5. Малахова Н. Близнецы. М.: Детгиз, 1969.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ТРЕВОЖНОСТИ

APPROACHES TO STUDYING THE PROBLEM OF ANXIETY

А.А. Володенкова

A.A. Volodenkova

Научный руководитель Е.А. Черенева

Scientific director E.A. Chereneva

Тревожность, страх, эмоции.

В статье представлен краткий обзор подходов к рассмотрению понятия «тревожность». Отражены взгляды отечественных и зарубежных ученых на проблемы определения причин и проявлений тревожности, соотношения понятий «страх», «тревожность», «личностная тревожность» и «ситуативная тревожность».

Anxiety, fear, emotions.

The article presents a brief overview of approaches to the consideration of the concept of “anxiety”. The views of domestic and foreign scientists on the problems of determining the causes and manifestations of anxiety, the relationship between the concepts of “fear”, “anxiety”, “personal anxiety” and “situational anxiety” are reflected.

Тревожность как социально-психологический феномен привлекает к себе все большее внимание специалистов различных областей социально-гуманитарного знания, оставаясь при этом «малоизученной» как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Значительный вклад в философское обоснование тревоги как экзистенциальной проблемы внесли мыслители, определявшие тревогу и тревожность как «страх» (С. Кьеркегор [1, с. 158]), как состояние осознания возможности своего небытия (П. Тиллих [2, с. 30]).

С позиции психодинамического подхода состояние страха возникает вследствие отделения от матери. З. Фрейд полагал, что аффект страха повторяет впечатление от акта рождения, когда состояние стеснения дыхания, бывшее следствием реальной ситуации, теперь почти постоянно воспроизводится в аффекте страха [3, с. 315].

Но индивид может испытывать тревожность не только в ситуации объективной опасности, но и тогда, когда она субъективно воспринимается как потенциально опасная. Если склонность индивида испытывать состояние тревоги становится его личностной чертой, то он склонен воспринимать окружающий мир как таящий в себе угрозу. Эта концепция нашла развитие в работах Ч. Спилбергера [4], который исследовал не только ситуативную, но и личностную тревожность.

Неоднократно делались попытки интерпретировать тревожность как сложный аффект, состоящий из нескольких эмоций. В частности К. Изард выделяет такие формы тревожности, как «страх – страдание – гнев», «страх – стыд – вина»

и подобные комбинации, при этом обязательной и доминирующей составной их частью является страх [5, с. 320].

Представление о существовании динамического тревожного ряда сформулировал Ф.Б. Березин [6, с. 13]. По его мнению, по мере возникновения и нарастания тревоги в этом ряду закономерно сменяются несколько аффективных феноменов от ощущения внутренней напряженности через собственно тревогу до ощущения неотвратимости надвигающейся катастрофы и тревожно-боязливое возбуждения.

Немало исследований было посвящено выявлению причин тревожности. А.М. Прихожан в результате исследований пришла к выводу, что причиной формирования устойчивой тревожности является стресс, который опосредуется внутренними факторами [7, с. 70]. Из внешних факторов наиболее значимым являются детско-родительские отношения и условия семейного воспитания. Влияние остальных факторов (школьная успешность, взаимоотношения со сверстниками и т.п.) значимо только в случаях их сочетания с другими постоянно действующими факторами. Тревожность не обязательно осознается и проявляется в поведении. Описаны так называемые «маски тревожности», которые проявляются чрезмерным спокойствием либо отрицанием неблагоприятного эмоционального состояния [7, с. 153].

В рамках функционального подхода тревога определяется как результат когнитивных, аффективных, поведенческих реакций на уровне целостной личности. Они возникают в ситуации, субъективно оцениваемой как опасной, и направлены на поиск источника опасности и средств ее преодоления (В.М. Астапов [8, с. 157]), т.е. несут адаптационную функцию. Если ситуация оценивается как опасная, то перед субъектом возникает проблема выбора оптимального из возможных способов выхода из сложившейся ситуации. Таким выходом может быть агрессия, избегание и выход из ситуации или чувство апатии, подавленности. Таким образом, в любом случае тревога является переходным состоянием к другим отрицательно окрашенным эмоциональным состояниям: страху, ужасу, панике, апатии, депрессии и т.п. Функциональный подход требует анализа состояния тревоги как сложного когнитивного процесса по осмыслению и оценке ситуации, выполняющего функцию организации деятельности личности. Но остается много вопросов, касающихся, например, взаимосвязи тревожности с аутизмом [9].

Анализом возможных стратегий выхода из состояния тревожности занималась также К. Хорни. Она выделила четыре основных способа преодоления тревожности: рационализация, т.е. превращение тревожности в рациональный страх; отрицание – в этом случае тревожность вытесняется из сознания, но на первый план выходят ее физические или психические проявления – дрожь, потливость, торопливость, скованность; наркотизация – в буквальном смысле, либо погружение в общественную деятельность, работу или, наоборот, в сон; и, наконец, избегание потенциально опасных ситуаций, которое может быть как осознанным, рациональным, так и проявляться неосознанным торможением, вплоть

до невротических расстройств, например, истерической немоты или паралича. Тревога является одним из самых мучительных аффектов. Особенно непереносимым чувством, испытываемым субъектом в состоянии тревоги, является беспомощность. В то же время страх и тревога необходимы человеку для адекватного реагирования на опасность. Интенсивность тревоги зависит от смысла, который человек придает данной опасной, с его точки зрения, ситуации [10, с. 37]. Тревога может быть более интенсивной, чем это осознается индивидом, более того, тревогу можно испытывать, вообще не осознавая этого.

Экзистенциальный подход к исследованию тревоги продолжил Р. Мэй. Он пришел к выводу, что тревожность – это опасение, выраженное в угрозе индивидуальным ценностям, значимым для собственной личности [11, с. 171]. Тревога атакует основу психологической структуры, на которой строится самосознание, т.е. угрожает основе индивидуальности. Вместе с тем наличие тревоги предполагает для индивида свободу жить и действовать, она необходима для роста.

На протяжении всей истории исследования понятие тревожности было тесно связано с понятием страха и угрозы – от витальной до угрозы самосознанию. Все исследователи отмечали неоднозначность причин и проявлений тревожности, делались попытки соотнести разные подходы к данной проблеме. В то же время многие исследователи признают, что существует нормальный, адаптивный уровень тревожности, который повышает эффективность деятельности человека, и только при превышении этого уровня возникают явления дезадаптации.

Библиографический список

1. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
2. Тиллих П. Избранное: Теология культуры / пер. с англ. М.: Юрист, 1995. 479 с.
3. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. 3-е изд., перераб. М.: Современный гуманитарный университет, 2010. 523 с.
4. Ханин Ю.Л. Стресс и тревога в спорте: международный сборник научных статей. М.: Физкультура и спорт. 1983. С. 226–288.
5. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
6. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.
7. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2000. 304 с.
8. Тревога и тревожность: хрестоматия / сост. и общая редакция В.М. Астапова. М.: ПЕР СЭ, 2008. 240 с.
9. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
10. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / Пер. с англ., общ. ред. Г. Бурменской. М.: Изд. группа «Прогресс – Универс», 1993.
11. Мэй Р. Смысл тревоги / Пер. с англ. М.И. Завалова и А.И. Сибуриной. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 384 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 89).

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ, ИМЕЮЩЕЙ РЕБЕНКА С ОВЗ

IMAGE OF A MODERN FAMILY HAVING A CHILD WITH DISABILITIES

В.Д. Любичева

V.D. Lyubicheva

Научный руководитель В.Ю. Потылицина
Scientific director V.Yu. Potylicina

Ребенок с ОВЗ, современная семья, эмоциональные этапы, первичный и вторичный дефекты, стили воспитания.

В статье рассматривается образ современной семьи, виды дефектов, а также эмоциональные этапы и стили воспитания, влияющие на развитие ребенка с ОВЗ.

Child with disabilities, modern family, emotional stages, primary and secondary defects, parenting styles.

The article discusses the image of a modern family, types of defects, as well as emotional stages and styles of education that affect the development of a child with disabilities.

В настоящее время в обществе начали происходить изменения представлений о семье как о ячейке общества, а также к пониманию ее ценности. Прежде чем говорить о проблемах в семье с особенным ребенком, возникающих на данный момент, стоит обратиться к определению, что же такое семья.

Семья – малая социальная группа исторически определенной организации, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, обусловленной потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [4].

Ежегодно в России растет количество детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Так, по статистике Федерального реестра инвалидов прослеживается увеличение количества детей с инвалидностью: на апрель 2022 года насчитывается 735 тысяч детей, а в 2021 было 716 тысяч детей [2]. Также по статистике Росстата отмечается рост детей с ОВЗ, которые обучаются по адаптированным основным образовательным программам в общеобразовательном учреждении (в форме инклюзивного образования): в 2015 году насчитывалось 15 тысяч детей с ОВЗ, а в 2020 году уже – 87 тысяч [3]. Соответственно, можно говорить о том, что количество семей, имеющих детей с ОВЗ, становится с каждым годом все больше. Именно такая семья начинает сталкиваться с проблемами, которые до появления ребенка не возникали.

По мнению ряда исследователей (И.Ф. Токаревой, К.Ю. Косатенко, Л.В. Хохловой, Р.О. Агавелян, Т.В. Рюминой и др.), каждая современная семья проходит 4 эмоциональных этапа от отрицания к принятию ребенка с ОВЗ:

Первый этап – растерянность или шок. На данном этапе супруги оказываются не готовы принять ребенка с отклонениями в развитии, т.к. не боятся будущих проблем, которые возникнут с особенным ребенком.

Во втором этапе отмечается отрицание или непринятие. Родители не хотят принимать дефект или определенный диагноз ребенка, поэтому происходит игнорирование проблемы. Это можно обосновать как психологической защитой, которая направлена на сохранение эмоционального состояния супругов. Такая надежда на лучшее формирует спокойствие и готовность к изменениям в семье.

В третьем этапе происходит печаль или депрессия. У родителей возникает депрессивное состояние, когда они сталкиваются с реальными проблемами в жизни с ребенком с ОВЗ. Приходит осознание, что особенный ребенок не станет, как нормотипичный дошкольник или школьник. У такого ребенка есть особые жизненные, образовательные потребности, которые должна учесть семья при воспитании маленького члена семьи [4].

Четвертая фаза характеризуется адаптацией и принятием ребенка с ОВЗ. Семья начинает адаптироваться к новым условиям жизни, темпу, воспитанию особенного ребенка, а значит, происходит важный шаг для родителей: переход от депрессии к готовности решать повседневные проблемы. Проблемы могут возникать как в семье, так и во взаимодействии с окружающим миром у ребенка с ОВЗ. Это хорошо заметно в динамике аутичных сообществ [5].

Исходя из перечисленных этапов, которые проходит каждая семья, имеющая ребенка с ОВЗ, следует сказать о том, что абсолютно в любой семье происходят изменения. Воздействия на семью бывают внешние и внутренние. Если говорить о внутренних, то это как раз прохождение этапов от отрицания к принятию ребенка с ОВЗ, а внешние могут подразумевать отношение других незнакомых людей к особому ребенку или его дефекту. В свою очередь, дефекты разделяют на первичные и вторичные нарушения. Первичные дефекты характеризуются нарушениями в центральной нервной системе или несоответствием уровня развития возрастной норме. Вторичные дефекты возникают в ходе психофизического развития ребенка только в социальной среде (чаще всего в семье), где именно от окружающих людей зависит, будет ли скомпенсирован тот или иной дефект. Также выделяют сложный дефект, который характеризуется сочетанием органических дефектов с социальными. Теперь представьте, как сложно молодой современной семье с ребенком с ОВЗ проходить этапы, решать различные проблемы, так еще развивать и воспитывать данного ребенка надо со всех его сфер, то есть всестороннее или комплексное развитие.

Так, Л.И. Акатов выделяет 3 стиля воспитания ребенка с ОВЗ:

1. Демократический стиль. Данный стиль характеризуется доверительным и уважительным отношением к ребенку и его способностям. Такой стиль воспитания благоприятно влияет на развитие ребенка, т.к. оказывает психологическую поддержку от родителей и повышает самооценку маленького члена семьи.

2. Авторитарный стиль. Этот стиль характерен для таких родителей, которым свойственен диктат и опека по отношению к ребенку. В данном стиле особенно ребенку нельзя проявлять инициативу, говорить свое мнение. У родителей наблюдается жесткий контроль, авторитетность, уподобление другому. Ребенка психологически деформируют, а значит у него проявятся следующие качества: робость, неинициативность, замкнутость, боязнь чего-либо нового, нерешительность.

3. Попустительский стиль. Для него характерно нейтральное отношение к ребенку, а точнее формальное выполнение родительских обязанностей, где самое главное – все сыты и одеты. Концентрация супругов на собственных проблемах и нуждах приводит к тому, что ребенок не воспитывается. В обществе несоциализированному ребенку с ОВЗ в дальнейшем будет трудно, т.к. у него замедляется психическое развитие, появляются проблемы в учебе и в отношениях со своими сверстниками.

Итак, образ современной семьи, имеющей ребенка с ОВЗ, складывается из этапа, который проходит семья от отрицания к принятию нарушений, проблем, а также стиля воспитания. Стоит также обратить внимание, что это не все характеристики, которые создают образ семьи. Можно упомянуть факторы, определяющие образ семьи: возраст, состав, жилищные и материальные условия, культурный уровень, семейная атмосфера и т.д. Именно по этим причинам совершенно точно составить образ современной семьи достаточно сложно, потому что каждая семья индивидуальна по-своему. В данной статье были выделены наиболее важные и влияющие аспекты, составляющие образ семьи, и которые стоит учитывать учителям и педагогам в учебном процессе с детьми с ОВЗ.

Библиографический список

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2003. 68 с.
2. Федеральная государственная информационная система. Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/> (дата обращения: 16.11.2022).
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2022).
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 3. С. 33–38.
5. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

КОНСТАНТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ: РОЛЬ ОТЦА В ЖИЗНИ ДОЧЕРИ

CONSTANTS OF SOCIALITY: THE ROLE OF THE FATHER IN THE DAUGHTER'S LIFE

К.Е. Верясова

K.E. Veryasova

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific director S.P. Stumpf

Отец, дочь, любовь, проблемы, взаимоотношения, мужское внимание.

В статье представлен краткий обзор основных вопросов, связанных с проблемой формирования личности женщины, воспитанной без присутствия отца. Проанализированы точки зрения российских и зарубежных экспертов о возможности решения проблемы недолюбленности женщины отцом.

Father, daughter, love, problems, relationships, male attention.

The article presents a brief overview of the main issues related to the problem of the formation of the personality of a woman raised without the presence of her father. The points of view of Russian and foreign experts on the possibility of solving the problem of a woman's dislike of her father are analyzed.

Для каждого из нас родители играют самую важную роль как в детстве, так и на протяжении всей нашей жизни. Родители с самого рождения воспитывают нас так как считают нужным. Пытаются дать нам все, чтобы мы ни в чем не нуждались, это как в материальном, так и в эмоциональном плане. Мама старается, чтобы дочка выросла хозяйкой и мудрой девушкой. Отец же обеспечивает защиту дочери. Дает ей понять, что она всегда в безопасности. Родители передают нам свои знания и опыт из их жизни, чтобы мы на своем жизненном пути не совершали таких же, возможно, даже глупых ошибок.

В реальном же мире не всегда супруги справляются с бытовыми проблемами и один из супругов не выдерживает и уходит из семьи. По статистике и словам А.Ю. Кузнецовой – уполномоченной при президенте РФ по правам ребенка, было выяснено, что примерно 5 из 17 миллионов российских семей – это семьи с матерями-одиночками, и еще 600 тысяч семей детей воспитываются отцами-одиночками.

Проблемой исследования является нехватка понимания и восприятия мужской, отцовской любви к дочери. По статистике и подсчету детей, воспитывающихся одним родителем, можно понять, что актуальность проблемы достаточно высока. При отсутствии отца в семье в первую очередь дочь будет чувствовать себя недостаточно любимой и обделенной мужским вниманием. Впоследствии она будет требовательна к своему мужчине в этом плане.

Если девушка достаточно образована, она должна понимать суть своей «детской обиды» и находить выход из этой ситуации. Э. Фромм в своей книге «Искусство любить» говорит о том, что важно всю жизнь работать над собой и своими чувствами. По его мнению, необходимо учиться и понимать основные жизненные ценности. Это помогает обрести любовь к себе, к мужчине и к ребенку. Любовь – это познание самого себя и ближнего, это постоянный совместный духовный рост, это желание сделать свою жизнь и человека рядом лучше. Это тяжелый повседневный труд, работа над собой, желание взрастить в себе те духовные качества, которые необходимы в настоящей и дальнейшей жизни [1, с. 15].

С. Шварц в своей книге «Отсутствующий отец и его влияние на дочь» констатирует тот факт, что при отсутствии отца у дочери возникают некие определенные проблемы в развитии личности. Он объясняет переживание отца как объекта любви, который дает ребенку чувство принадлежности, нужности, поддержки и ценности. Когда отец отсутствует и потребность в нем не удовлетворена, развитие в дочери как в женщине затрудняется. Ученый акцентирует внимание на предательстве, обиде, невыполнении отцовских обещаний, отсутствия поддержки и любви. Понимание своих ран имеет важное значение для интеграции личности, так как отсутствие и нехватка отца влияет на жизнеспособность личности. Это может оказать негативное влияние на возможность взаимосвязи с супругом из-за убеждения в том, что открытость отцу несет в себе риск психологического уничтожения [2, с. 135].

В статье С.А. Апкаевой было проведено исследование, в результате которого было выявлено, что у девочек и юношей из неполных семей достаточно высокий уровень тревожности, чувствительности и напряженности, что дает понять, что оба родителя являются важным фактором в эффективном развитии ребенка в юношеском возрасте [3, с. 127].

Если молодая женщина понимает суть своей проблемы и занимается ее решением, то независимо, в какой семье она росла, она будет счастлива в своих отношениях с мужчиной и с самой собой. В другом случае такой женщине необходимо дать рекомендации или же посоветовать хорошего специалиста, который раскроет ее детскую травму и поможет обрести покой в душе в плане мужского внимания.

Возможностью решения данной проблемы может быть банальный разговор со своим отцом, если есть такая возможность. При разговоре нужно быть искренней. Возможно, у отца был переломный момент в период развития личности дочери, и он не смог дать ей всю ту отцовскую любовь, в которой она нуждалась. Для наиболее лучшего результата стоит обратиться к психологу, и он поможет в данном разговоре.

Если же нет возможности поговорить с отцом, можно использовать технику Ф. Перлз под названием «Пустой стул». Она заключается в том, чтобы высказать воображаемому отцу все недосказанные слова и обиды. Нужно приготовить два стула и поставить их друг напротив друга. На один из них девушка должна сесть,

закрыть глаза и представить своего отца. При этом нужно оставаться спокойной и тело должно быть расслаблено. Девушка начинает вспоминать всю обиду, злость и, возможно, даже ненависть к отцу и проговаривать их словами в слух. После этой практики девушке станет легче воспринимать отца. Она почувствует свободу от той обиды, которую держала в себе все это время [4, с. 67].

Подобной практикой является техника К. Типпинга «Письмо прощения». Для этой техники девушке понадобится только лист бумаги, ручка и все свои несказанные слова к отцу. Девушка должна выписать всю свою злость и обиду. Выплеснуть все свои эмоции и отношения к отцу. После того как все будет написано, нужно посидеть и обдумать написанное. Затем в конце своего письма нужно указать, что отец прощен и дочь никакого зла больше не держит. В конце письма следует сжечь. Девушка должна почувствовать, что все обиды начинают исчезать, а злость и вовсе прошла.

Подводя итог, можно сделать вывод: женщинам важно внимание отца, так как это очень влияет на ее будущую совместную жизнь с партнером. От этого зависит ее благосостояние и даже любовь к самой себе. Главное вовремя выяснить проблему и найти правильный путь ее решения.

Библиографический список

1. Фромм Э. Искусство любить. М: АСТ, 2017. С. 55.
2. Шварц С. Отсутствующий отец и его влияние на дочь. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 113.
3. Апкаева С.А., Волошко В.В. Влияние отсутствия отца на формирование личности ребенка: Медицинские технологии, Фундаментальная медицина, Клиническая медицина // Смоленский медицинский альманах. Серия: Психологические науки. 2019. № 4. С. 126–128.
4. Перлз Ф. Практика гештальт-терапии. Психологические технологии. / К.Э. Гудман, Р. Хефферлином. М: Академический проект, 2008. С. 137.

ЭТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА МОЛОДОГО УЧИТЕЛЯ

ETHICAL COMPETENCE AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF THE PEDAGOGICAL AUTHORITY OF A YOUNG TEACHER

И.В. Мешкова

I.V. Meshkova

Авторитет учителя, личность учителя, этическая компетентность, этическая культура, профессиональная этика педагога.

В статье рассматривается проблема формирования авторитета молодого учителя в глазах учащихся. Среди слагаемых авторитета современного учителя этическая компетентность занимает ведущее место. Уважительное отношение к ученику, доброжелательность в общении, тактичность, корректность, внимание к проблемам ребенка, желание помочь ему реализовать свои способности – все это характеризует педагога как этически компетентного человека, повышает его авторитет среди учащихся.

Authority of the teacher, personality of the teacher, ethical competence, ethical culture, professional ethics of the teacher.

The article deals with the problem of forming the authority of a young teacher in the eyes of students. Among the components of the authority of a modern teacher, ethical competence occupies a leading place. Respect for the student, goodwill in communication, tact, correctness, attention to the problems of the child, the desire to help him realize his abilities – all this characterizes the teacher as an ethically competent person, increases his authority among students.

Современный мир задает высокие темпы жизни, чем объясняются новые требования к подготовке специалистов в сфере образования. В эпоху цифровизации выпускник педагогического вуза должен быть компетентен не только в области информационно-коммуникационных технологий и медиации, но и в решении педагогических задач, опираясь на общечеловеческие нравственные ценности и принципы.

В связи с этим актуализируется общественная потребность в педагоге как социально зрелой личности, имеющей выраженную гражданскую позицию, способной в сложных ситуациях нравственного выбора проявить этическую компетентность. Среди слагаемых авторитета современного учителя этическая компетентность занимает ведущее место. Ученик оценивает учителя, прежде всего, как личность, затем как профессионала.

Следует отметить, что личность учителя для школьников часто является примером. Поэтому для формирования этической культуры учащихся необходимо, чтобы педагог сам был этически компетентен, нравственным «эталонном».

«Этическая компетентность предполагает не только знание педагогом норм поведения и их соблюдение, а также умение привить детям этические нормы» [1, с. 306].

Среди основных составляющих истинного авторитета М.Ю. Кондратьев выделяет: 1) значимость педагога в воспитании ученика, оценка этой значимости родителями и самим обучаемым; 2) информированность учителя, его компетентность в своем предмете; 3) референтность – способность педагога помочь ученику не только в рамках своего предмета, но и в любой другой жизненной ситуации; 4) уважение педагогом личности своих воспитанников, стремление к взаимопониманию и сотрудничеству с ними [цит. по: 2, с. 89].

Такое понимание авторитета учителя актуально и в наши дни. Уважительное отношение к ученику, доброжелательность в общении, тактичность, корректность, внимание к проблемам ребенка, желание помочь ему реализовать свои способности – все это характеризует педагога как этически компетентного человека, профессионала в своей области. Кроме того, педагог, соблюдающий нормы профессиональной этики, более успешен в своей профессиональной деятельности и уверенно чувствует себя в любой ситуации педагогического взаимодействия, не допуская конфликтов.

Несомненно, этическая компетентность является важной частью формирования педагогического авторитета, имеет приоритетное значение. Она выступает показателем и результатом профессионально-личностной готовности педагога к работе, так как выполнение любой педагогической задачи имеет моральный смысл.

Проведенный нами в сентябре 2022 г. опрос студентов 4 курса Нижнетагильского государственного социально-педагогического института показал, как студенты понимают роль этической компетентности в формировании авторитета молодого учителя. По их мнению, педагогический авторитет молодого учителя формируется благодаря глубоким теоретическим знаниям, умениям, личностным качествам, нравственным ценностным ориентациям. Презентуя это, педагог может добиться авторитета. Благодаря таким качествам, как доброта, отзывчивость, человеколюбие, открытость, можно расположить к себе учащихся, добиться авторитета. Многие преподаватели, следуя этическим нормам, стремясь быть справедливыми, добиваются авторитета среди учащихся.

Так, например, в сфере изобразительного искусства порой приходится выходить за рамки общепринятых представлений о педагоге. Творческому человеку, работающему в педагогической сфере, свойственно быть необычным, другим, непонятым. При этом соблюдение этических норм, отстаивание своих принципов, не выходящих за рамки уважения человеческого достоинства, умение преподнести себя как этически компетентного и формирует авторитет, уважение со стороны учеников. Очень важно соблюдать этические нормы при работе с аутичными детьми [3].

Дети зачастую очень чувствительны и хорошо разбираются в людях. Поэтому, чтобы заслужить у них авторитет, важно уметь правильно «подать» себя,

продемонстрировать умение отстаивать свои интересы, отстаивать свое право быть «необычным» (в рамках допустимой нормы), соблюдая правила этикета, следуя гуманистическим подходам в обучении. Такую позицию молодого учителя учащийся заметит, потянется к педагогу, и, соответственно, педагог завоеует авторитет. Целостность личности педагога поможет привлечь внимание, уважение учащихся.

Следует отметить, что свойственная преимущественно молодым учителям «боязнь класса», «боязнь сцены» не позволяет им в должной мере выстроить образ авторитета, из-за чего учащиеся часто теряют внимание и интерес, что способствует снижению уровня дисциплины в классе. Более же опытные преподаватели часто склонны к недооценке коммуникативной и интерактивной составляющей педагогического процесса, что, в свою очередь, негативно влияет на эффективную деятельность учащихся.

В связи с этим для поддержания своего авторитета молодым и опытным педагогам можно рекомендовать повышение квалификации с целью актуализации знаний о современной культуре, что позволило бы им иметь больше тем для неформального общения с учениками, тем самым выстраивая более доверительные отношения с ними, проявляя этическую компетентность, повышая свой авторитет и эффективность обучения.

Библиографический список

1. Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. Этическая компетентность современного педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. С. 306–308.
2. Родцевич А.П. Авторитет учителя и условия его формирования // Academy. 2017. № 4 (19). С. 88–89.
3. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL BARRIERS ON THE FORMATION OF ETHICAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS

И.С. Лобаева

I.S. Lobaeva

Научный руководитель И.В. Мешкова
Scientific director I.V. Meshkova

Педагогическое общение, педагогическое взаимодействие, психологические барьеры, коммуникативная компетентность, этическая компетентность педагога, студенты педагогического вуза.

В статье рассматривается проблема влияния психологических барьеров общения на формирование коммуникативной и этической компетентности будущих педагогов. Чаще всего психологические барьеры связаны с низкой коммуникабельностью человека, что затрудняет проявление этических ценностей в ситуациях нравственного выбора. Для решения этой проблемы студенты считают необходимым увеличение времени педагогической практики, что позволило бы им развивать навыки коммуникации и приобрести опыт проведения этических бесед с классом.

Pedagogical communication, pedagogical interaction, psychological barriers, communicative competence, ethical competence of a teacher, students of a pedagogical university.

The article deals with the problem of the influence of psychological barriers of communication on the formation of communicative and ethical competence of future teachers. Most often, psychological barriers are associated with a person's low sociability, which makes it difficult to manifest ethical values in situations of moral choice. To solve this problem, students consider it necessary to increase the time of teaching practice, which would allow them to develop communication skills and gain experience in conducting ethical conversations with the class.

Одной из проблем профессиональной подготовки студентов педагогических вузов является проблема формирования этической компетентности у людей с низкой коммуникабельностью, высоко тревожных, испытывающих страх в ситуациях неопределенности или нравственного выбора, когда нужно проявить готовность к персональной ответственности за принятые решения.

Профессия учителя требует от человека уверенной подачи информации, демонстрации своей профессиональной компетентности, соответствия личностных и профессионально важных качеств ее требованиям в современных условиях. Однако на пути формирования таких качеств у будущего специалиста

нередко выстраивается ряд психологических барьеров, которые мешают уверенно использовать свои знания и умения, презентовать себя как личность, а многочисленные переживания, обычно неоправданные и надуманные, сковывают и разрушают все лучшие намерения.

Понятие «барьер» наиболее часто используется в современной психологической науке и рассматривается как «субъективно-объективная преграда, возникающая на пути человека и затормаживающая удовлетворение потребностей» [1, с. 106].

Некоторые авторы выделяют в профессиональной деятельности педагога ряд психологических барьеров, блокирующих формирование профессиональной мотивации, среди которых «низкий уровень коммуникативной культуры – неумение общаться с людьми; <...> низкий уровень творческого самовыражения» [2, с. 79].

В современной литературе психологический барьер рассматривается с двух позиций: «как негативные факторы, отрицательно влияющие на профессиональную деятельность, и как конструктивное образование и необходимый фактор, обеспечивающий развитие деятельности, а, следовательно, и личности» [3, с. 182]. Конечно, особым образом обстоит дело в общении, например, с аутичными людьми [4].

В контексте такого подхода психологические барьеры можно рассматривать как фактор формирования этической компетентности студентов педагогического вуза. «Этическая компетентность предполагает не только знание педагогом норм поведения и их соблюдение, а также умение привить детям этические нормы» [5, с. 306].

Анализ результатов письменного опроса студентов 4 курса Нижнетагильского государственного социально-педагогического института, проведенного в 2022 г., показал, что они рассматривают этическую компетентность как важную составляющую профессиональной компетентности педагога и связывают ее с проявлением заинтересованного отношения к личности обучающихся. В первую очередь, по их мнению, учитель должен осознавать и разделять гуманистические ценности, осуществлять рефлексию своих поступков с этических позиций.

Наличие психологических барьеров после прохождения педагогической практики у себя отметили 42 % опрошенных. При этом все они видят в барьерах только деструктивную функцию, что затрудняло выполнение профессиональных задач. В первую очередь психологические барьеры проявлялись в общении с детьми, имеющими низкий уровень коммуникативной культуры, высокий уровень агрессивности, демонстративное неуважение к взрослым. Поэтому с ними студентам труднее всего было выстраивать отношения, опираясь на нравственные нормы и ценности, проявляя авторитарный стиль общения, что приводило к внутренним конфликтам, снижению профессиональной мотивации. В таких ситуациях барьеры выполняли функцию психологической защиты для сохранения положительной самооценки.

В то же время студенты отметили, что для преодоления данных проблем необходимо увеличить время, отведенное на педагогическую практику. Сначала давать практикантам наиболее дисциплинированные классы, где студенты могли бы развивать в себе навыки коммуникации и более продуктивной работы с классом, тем самым получая возможность приобрести опыт успешного общения и уверенности в себе.

По мнению студентов, психологические барьеры, несомненно, негативно влияют на формирование будущего педагога. К решению данной проблемы необходимо подходить комплексно, всеми способами развивая навыки коммуникации на всех уровнях и стадиях обучения студента, а также выявлять и устранять возможные причины появления психологических барьеров, нивелировать их эффект в процессе формирования этической компетентности.

Библиографический список

1. Гарданова Ж.Р., Манина В.А. Сравнительный анализ понятий «препятствие» и «барьер» в психологической науке // Вестник науки и образования. 2017. № 12 (36). С. 106–109.
2. Галушак К.Ю., Хамзеева Д.Р. Психологические барьеры в профессиональной деятельности педагога // Вестник науки и образования. 2021. № 8-3 (111). С. 77–80.
3. Василевская Е.А., Манина В.А. Проблема преодоления психологического барьера учебной деятельности в отечественной психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. № 2. С. 182–188.
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
5. Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. Этическая компетентность современного педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. С. 306–308.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА СПРАВЕДЛИВОСТИ

SEMANTIC ASPECTS OF THE IMAGE OF JUSTICE

Н.Н. Шестакова

N.N. Shestakova

Научный руководитель Е.Н. Викторук

Scientific director E.N. Viktoruk

Справедливость, семантические аспекты, семантика, образ справедливости, апофатический метод, катафатический метод.

Автор, опираясь на работы классических и современных исследователей, предпринимает попытку выявить семантические аспекты образа справедливости, используя известную методологическую оппозицию катафатизма и апофатизма.

Justice, semantic aspects, semantics, image of justice, apophatic method, cataphatic method.

The author, relying on the works of classical and modern researchers, makes an attempt to identify the semantic aspects of the image of justice using the well-known methodological opposition of cataphatism and apophaticism.

Ситуация, сложившаяся в современном обществе, характеризуется как кризисная: «дефицит справедливости в повседневной жизни» (Д.В. Давтян), «кризис справедливости» (И.В. Троцук), «кризис ценностных оснований культуры» (Углинская Н.А.), «разрушение пирамиды ценностей» (А.Д. Иоселиани). Происходящая в обществе трансформация ключевых основ и сфер жизни сопровождается изменением традиционных ценностей. Преобразуются модели коммуникации, усложняются системные связи индивидов, так что зачастую виртуальное пространство становится «главенствующим пространством социализации» [1, с. 33]. Одновременно усиливается эскапизм – отчужденность человека от окружающего мира. Вопрос о справедливости, в том числе социальной, актуализируется не столько в связи с распределением благ, но и в контексте дискуссий о «новой этике», в ходе обсуждения требований по обеспечению гендерного и расового равенства, обличений в харасменте, произошедшем много лет назад. Эти процессы не проходят безболезненно и сопровождаются крайностями, которые вызваны неготовностью традиционного и индустриального общества признать на глубинном уровне наличие проблем неравенства, нарушающего принципы справедливости. Достигнутая «точка кипения» выводит на поверхность требования дискриминируемых сообществ, которые зачастую также являются дискриминационными, но удовлетворение которых, по мнению этих сообществ, могло бы компенсировать былую несправедливость. Отсюда «обнуления», требования денежных компенсаций за предыдущие годы рабства, запрет юбок в школах. Эти явления имеют место наряду со стремлением к социальному многообразию и инклюзии [2; 3], которые в идеале и являются репрезентацией новой справедливости.

Перечисленные здесь и многие другие социальные трансформации связаны с оценками справедливости/несправедливости и побуждают к рефлексии над феноменом справедливости, к уточнению и прояснению семантики самого понятия, поскольку новое в его содержании конституируется социальным бытием в ходе происходящих в настоящем коренных изменений. Несмотря на то, что понятие справедливости имеет ряд фундаментальных научно-исследовательских традиций и широко используется в социокультурной риторике, его методологический потенциал как регулятора общественных отношений, складывающихся в условиях перехода к постмодерному обществу, нуждается во всестороннем комплексном изучении, предполагающем поиск новых подходов, в том числе междисциплинарных.

В соответствии с принципом справедливости выстраиваются определенные социально-культурные механизмы адаптации, сложившиеся в традиционном, а также в индустриальном обществе. Изначально они направлены на регулирование общественной жизни в рамках незыблемых социальных ролей. Напротив, в сложном глобализирующемся обществе в условиях фрагментации и хаотизации ценностей, смещения социальных и гендерных ролей, сверхактивной цифровизации общественной жизни и усиления симуляционных процессов традиционные представления о справедливости, несмотря на их очевидность, теряют силу незыблемого регулятива. Возможно, поэтому на первый план выходят «негативные» семантические аспекты выстраивания образа справедливости. Иными словами, справедливость конструируется через ее противоположность. Такой тип дефиниций часто связывают с термином апофатичность (от греч. «апофатикос» – негативный, отрицательный). Эта познавательная стратегия направлена на работу с трансцендентным, с тем, что невозможно изучить «по аналогии», в отличие от катафатического подхода (греч. катафатикос – положительный, утверждающий), основывающегося на рациональных рассуждениях и опирающегося на авторитетные источники.

Понятие «апофатичность» в его инструментально-методологическом смысле берет свое начало в Античности и понимается как принцип отрицания свойств, относящихся к предмету. Апофатика как познавательная практика имеет широкое поле применения, наиболее привычен ее теологический аспект. Не менее важная сфера применения апофатики – философия. П. Гуревич и Э. Спирова рассматривают апофатизм как научный метод, ссылаясь на Ф. Бэкона, по мнению которого наука начинается с отрицания, с критики собственных оснований, очищения разума от заблуждений и идолов [4, с. 13].

Постмодернистский подход подразумевает, что распад бытия на различных уровнях (ментальном, биологическом, этическом, цифровом) не позволяет больше рассматривать человека как цельную сущность. Катафатический подход больше не в силах комплексно осмыслить эту фрагментарность [5]. Требуются иные способы постижения человеческого бытия – одним из которых как раз и может стать апофатический подход.

Эвристический потенциал апофатического подхода заключается в том, что он позволяет выявлять знаниевые лакуны и определять направление познавательного процесса, на том основании, что апофатичность является неотъемлемой составной процесса мышления. Это важно и для наук о человеке и обществе. Говоря об осмыслении знания и его границ, подчеркивают, что понимание как мыслительная деятельность субъекта должно одновременно осознавать и отрицать знание [6, с. 39].

Применительно к справедливости философско-методологическая рефлексия этой категории также не может основываться только на катафатических подходах. На уровне методологических интуиций мы можем наблюдать применение учеными и апофатического инструментария. Понятие справедливости требует соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием, а также эквивалентности взаимного обмена деятельностью и ее продуктами. Несответствие оценивается как несправедливость. Пытаясь более точно определить понятие справедливости, прибегают к апофатическому способу оценки.

Библиографический список

1. Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Соколова А.А. Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей: возрастной контекст // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 2. С. 31–53.
2. Гох А.Ф., Шестакова Н.Н., Юрков Д.М. Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 2 (48). С. 189–198.
3. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
4. Гуревич П., Спирина Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 6–25.
5. Хоружий С.С. Человек: сущее, творящее себя // Человек. RU. 2006. № 2. С. 31–56.
6. Бакеева Е.В. Апофатическое мышление как «метод» понимания // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 37–43.

КЛУБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

CLUB ACTIVITY

AS A PHENOMENON OF PRESENT-DAY CULTURE

Л.Н. Романова

L.N. Romanova

Научный руководитель **Е.Н. Викторук**
Scientific director E.N. Viktoruk

Клубы; клубная деятельность; культурно-досуговая деятельность; художественная самодетельность.

Рассматриваются задачи культурно-досуговой деятельности в контексте освоения культурных ценностей путем непосредственного включения людей в творческий процесс. Особо отмечается роль клубных учреждений и художественной самодетельности.

Clubs; club activities; cultural and leisure activities; amateur art.

The tasks of cultural and leisure activities in the context of the mastering the cultural values through direct inclusion of the people in the creative process are considered. The role of club institutions and amateur performances is particularly noted.

Творческими достижениями, богатством культурного наследия сегодня может гордиться практически любой регион Российской Федерации. Однако эффективность культурной жизни страны определяется не только ценностью культурного достояния, но и тем, насколько населению обеспечена возможность участия в культурной и социальной жизни, пользования учреждениями социально-культурными учреждениями. Жители сотен малых городов и тысяч сельских поселений все еще испытывают серьезные препятствия в доступе ко многим культурным благам, лишены прямого и непосредственного доступа к культурным ценностям, сосредоточенным преимущественно в столичных мегаполисах. Насколько этично, когда в обществе сохраняется такой диссонанс?

На пути развития клуба его главной составляющей вновь является самодетельный коллектив граждан, занимающихся художественным творчеством и развивающий общественные инициативы согласно местным традициям. Географические, экономические и коммуникационные возможности нашей страны не всегда позволяют создать равномерное обеспечение населения стационарными объектами социальной инфраструктуры.

Перед сферой культурно-досуговой деятельности стоят, прежде всего, следующие актуальные задачи:

– обогащение структуры досуга граждан позитивными развивающими занятиями путем использования ресурсов культуры;

- развитие творческих способностей граждан как условия для формирования активной, трудоспособной, здоровой физически и нравственно личности;
- содействие социализации подрастающего поколения путем вовлечения в коллективные формы досуга (в частности, клубные формирования, массовые культурно-просветительские акции);
- содействие формированию здорового социально-психологического климата в местных сообществах.

Технологии культурно-досуговой деятельности сегодня позволяют гражданам активно осваивать культурные ценности путем непосредственного включения в творческий процесс интерпретации существующих и создания новых художественных произведений, включения в процесс подготовки и проведения массовых культурных акций. Такая деятельность доступна «особенным» людям, способствует их инклюзии [1]. Она становится одним из факторов институционализации аутичных сообществ [2].

Одним из важнейших направлений деятельности учреждений культуры в современных условиях являются социальная адаптация и приобщение мигрантов к культуре коренного населения. Не менее значимым является и социальный заказ со стороны местных органов власти по развитию краеведения, пропаганде истории малой родины, культуры, обычаев, языка и других элементов культурной и национальной самоидентификации жителей, организации свободного времени старшего поколения.

В то же время все большую актуальность приобретает деятельность клубных учреждений как площадок для социальных коммуникаций, как мест, где могут обсуждаться наиболее волнующие местные сообщества проблемы, в том числе в формате «власть–бизнес–социум».

Одним из приоритетных направлений культурно-досуговой деятельности, традиционного содержания клубной работы была и остается художественная самодеятельность – уникальное явление, родившееся творческой инициативой масс на заре XX века и не имеющее мировых аналогов. Она подразумевает под собой не столько зрительское восприятие художественных ценностей, сколько возможности вовлечения населения в процесс освоения различных видов искусства и художественной деятельности.

В своей работе специалистам учреждений клубного типа необходимо учитывать социально-экономические условия, интеграционные и миграционные процессы, гибко и оперативно реагировать на меняющиеся запросы населения, предлагая ему современные, подкрепленные новейшими технологиями услуги в области эстетически и интеллектуально развивающего досуга. Цель развития клубного дела заключается в формировании благоприятной и ценностно-ориентированной социокультурной среды, обеспечивающей решение следующих задач:

- создание возможностей для самореализации и развития талантов;
- духовно-нравственное развитие личности;

- сохранение и популяризация нематериального культурного наследия;
- развитие всех жанров самодеятельного народного творчества;
- использование актуальных форм культурно-просветительской деятельности;
- организация содержательного и развивающего досуга граждан.

На базе клубных учреждений возможно создание многофункциональных открытых культурных пространств как площадок самореализации личности с востребованными форматами интеллектуального и творческого досуга. Особо можно отметить работу по сохранению семейных ценностей, создание культурных брендов территорий края как факторов социокультурного и экономического развития посредством использования культурного и туристского потенциала территорий, развитие креативных индустрий, способствующих созданию новых рабочих мест, поддержке малого бизнеса, повышение культурного разнообразия [3].

Грамотно ориентируя клубную сеть на развитие инновационных форм работы как учреждений по воспитанию патриотизма и гражданской идентичности, межнационального согласия и творческого развития личности, мы сможем вернуть клубной системе, уникальному отечественному достоянию ее основное значение – просвещение и воспитание граждан через культуру и творчество, развитие в человеке духовного потенциала как познавательно–коммуникативного, так и созидательного с ориентацией на традиционные для нашего российского мировоззрения ценности.

Библиографический список

1. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Концепт культуры как инструмент осмысления феномена аутизма // Аутизм и другие нарушения в развитии: современные исследования и разработки. 2018. № 1 (1). С. 30–37.
2. Викторук Е.Н., Минеев В.В., Гох А.Ф. Проблема статуса аутичного сообщества и признаки наличия аутичной культуры // Ценности и смыслы. 2018. № 3 (55). С. 79–92.
3. Gokh A.F., Mineev V.V., Viktoruk E.N. Defending identity and diversity: the potential of cultural anthropology for reshaping autism // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Т. 11, № 12. С. 1947–1961

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНСОВ Иван Вячеславович – аспирант, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: ansovivan@mail.ru

БАБАЕВА Анастасия Александровна – аспирант, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: eviktoruk@yandex.ru

БЕРЕЗИНА Анастасия Павловна – студент ИСГТ, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: log1444@yandex.ru

ВЕРЯСОВА Ксения Евгеньевна – студент, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: ksenia.veryasova@bk.ru

ВИКТОРУК Елена Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: eviktoruk@yandex.ru

ВОЛОДЕНКОВА Анна Александровна – магистрант, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: avolodenkova@mail.ru

ГАВРИНА Ольга Александровна – магистрант ИСГТ, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: olgagavrina8085@gmail.com

ГОНТАРЬ Лада Юрьевна – студент ИСГТ, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: log1444@yandex.ru

ГОХ Анатолий Федорович – преподаватель, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: an_goh@mail.ru

ГУАН Маосэнь – аспирант, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: guanmaosen123@gmail.com

ИШМАНОВА Александра Александровна – магистрант, Волгоградский государственный университет; e-mail: kornilova@volsu.ru

КАРПИЕВИЧ Анастасия Ивановна – магистрант, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: olkaskoda@gmail.com

КИТАРИОГЛО Александр Георгиевич – кандидат философских наук, преподаватель Красноярского финансово-экономического колледжа Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: vvmineev@mail.ru

КЛИНКОВА Дарья Сергеевна – студент, СГУПС, г. Новосибирск; e-mail: nnonnamee@mail.ru

КРУГЛОВ Виктор Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: vlk60cairos1808@inbox.ru

КУБРИКОВА Анна Сергеевна – аспирант, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: kubsem@mail.ru

ЛИТОВСКИХ Кристина Вадимовна – студент ИСГТ, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: log1444@yandex.ru

ЛОБАЕВА Ирина Сергеевна – студентка 3 курса факультета психолого-педагогического образования, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «РГППУ», г. Нижний Тагил; e-mail: irina_lobaeva@mail.ru

ЛОБАНОВА Нина Исааковна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, экономики и права, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: nanakrasnoyarsk@yandex.ru

ЛОГУНОВА Лариса Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, экономики и права, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: log1444@yandex.ru

ЛЮБИЧЕВА Вероника Дмитриевна – студент, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: nika.liubi4eva@yandex.ru

МЕШКОВА Ирина Владимировна – преподаватель, НТГСПИ (Ф) РГППУ, г. Нижний Тагил; e-mail: meshkova-ntgspi@mail.ru

МИНЕЕВ Валерий Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: vvmineev@mail.ru

МИШАНОВ Алексей Александрович – студент, СГУПС, г. Новосибирск; e-mail: katyusha003@mail.ru

МОЛОКОВА Лиана Руслановна – студент ИСГТ, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: log1444@yandex.ru

МОРОЗОВА Ольга Николаевна – магистрант,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: olkaskoda@gmail.com

МУТОВИНА Ксения Юрьевна – студент, КГПУ
им. В.П. Астафьева;
e-mail: keksenia060802@gmail.com

МЫШКОВСКАЯ Александра Ивановна – аспи-
рант, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: alxndrasharon@gmail.com

НЕСТЕРЕНКО Екатерина Романовна – студент,
СГУПС, г. Новосибирск;
e-mail: katyusha003@mail.ru

НУРМУХАМЕТОВА Виктория Васильевна – до-
цент, Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова;
e-mail: viktonur@yandex.ru

ОРЛОВА Ольга Юрьевна – магистрант, КГПУ
им. В.П. Астафьева;
e-mail: jivanolga@gmail.com

ПОПОВ Павел Михайлович – аспирант, УрФУ,
г. Екатеринбург; e-mail: tmrezer@mail.ru

ПОХАБОВА Полина Федоровна – студент ИСГТ,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: log1444@yandex.ru

РЕЗЕР Татьяна Михайловна – профессор, УрФУ,
г. Екатеринбург; e-mail: tmrezer@mail.ru

РОЗОНОВА Карина Юрьевна – студент ИСГТ,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: log1444@yandex.ru

РОМАНОВА Любовь Николаевна – аспирант,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: romanovaln2017@yandex.ru

САСИН Михаил Викторович – аспирант, КГПУ
им. В.П. Астафьева; e-mail: vvmineyev@mail.ru

СМИРНОВА Марина Михайловна – аспирант
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: knyam2020@mail.ru

СПИРИДОНОВА Наталья Геннадьевна – ма-
гистр КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: antonova-nataliya@mail.ru

ТИХОНОВА Евгения Петровна – доцент, ТУСУР,
г. Томск; e-mail: t-e-p79@mail.ru

ТУРЧЕВСКАЯ Бэлла Крымовна – доцент кафе-
дры философии педиатрического факультета,
Дальневосточный государственный медицин-
ский университет, г. Хабаровск;
e-mail: bkturchevskaya@inbox.ru

ФЕДОТИКОВ Матвей Александрович – студент,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: matveyfedotikov@gmail.com

ХОРУНЖЕНКО Арина Владимировна – студент,
СГУПС, г. Новосибирск;
e-mail: nnonnamee@mail.ru

ЧЕРНЯЕВА Александра Сергеевна – доцент ка-
федры философии, СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск; e-mail: alchern75@mail.ru

ЧЕРНОВА Ирина Владимировна – доцент,
СибГМУ, г. Томск; e-mail: ikar561965@mail.ru

ШЕВАЛОВ Семен Владимирович – аспирант,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: shevalov95@gmail.com

ШЕСТАКОВА Наталья Николаевна – старший
преподаватель кафедры философии, экономи-
ки и права, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: tash_@bk.ru

ЮДИНА Марина Борисовна – магистрант ИСГТ,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: olgagavrina8085@gmail.com

ЮРКОВ Дмитрий Владимирович – аспирант,
КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: dmitryurk@yandex.ru

ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ

Материалы X Всероссийской (национальной)
научно-практической конференции

Красноярск, 24 ноября 2022 г.

Электронное издание

Редактор А.П. Малахова
Корректор М.А. Исакова
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 26.12.22.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,6